

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ ЗАПИСКИ АВТОРА (1968 – 1990 гг.)

Сов. секретно

ЦК КПСС

ТЕЗИСЫ ДЛЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИИ

«Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию» (Ленин, 27/252)¹.

«Социализм невозможен без демократии» (Ленин, 30/128).

ЦЕЛИ

1. Консолидация общества. В стране развивается в перспективе опасный процесс социальной неудовлетворенности, охватывающий различные группы населения. Причины и круг претензий многообразны, но сам процесс совершенно отчетлив. Нужны срочные и реальные меры объединения общества на новой основе. Старая в значительной мере разрушена. Новая только создается. Жизнь втягивает советское общество в эпоху неизбежных социальных перемен. Позитивный процесс идет слишком медленно. Его суть:

1. Сближение практики социализма с его идеалом, уничтожение разрыва между словом и делом.

2. Все более тесное слияние интересов личности, групп, общества в целом.

3. Реальное вовлечение всех и каждого в совершенствование жизни на местах и в государстве в целом. *Это – главный пункт*, от которого зависит решение и первых двух. Здесь же основа ликвидации социальной неудовлетворенности, т. к., во-первых, люди будут сами, непосредственно отмечать положительные сдвиги, темп которых значительно ускорится; во-вторых, они, приобретя вместе с правами и ответственность, сами будут видеть, что сегодня реально, а что нет; в-третьих, не кто-то «сверху», а сами они, массы, будут ответчиками за все происходящее, в том числе и за все несовершенное и упущенное.

Одно из важнейших условий (и сторон тоже) процесса действительного развития масс как фактических и формальных хозяев страны состоит в пре-

¹ Цитаты в данном издании приведены по Полному собранию сочинений В. И. Ленина и в ряде случаев дополнены ссылками на источники.

вращении каждого человека в личность, сознательно стоящую на социалистической почве и владеющую хотя бы азами диалектико-материалистической методологии мышления (раскованность мысли!), без чего невозможно развитие его творческого характера.

Таким образом, цементация общества не столько наружными обручами, внешними по отношению к человеку силами, а изнутри, когда каждый атом сознательно и целеустремленно связан со всеми другими и находится в постоянном и активном взаимодействии с ними. (В этом пункте характеристика цементирующих сил в прошлом и настоящем дана огрубленно с исторической и фактической точек зрения.) Все это – решающая сторона процесса воспитания нового человека.

II. *Повышение динамичности советского общества* путем более полного использования преимуществ социалистического строя, развития социалистической и коммунистической его природы.

III. *Рост его конкурентоспособности* (в том числе морально-психологической) в борьбе двух систем. Эта проблема становится особенно важной в условиях современной научно-технической революции, когда опасность нашего отставания от мирового технического уровня может возрасти. Нужно развить гуманистические преимущества социализма.

Социализм доказал свою экономическую и социальную жизнеспособность, несмотря на все тяготы истории, вынуждавшие и вынуждающие его к определенным отклонениям от идеала. Задача соревнования в технико- и социально-экономической сферах не снимается, но на этом этапе, в силу вышесказанного, на передний план все явственнее выдвигается проблема *положения и роли личности в обществе*, взаимоотношения между ними. Сейчас мы вынуждены обороняться против утверждения западных пропагандистов о том, что коммунизм и демократия – антиподы. Опровергнуть это можно только фактами, которые убедительнее слов покажут, что социализм и демократия в известном смысле тождественны, что именно при социализме демократия в широком значении этого слова – средство и цель движения одновременно.

IV. *Укрепление единства со всеми демократическими силами и движениями мира* (борьба за мир, мирный переход к социализму в развитых капиталистических странах).

СРЕДСТВА

1. Последовательный и полный (в соответствии с конкретно-историческими возможностями на каждом этапе) демократизм.
2. Превращение каждого человека в действительного сохозяина страны.
3. Развитие личности как самостоятельной, творческой, сознательно объединенной с другими в своих мыслях и действиях силы.

ПРИНЦИПЫ ПРОЦЕССА

1. Комплексность реформирования *всех* сторон жизни – от экономики до «формальных», внешних признаков демократизма.
2. Одновременность или даже опережающие темпы в ключевых сферах (прежде всего – в партии).

3. Последовательность.

4. Решительность, ограниченная лишь реальными (если они будут) опасностями подрыва устоев социализма и уменьшения мощи партии и государства – как внешнеполитического фактора, главным образом. Внутри страны – сохранение достаточной силы (в увязке с внешнеполитическими задачами), с учетом процесса постепенного – пусть и в далекой перспективе – отмирания ряда государственных функций. Где возможно и нужно – эксперимент локального (в пространстве и времени) значения.

5. Сам процесс должен вестись не только сверху, но и снизу, руками масс, причем партия направляет и обучает их демократическим и вместе с тем – сознательно-социалистическим формам бытия и мышления. «Демократия должна войти в привычку» (Ленин).

Привлечение к разработке и проведению процесса демократизации и контроля за его промежуточными результатами сил науки.

ПУТИ

«Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и перделыванием нашей советской системы» (Ленин, 44/224).

1. *Исходный момент*: изменение методов руководства обществом со стороны партии, что отнюдь не равнозначно ослаблению ее мощи. *Изменение соотношения между партийной и государственной властью, между партийными и хозяйственными органами*, – но лишь в определенном смысле в «пользу» государства.

Усиление роли государства в связи с необходимостью дальнейшей хозяйственно-экономической централизации и одновременно – децентрализации, а также подъема творческой активности масс. Последние должны и могут влиять на общенародные процессы прежде всего через свой непосредственный и опосредованный контроль деятельности государства, через их воздействие именно на государство, на его органы в центре и особенно – на местах. Совет Министров далеко, отсюда прежде всего – районные, областные и др. звенья. Народное творчество в устранении недостатков, в развитии социалистической и коммунистической природы общества при этих условиях явно возрастет.

Отсюда более четкое распределение обязанностей, прав и ответственности между партией и государством. Исключить, как правило, непосредственно организаторские и исполнительские функции партийных органов в решении конкретных хозяйственных вопросов (правда, провести грань будет, по-видимому, не очень просто, особенно в низших звеньях партийных и государственно-хозяйственных органов – на предприятиях и т. д.). Передать эти функции целиком государству, его хозяйственным органам.

Партии нужно «*лишь*» просматривать и направлять основные тенденции развития. Прежде всего, избавить ее от чисто хозяйственных, организационно-снабженческих функций (огрубляя идею: на каком-то этапе ликвидировать отраслевые, хозяйственные отделы партийных органов со всеми вытекающими последствиями). Оставить за партией лишь политику, определение основных принципов социально-экономической политики, для чего

создать соответствующий отдел ЦК. Сосредоточить в нем специалистов высшей квалификации, способных к действительному анализу экономики в решающих ее звеньях и эффективно питающих результатами своей работы Политбюро. Это – главный путь *контроля*. По мысли Ленина, партийное руководство государственными органами должно носить *политический* характер. Руководящая роль партии – не в подмене государственного и хозяйственного аппаратов. В Уставе партии, в Конституции *раскрыть*, что такое руководящая роль партии.

Руководить не участками, а людьми, руководить обществом *через людей*, через своих «ставленников». *Кадры – целиком в руках партии*. Политическая оценка их деятельности и, следовательно, личностная оценка – за партийными организациями. Это – главный путь *управления* основными тенденциями, явлениями, сферами.

Иметь в ЦК (по внутренним вопросам) лишь отделы:

- 1) организационно-партийный,
- 2) социально-экономический,
- 3) идеологический.

2. *Внутрипартийная демократия* должна развиваться опережающими темпами по отношению к другим сферам общественной жизни.

Открытый прием в партию.

Периодические отчеты коммунистов на открытых собраниях о своей работе, что-то вроде «переаттестации».

Система оценки и выдвижения кадров, начиная с выборов руководителей низовых партийных организаций. Не навязывать руководителей сверху. Внизу особенно не должно быть и речи об этом. Научить людей на опыте низовых звеньев оценивать и выдвигать руководителей. Одно это резко оздоровит обстановку, внесет дух независимости (в какой-то мере) и разовьет здоровое критическое начало, дух подлинной партийности и принципиальности.

Ввести систему предварительного обсуждения кандидатов на руководящие должности непосредственно в первичных организациях или на собраниях их представителей (на все выборные должности в райкомах, горкомах, обкомах). Сменяемость кадров. Возрастной лимит для руководителей (обеспечение работой типа Государственного советника или Советника). Это относится не только к партийной, но и к советской, хозяйственной сферам жизни.

Система оплаты труда партийных работников (повышение для большинства). Вместе с тем – полная гласность доходов. Многие высказываются за парт- (и гос-) максимум и минимум, может быть 500–600–200 руб. Приближение партийного и других аппаратов к массе по образу жизни. Уничтожение неоправданного разрыва в уровне жизни («икра для иностранцев и партийных работников»). Единая система распределения, а не отдельная для каждой группы работников, единая система оплаты труда (от спецстоловой до ренты научных работников). Ликвидация кастовости (обособленности): государственная бюрократия, партийный аппарат, военные, интеллектуалы, технократия, писатели, художники и др. (Вряд ли нормально, например, что режиссер фильма «Операция «Трест» получил кроме заработной платы 20 тысяч «постановочных».)

Членство в партии не должно быть средством карьеры. Сейчас для многих идеологический момент при вступлении в партию имеет весьма формальное значение.

Может быть, на каком-то этапе понадобится чистка партии с тем, чтобы избавиться от компрометирующих ее элементов. Право выхода из партии без последствий. Во всяком случае, уже сейчас необходимы поиски форм воздействия на членов партии в смысле максимальной их активизации. Относительно состава партии, воистину, лучше меньше, да лучше.

Обеспечение внутри партии реальной возможности выражать свои взгляды. Подлинное столкновение мнений, дискуссий при единстве действий в исполнении принятых решений.

Выборы любого выдвинутого коллективом (нажим сверху в конечном счете обходится дороже).

В повестке дня съездов – выступления «рядовых» делегатов с мест с постановкой вопросов, отражающих инициативу партийных и беспартийных масс.

3. Разделение функций между различными частями системы управления заставит одну часть подталкивать другую. В частности, необходимо *изменение соотношения между законодательной и исполнительной властью*, Верховным Советом и Советом Министров и между соответствующими низовыми звеньями. Сейчас первая задавлена второй. Законодательные органы лишь обсуждают, а практически решают исполнительные (именно решают, а не просто выполняют). Использование в этом отношении опыта развития буржуазной демократии. Организационный механизм отработан и опробован. Взять лучшее, подходящее.

Может быть, постоянно действующий парламентский аппарат (не обязательно непрерывное общее заседание) – уже в результате одного этого несколько изменятся взаимоотношения властей. Обязательность решения законодательных органов. Вотум доверия. Реальное право интерpellации и его использование. Нужно резкое усиление ответственности исполнительной власти перед законодательной. Отчеты министерств!

Изменить практику обсуждений, которая сейчас носит характер отчетов прежде всего. Отчеты нужны, но и они должны иметь *проблемный* характер. Новые проблемы, возникающие перед страной. Постоянно действующие парламентские комиссии и т. д. *Рабочий* парламент, который занимается повседневной жизнью страны, а не просто парадно рассматривает два-три вопроса: план, бюджет, международное положение.

Сейчас депутат не влияет серьезно на политику государства, а значит, и народ – тоже. Депутат «решает» государственные дела походя, между двумя циклами прополки или двумя плавками. Хотя бы часть времени в месяц, в году специально выделять на отправление государственных функций.

В Верховном Совете хотя бы часть депутатов (если не все) – освобожденные от прежней работы на время их функционирования в качестве депутатов. Офис + 1–2 помощника. Сосредоточение на работе в соответствующих комиссиях и других органах законодательной власти. Для разных звеньев советской системы этот вопрос решается по-разному.

Определить *права* депутатов Верховного Совета СССР и других депутатов, особенно – на местах. В частности, может быть, право *оперативного* вмешательства с установлением *сроков* реакции соответствующих органов власти.

Всесторонняя гласность: «Государство сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» (Ленин, 35/21). Гласность, исчерпывающая и оперативная информация – неперенное условие дальнейшей демократизации общественной жизни. Лишь человек, прекрасно информированный, сориентированный во всех проблемах, имеющий реальные возможности приложить свои силы, способен инициативно и плодотворно участвовать в делах общества. Вывать к гражданской активности людей, которые не располагают широкой информацией и не находятся в благоприятном для такой творческой активности социальном климате, – бессмысленно.

Социализм – более многовариантный, альтернативный и, в частности, поэтому глубоко демократический по своей природе строй, ибо демократия – это прежде всего свобода (пусть и в качестве осознанной необходимости) выбора (например, при социализме *может* практически существовать любая система цен, хотя, конечно, должна существовать оптимальная).

По сути мы демократичны, по форме часто – антидемократичны. Привести форму в соответствие с содержанием, содержанием сегодняшнего и завтрашнего дня.

Отсутствие выбора во всех сферах и на всех ступенях (азиатское прошлое, история страны вообще, капиталистическое окружение и т. д.). Сейчас мы в целом не понимаем сути уже идущего и исторически неизбежного перехода от времени, когда не было выбора или когда мы могли позволить себе игнорировать эту возможность (точнее, выбор всегда делался, но не демократично), ко времени, когда без демократического выбора, в котором участвовал бы каждый человек, успешно развиваться нельзя. (Отсюда, к слову, навязчивая пропаганда, которая порой объективно начинает играть отрицательную роль, – по реакции аудитории на нее.) А между тем отсутствие *социалистической альтернативы* побуждает искать ее извне, и какая-то часть людей находит ее в тех или иных сторонах буржуазной системы. Должна быть *свобода выбора на базе социализма*.

Отсюда – выборы должны быть не избранием, а все-таки именно выбором, причем выбором лучшего. Можно ограничить число выдвигаемых кандидатов (не более трех, скажем). Контроль партии за выдвижением, но не строгая регуляция, о которой все говорят давно вслух: «разверстка» (столько-то женщин, столько-то беспартийных, столько-то из сферы физического труда и т. д. – на область, скажем).

Депутат должен зависеть от избирателей, действительно выражать *их* мнения своими устами, а не свое мнение от их имени. «Мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ создает» (Ленин, 45/112).

Получение наказа избирателей по важнейшим вопросам.

Собрание избирателей – постоянно (регулярно) действующий орган. Советоваться с избирателями.

Подотчетность и сменяемость депутатов. Реальный отзыв депутатов – с публикацией, объяснениями. («Более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва». Ленин, т. 36/72.)

При таком положении вещей депутат в советских условиях становится действительным слугой народа, он целиком зависит от воли избирателей.

Последствия: колоссальное возрастание реальной ответственности перед массами, подчиненности, подконтрольности им, а главное – действи-

тельное привлечение масс к управлению делами района, области, республики, страны через их прямое и организованное коллективное воздействие на депутата. Видимо, особенно эффективно это скажется прежде всего на превращении *местных Советов* в подлинные органы власти.

У каждого депутата должно быть советское, социалистическое, но *свое* лицо. У него может быть своя «программа» работы в этом качестве (условно говоря: «Я буду добиваться прокладки такой-то дороги за счет таких-то средств»). Что и как хотят делать? – рассказать избирателям заранее.

4. Реальная независимость судебной власти от всех других ее видов.

Дело дошло до заявлений, что правосудия у нас нет. А между тем это одна из наиболее просматриваемых форм, сфер власти.

Независимость судей, реальные гарантии независимости – в принципах судостройства, порядке отзыва и т. д.

Бессменность судьи, отзыв лишь при определенных условиях. У нас же на пять лет. Чем ближе срок выборов, тем меньше принципиальности. Не случайно происходит непрерывное перемещение судей. Увеличить срок хотя бы до десяти лет. Стабильность положения.

Судебная деятельность должна быть специальностью, профессией, а у нас примерно 25 процентов судей не имеют высшего юридического образования.

Сейчас желающих вмешиваться в отправление правосудия хоть отбавляй. Надо рассматривать такое вмешательство в разрешение конкретных дел как *преступление*, караемое по закону. Характернейший случай – дело подонка Рокотова (четыре раза пересматривалось, применена обратная сила к закону о смертной казни – ужасная реакция, особенно за рубежом: нас чуть не исключили из «нашей» же Всемирной организации юристов-демократов). Или: десять – двенадцать лет назад было решение ЦК по поводу вмешательства партийных органов в отправление судебных дел в Тульской области – указано на недопустимость вмешательства (более чем мало!). Особенно охотно влезает в судебные дела печать, нередко по существу предрешая вопрос о виновности.

Суд присяжных.

Изменение уголовного кодекса – твердость, стабильность. Неотвратимость и жесткость наказания для антиобщественных элементов, особенно для воров, беспощадность для убийц. Равенство любого (в том числе государственного «чиновника») перед лицом закона.

Вместе с тем – реальные гарантии осуществления прав личности. Должен быть закон о правах человека и их гарантиях, закон о неприкосновенности личности, имущества и жилища, о тайне переписки, телефонных разговоров, личной жизни. Уничтожить страх ареста. Политическая деятельность, если она не связана со стремлением к насильственным формам, не подсудна.

Сейчас же милиция может прийти ночью под предлогом проверки паспортного режима и убедиться, с кем ты спишь. Литерные мероприятия: М, Н, ПК¹ должны осуществляться только с санкции прокурора при серьезной

¹ За буквой «М» скрывалось подслушивание телефонных разговоров, за «Н» – прослушивание квартир, за «ПК» – перлюстрация корреспонденции. (Настоящее разъяснение введено при публикации текста Записки в книге. – Л. В.)

необходимости, а не в массовом масштабе по усмотрению органов. Ограничение рамок цензуры охраной государственной тайны и общественной нравственности.

Организационные формы осуществления прав на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, права на свободное перемещение (в проекте нового паспортного режима была отменена временная прописка, если есть жилье). Может быть, отмена паспорта вообще, если же нет – распространение этого порядка на все население, в том числе и сельское.

Широчайшая судебная защита прав личности – по любому вопросу, вплоть до обжалования действий милиции и других государственных органов. Гражданин должен иметь право предъявить иск должностному лицу и организации. Суд может потребовать от милиции прописать мать к сыну, обязать орган печати опубликовать сообщение о реабилитации ранее оклеветанного на его страницах человека. Против диффамации, право на доброе имя. Ликвидировать «контроль за мыслями», вмешательство в личную жизнь.

Уважение государства к человеку, его правам. Нужно иметь административные суды – обращаться за решением административных дел.

Закон и подзаконные, нормативные акты. Закон должен иметь императивный характер. Закон = норма, предписание или запрещение, диспозиция – санкция. А у нас законы – планы, бюджеты, которые далеко не во всем исполняются. Может быть, это не должно быть *законом*? Совет Министров и другие организации нарушают их по всем статьям.

Прокуратура, призванная в принципе следить за исполнением закона, бездействует по существу. Даже министры, не говоря уже о Совете Министров, нарушают большинство законов своими предписаниями и указаниями.

Передача некоторых государственных функций общественным организациям нередко выливается в издевательство над человеком (особенно в системе общественной охраны порядка). Массовое и юридически неквалифицированное, неоправданное законом вмешательство в личные, семейные и т. п. дела. То же – товарищеские суды. С юридической точки зрения царит полное беззаконие, по словам специалистов. Отсутствует всякая разумная регламентация деятельности этих общественных организаций, что ведет к прямому нарушению прав человека, воспитывает в людях скептическое отношение к советскому законодательству.

Человек должен иметь уверенность в лояльном и оперативном рассмотрении его нужд, жалоб компетентными людьми и организациями. Сейчас за *незаконный отказ* никогда никого не наказывают. А вот за *законное решение* – наказывают довольно часто. Поэтому привилась система: сначала отказать, потом обжаловать, потом, может быть, – положительное решение. Волокита – и время, нервы людей уходят впустую. Возникает атмосфера недовольства. Вопиющий пример – «порядок» прописки. Райотдел милиции не имеет на этот акт права, отправляет «в район», «в город». Так не надо заставлять людей проходить лишние звенья, ведь все это формирует наплевательское отношение к закону, к органам власти. Если бы провести социологическое исследование количества отказов, а потом полученных разрешений... Ответственность должна быть правильно распределена, и люди должны нести ответственность за непринятие ответственности. Короче: личность обязана уважать государство, но государство не менее обязано уважать личность. Иначе между ними всегда будет барьер, а то и разрыв. Надо

конституционно зафиксировать *обязанности государства по отношению к гражданину*.

Соотношение власти внутри судебной системы. Суды всех рангов занимаются *только* правосудием, а остальные функции – в Министерстве юстиции. Так было при Ленине.

Верховный Суд или Государственный Совет, который решал бы вопрос о конституционности тех или иных актов, о соответствии их природе социализма. Полная независимость Верховного Суда от всякого давления (пожизненное назначение, экономическая независимость и возможность непосредственного обращения к народу даже через голову власти, для чего – материальные условия: радиостанции, охранные части и т. п.). Нужна гарантия от чрезмерной централизации власти и от возможных в связи с этим случайностей.

5. «Мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества. Наше дело состоит *только* в том, чтобы *расчистить дорогу* всем этим силам» (Ленин, 36/153).

Важнейшая роль в расчистке дороги потенциям социализма принадлежит экономической реформе, как она задумана. Ослабление внимания к ней, недооценка ее возможностей и значимости – крупная ошибка.

Глубокая демократизация хозяйственной жизни.

Нам жизненно необходимо значительное ускорение хозяйственного развития. Сделать это только научно-техническими и экономическими средствами невозможно. Нужно включить сюда и раскрыть полностью факторы морально-психологические. А для этого нужна широкая демократия в экономике, сочетаемая с централизованным государственным управлением ею.

«Всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяет, в конечном счете, производственными отношениями данного общества» (Ленин, 42/276).

Взаимное воздействие развития демократии и экономики. «Отдельно взятый, никакой демократизм не дает социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории» (Ленин, 33/79).

Реальное участие масс *в планировании, управлении, реализации*. Создание единственной позитивной и саморазвивающейся основы – подлинного, органического, последовательного единства интересов человека, коллектива и общества.

Может быть, подумать об организациях типа «рабочих советов»? Видимо, эта идея при правильном ее толковании не так «страшна», если в 1956 г. было публично заявлено, что скоро эти советы у нас появятся. Впрочем, может быть, лучше свести дело к существенному расширению прав профсоюзов.

Производственная демократия не в троцкистском понимании (Ленин выступал против попыток противопоставить на производстве демократию

единоначалию). Права коллектива, в том числе по отношению к руководителям предприятий, – это далеко не анархо-синдикализм. При этом не только директор, но и коллектив будет нести ответственность за предприятие, за его работу.

Хозяйственные связи и *ответственность!* – прямая, жесткая, материальная.

Право на хозяйственную инициативу не только у коллективов, но и у личности (опыт, социально-экономический эксперимент, например, сфера обслуживания в каком-либо городе, области).

Концерны и тресты на полном хозяйственном расчете.

Возможно, подумать о том, чтобы вся система обслуживания и торговли была построена на кооперативных началах. Государство фиксирует цену и предоставляет в кредит помещения, оборудование. Должен быть выбор между двумя-тремя магазинами, прачечными и т. д.

Все потенции демократизации в хозяйстве заложены в природе реформы. Проводить реформу нужно до конца и решительно. А у нас? Например: рыбаки на Севере «вкалывали, как звери», заработали по 700 руб. – им выдали по 300. Энтузиазм погас начисто + обида + неверие и в реформу, и в руководство.

Нужен кодекс хозяйственного права, но лишь при самостоятельности контрагентов.

Нужен современный КЗОТ, – у нас допотопный.

Обуздать Министерство финансов, которое в погоне за сегодняшней копеечкой лишает общество сотен и тысяч рублей завтра. Ликвидировать финансовый произвол. Ввести фиксированные нормы платежей и отчислений от прибыли предприятий.

Трансформация монополии внешней торговли – интеграция с социалистическими странами, как первый этап. Дойти до обмена валюты.

Выборные колхозно-кооперативные органы в районах, республиках, областях, в центре (Отчетный доклад XXIII съезду).

Профсоюзы играют ныне во многом формальную роль. Резко поднять их значение. Им нужно придать более серьезные функции, чем сбор взносов и распространение путевок (огрубляя, конечно, этой характеристикой положение дел). Тем самым, между прочим, мы выиграем и на немаловажном участке идеологической борьбы, ибо на международной арене наши профсоюзы подвергаются систематической критике, для чего мы сами даем определенные основания. (См. Приложение.)

6. Государственное устройство.

Страну все больше разъедает ржавчина национализма вплоть до прорывающихся то здесь, то там требований или, по крайней мере, мечтаний об отделении и т. д. (см., например, прилагаемое письмо из Грузии. Еще один пример: побоище на стадионе в Ташкенте под лозунгом: «Убирайтесь вон!»). В этой ситуации возможно лишь два решения: или 1) резкое расширение прав союзных республик, или 2) постепенная ликвидация национальных границ внутри страны. Не может быть только третьего: нельзя оставлять все это в неприкосновенности.

Представители национальных республик нередко требуют, чтобы республики стали на деле не только *равно-*, но и *полноправными* государствами,

чтобы они управляли «не только банями», чтобы страна была союзом действительно самостоятельных государств. Но при этом не предлагается никаких гарантий, что не произойдет отделение какой-либо республики (которую США, конечно, тут же возьмут на полный прокорм). В современных условиях до создания нерасторжимых экономических и иных связей между всеми районами страны этот путь представляется опасным. Нужна теснейшая экономическая интеграция всех районов страны и подлинно демократический, всенародный характер управления, чтобы можно было не бояться исторических случайностей.

Но не пора ли разобраться в том, что в самой нашей государственной системе *сегодня* укрепляет единство наций, а что их разъединяет? В частности, только ли положительное начало несет в себе *теперь* (не в прошлом!) существование национальных республик? Не питает ли это теперь националистические настроения? Не пора ли *начать думать* о путях постепенной, осторожной ликвидации внутринациональных границ? В национальных республиках и округах, в городах союзных республик живет огромная масса людей других национальностей (в Киеве, например, по непроверенным данным, лишь 22% украинцев). Может быть, славянские республики покажут в будущем пример добровольного слияния? При этом все должно быть продумано так, чтобы ни одна нация не почувствовала себя ущемленной. Полный дальнейший расцвет культуры, в частности, должен быть обеспечен (в том числе материально) при любых условиях. Если такой опыт будет удачным, то не исключено, что в результате предварительной и, может быть, чрезвычайно длительной работы в этом отношении (но начинать ее нужно *теперь!*) масса людей сочтет более правильным деление страны на экономические районы независимо от нынешних национальных границ. Это, конечно, может быть сделано только путем референдума.

Ликвидация националистических тенденций может идти успешно лишь при урегулировании экономических отношений республик, при четких, законом определенных этих отношениях. До той поры, пока будет существовать слишком резкий разрыв в уровне жизни в разных республиках, объективная почва для «национального» недоброжелательства не исчезнет. Русские считают, что грузины их обирают через цены на продукты юга и курортные услуги; среди грузин, украинцев и т. д. поговаривают, что, отделившись от России, они жили бы богаче (молдавская учительница отвечает своим ученикам: «Отделившись от СССР, Молдавия проиграла бы политически, но выиграла бы экономически»).

Видимо, однако, более или менее реальным, не чреватым опасностью взрыва, может быть только путь «деликатного» экономического воздействия на темпы роста жизненного уровня (с целью некоторого их сдерживания) в «богатых» республиках сравнительно с более быстрыми темпами роста в остальных районах страны.

Сейчас ясно, по крайней мере, одно: нынешнее государственное устройство, наряду с огромными его достоинствами, вместе с тем объективно способствует существованию и даже развитию националистических тенденций, подогреваемых как из-за рубежа, так и определенными элементами внутри страны.

Нередко эти элементы находятся в партийном и государственном аппаратах, в руководстве республик. Национализм при этом маскируется под

заботу о развитии национальной культуры и самобытности. На практике это выглядит, по рассказам, так, например: в Севастополе (!) все школы переведены на украинский язык. В Симферополе русский поэт не может стать членом Союза писателей, если он не напишет стихотворений на украинском языке; при этом ему заплатят по полтора рубля за строку, а если он пишет на русском языке – по 0,75 руб. Сейчас нет, наверное, человека, который, вернувшись из любой республики, не привез бы непосредственных впечатлений о тех или иных проявлениях национализма (см., в частности, справку о работе бригады Отдела по Молдавии).

На другом, наверное, конце огромной проблемы национализма стоит намного более мелкий, но достаточно существенный вопрос о государственной фиксации национальности в паспорте и, что совершенно нелепо, во многих других случаях: например, в медицинской карточке, в читательском абонементе, в учетных документах в гостинице. Ведь это тоже подогревает ощущение национальной принадлежности, которое все-таки должно, видимо, постепенно стираться (хотя, разумеется, это дело многих поколений). Как известно, был подготовлен проект нового положения о паспортах и весьма демократическая пояснительная записка к нему, но все это света не увидело.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. См. раздел «Цели».
2. Превращение социализма и коммунизма в дело каждого, вовлечение масс в реальное управление хозяйством и обществом. (Мы хотим, чтобы у каждого были великие гражданские обязанности, но это возможно лишь в том случае, если будут великие гражданские права.)
3. Ликвидация сплошной обезлички и безответственности (пока что отвечают все и потому – никто), бесконечного дублирования (райисполком ничего не решает без райкома). УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ПОРЯДКА в народном хозяйстве и в обществе. Ликвидация плановой бесхозяйственности.
4. Резкое возрастание авторитета партии («чистота» кадров, снятие непосредственной ответственности с партии за течение хозяйственных дел и т. д.) и государства (рост его значения, «уважительные» методы руководства и др.).
5. СОКРАЩЕНИЕ АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ во всех звеньях.
6. Создание механизма против возможного возникновения антидемократических явлений (култ, волонтаризм, беззаконие и т. п.). Уважение к закону и исполнение его.
7. Перевод идеологической работы партии из плоскости уговаривания и разъяснения свершившегося в плоскость разъяснения плюсов и минусов предстоящих решений и путей их выполнения (впрочем, здесь противопоставление дано упрощенно).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Общественная собственность, уничтожая ожесточенную внутри- и межотраслевую конкуренцию, характерную для капитализма, ликвидируя паразитическое потребление буржуазии, являясь материальной базой плано-

мерного развития всего народного хозяйства, позволяет социалистическому производству быть самым рациональным, самым экономичным, самым эффективным, — однако мы видим множество примеров вопиющей, безобразной бесхозяйственности и расточительства. Она дает возможность нашему обществу сосредоточивать огромные, общенациональные ресурсы на решающих и наиболее перспективных направлениях, а мы то и дело встречаемся с распылением средств. Общественная собственность позволяет ставить во главу угла общенародные интересы, но на практике порой преобладают интересы местнические или отраслевые...

Эти и множество других подобных наблюдений показывают, что одного факта существования общественной собственности еще недостаточно, чтобы в один воз не оказались впряженными и лебедь, и рак, и щука. Человек будет работать с максимальной отдачей, если он реально ощущает плоды своего труда и увеличение их по мере роста трудовых усилий. Он будет прилагать все свои силы в общественно полезном направлении, беречь каждую гайку и каждую копейку, если экономические, материальные факты будут повседневно и осязаемо убеждать его в том, что личное благополучие каждого непосредственно вытекает из благополучия всех. И наконец, он будет находиться в постоянном творческом поиске во имя общего блага, если его инициатива не будет скована жесткими и узкими рамками всяческих ограничений и если она будет получать моральную и материальную поддержку со стороны общества.

Все эти проблемы, связанные с использованием социалистическим обществом своей собственности, с реализацией на практике ее преимуществ, решаются тем полнее, чем более обеспечивается простор действию научно обоснованных *экономических* методов управления народным хозяйством, экономических рычагов развития общественного производства. И в этом-то важнейшем для судеб нашего дальнейшего хозяйственного, политического, идеологического развития отношении чрезвычайно плодотворные результаты может — *при последовательном и всестороннем проведении ее принципов в жизнь* — дать нынешняя экономическая реформа. Можно с уверенностью сказать, что она — *так, как она задумана*, — представляет собой крупный шаг вперед по пути реализации характерной для социализма возможности полного, органического сочетания интересов каждого труженика, каждого коллектива и общества в целом, а тем самым — по пути повышения действительности решающего фактора нашего развития и главного преимущества социализма перед капитализмом — общественной собственности на средства и продукты производства.

Воспитание новых людей — людей социалистического, а затем и коммунистического строя — возможно лишь на основе, в процессе и в меру изменения их общественного бытия. Человек реально ощутит себя полноправным хозяином производства, всей своей страны только в том случае, если, во-первых, он будет принимать фактическое участие в определении их судеб, в планировании деятельности тех или иных участков производства, развития тех или иных сторон общественной жизни; если, во-вторых, он будет иметь возможность вместе со всеми фактически управлять производственными и другими общественными делами; если, в-третьих, он будет экономически ощущать непосредственную, прямую и постоянную связь между ростом своих трудовых усилий и усилий коллектива, в котором он работает, с одной

стороны, и соответствующим улучшением материального положения — с другой.

Именно в совершенствовании этих трех — распоряжение, управление, реализация — взаимосвязанных аспектов собственности, то есть отношений между людьми по поводу средств и продуктов производства, и состоит глубинный смысл проводимой в стране экономической реформы. *Она в конечном итоге направлена на действительное сближение непосредственного производителя с общенародными средствами производства, на воспитание, если так можно сказать, экономическими методами, на всемерное развитие — и это прямо было сказано на сентябрьском (1965 года) Пленуме ЦК КПСС — у каждого работника чувства подлинного хозяина производства. Последовательное проведение в жизнь принципов экономической реформы означало бы сближение реального положения вещей в сфере собственности с социалистическим, коммунистическим идеалом.*

* * *

Против широко распространенного, но весьма поверхностного представления по поводу всеобщего, поголовного участия масс в управлении. Зачастую об этом думают как о непременно участии каждого (в идеале, по крайней мере) во всех делах чуть ли не всех предприятий и всей страны. Это, разумеется, не будет возможно никогда и ни при каких условиях, а главное — это не нужно и было бы крайне нерационально и даже нелепо. Но на этом основании делается вывод: значит, работа по привлечению масс к управлению общественными средствами производства, к руководству государственными делами бессмысленна, — все равно, дескать, мы не добьемся, чтобы все занимались всем, да еще делали это квалифицированно. Это прямо-таки какая-то «максималистская» точка зрения: все или ничего! Практически же задача состоит в том, чтобы — цена преимущества определенной специализации людей и не превращая все их свободное время во второе рабочее — создать возможность и необходимость участия каждого в квалифицированном решении тех или иных вопросов на тех или иных участках — больших и малых — производства или других сторон общественной жизни в соответствии с его профессиональными и гражданскими интересами и с учетом его реальных возможностей.

Для этого, в частности, нужно поднять жизненный уровень самых широких масс населения, расширить их кругозор, повысить общеобразовательную и специальную подготовку, раздвинуть границы свободного времени. Мало того, нужно экономически заинтересовать, а идеологическими средствами воспитать у каждого отношение к общественной собственности как к собственности *и своей* тоже, к большим и малым общественным делам, как и делам, касающимся каждого лично. Другими словами, экономическими, организационными, идеологическими средствами надо добиться, чтобы каждый реально и повседневно ощущал себя *совладельцем* общественных средств производства и общественного продукта, чтобы каждый смотрел на свою деятельность не только с личных, а прежде всего с общенародных позиций, чтобы коммунизм, его строительство были поистине делом каждого и всех.

Происходящие ныне благотворные сдвиги в создании материально-технической базы коммунизма, совершенствовании производственных и иных

общественных отношений, в коммунистическом воспитании людей, в значительной степени определяются ходом экономической реформы. Хозяйственная перестройка в деревне и в городе еще далека от завершения (если вообще можно говорить о завершении процесса, который не имеет границ во времени так же, как и само производство), но и теперь отчетливо видно постепенное изменение отношения работников – от рядовых до руководителей – к общественному производству.

Ныне происходит исторической важности процесс освобождения великих материальных и моральных социалистических сил от пут, тормозивших их развитие, сердцевина которого состоит в укреплении связи непосредственного производителя со средствами производства, совершенствовании основы основ нашего строя – общественной собственности на средства производства.

Июнь 1968 г.

Сов. секретно

ЦК КПСС

Развитие советского общества на современном этапе характеризуется огромными достижениями. В докладе тов. Л. И. Брежнева и других документах XXV съезда КПСС всесторонне и ярко раскрыты позитивные количественные и качественные изменения в общественном производстве, рост народного благосостояния, развитие науки и культуры.

Вместе с тем тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК выдвинул *задачу совершенствования управления экономическими и другими общественными процессами, устранения имеющихся недостатков, решения назревших проблем*. Многие из этих проблем порождаются определенной неравномерностью процесса развития в различных сферах общества, а некоторые являются наследием пройденных этапов строительства социализма. Жизнь показывает, однако, что когда государство своевременно и достаточно эффективно не воздействует на те или иные тенденции, они могут приобретать хронический характер, приводить к нежелательным последствиям.

Как известно, в годы 8-й и 9-й пятилеток был повышен минимум заработной платы, поднята зарплата низкооплачиваемым и среднеоплачиваемым работникам, увеличены пенсии, стипендии учащимся, словом, был обеспечен рост уровня жизни всех категорий трудящихся и слоев населения. В 3 раза сократилась численность населения с доходами до 50 руб. в месяц на члена семьи. Но, несмотря на эти меры, в те же годы углубилась *дифференциация* населения по уровням доходов и потребления, что совершенно не вытекает из природы социализма и противоречит целям экономической политики партии. Так, по имеющимся расчетам, разрыв между 10 проц. населения с наименьшими доходами и 10 проц. с наибольшими доходами увеличился по сравнению с 1955 годом в 1,2 раза.

Хозяйственная практика знает немало фактов, говорящих о тех или иных, в том числе – весьма существенных *отклонениях от социалистического принципа распределения по количеству и качеству труда*. Это проявляется, в частности, в соотношении оплаты труда, когда, например, инженер нередко зарабатывает в 1,5–2 раза меньше, чем рабочий; в чрезмерных различиях в оплате труда работников, имеющих одну и ту же профессию и квалификацию, но относящихся к разным отраслям народного хозяйства; в несовер-

шенстве системы материального поощрения, при которой существует множество видов премий, что позволяет отдельным лицам получать вдобавок к основному заработку еще 10–12 месячных окладов в течение года.

Тяжелым бременем для народного хозяйства, фактором подрыва трудовой дисциплины и морали общества, источником раздражения людей является то, что в стране наряду с планово организованными социалистическими экономическими отношениями и в определенной мере под их прикрытием существуют неконтролируемые государством отношения как в сфере производства, так и в сфере распределения и потребления.

Речь идет прежде всего об использовании в *личных корыстных целях* общественных средств производства, других материальных и денежных средств, а также занимаемых должностей. Происходит нерегулируемое государством перераспределение доходов населения, связанное в первую очередь со *спекуляцией* дефицитными товарами, количество наименований которых не сокращается, а растет.

Вследствие этих и некоторых других причин возникают группы людей с чрезмерно большими доходами явно нетрудового происхождения. Один из признаков этого – ненормальный рост крупных вкладов в сберегательных кассах. На долю 4 процентов вкладчиков (имеющих на счетах по 2,5 тыс. и более рублей) приходится 33 процента всей суммы вкладов. Причем из общего ежегодного прироста сбережений на долю таких крупных новых вкладов приходится 60 процентов, а это совершенно не соответствует распределению населения ни по уровню заработной платы, ни по совокупным доходам.

Условия и уровень жизни населения многих районов в исторически сложившейся центральной зоне страны, в том числе – в обширной полосе Нечерноземья, *заметно отстают* от соответствующих показателей в ряде республик и районов, прежде всего – западных и южных. Это служит одной из причин усиливающейся миграции населения, направления и масштабы которой не совпадают с интересами государства, в том числе – с экономическими и оборонными. Происходит – и это особенно существенно – отток населения из малообеспеченных рабочей силой перспективных районов (Дальний Восток, Сибирь и др.) и без того трудоизбыточные районы, такие, например, как Северный Кавказ и Кубань, Туркмения, Узбекистан, Молдавия, южные районы Украины. Характерно, что Сибирь за последние 5 лет потеряла в миграционном обмене 1,2 млн человек.

Усилились *различия в рождаемости* по районам страны, из-за чего существенно меняется национальный состав населения СССР. Так, удельный вес населения республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья повысился с 15,6 процента в 1959 году до 20 процентов в настоящее время. При сохранении такой тенденции этот удельный вес повысится к 2000 году до 27 процентов, а среди детей и подростков он составит более 35 процентов.

В РСФСР, Украинской, Белорусской ССР *растет количество бездетных и малодетных семей.* В 1970 году в целом по СССР 57 процентов всех семей имели только одного ребенка или не имели детей вообще, а по Украине и Российской Федерации такие семьи составляют более 61 процента. Одновременно значительно повысилась внебрачная рождаемость, составляя сейчас 10 процентов всех рождений. Резко возросло число разводов и относительно уменьшилось число браков (увеличилась доля незамужних женщин и холостяков).

Хотя проводится большая работа по укреплению законности и правопорядка, *не удалось полностью приостановить рост преступности* как в целом, так и по особо тяжким ее видам. Только за 1974 год число преступлений, расследуемых по линии уголовного розыска, увеличилось на 12,2, а наиболее опасных – на 15 процентов. Особенно тревожно то, что увеличивается число правонарушений среди молодежи.

Несмотря на принятые постановления, на предусмотренные в них практические меры по усилению борьбы против *алкоголизма*, это огромное социальное зло приобретает все большее распространение, наносит все более ощутимый для общества экономический, социальный, идейно-нравственный урон.

Было бы неправильно недооценивать и то, что факты расхищения социалистической собственности, стяжательства, взяточничества ведут к *снижению моральных критериев* у некоторых групп населения, к некоторой девальвации в сознании части людей идеалов и принципов, господствующих в советском обществе и культивируемых нашей партией. Несмотря на большую идейно-воспитательную работу, проводимую в стране, наблюдается распространение потребительского подхода к жизни, мелкобуржуазной психологии, частнособственнических, индивидуалистических настроений, пассивности и безразличия к общественным делам.

Отмеченные эти и другие негативные тенденции показывают, что нашим обществом какие-то процессы *управляются и контролируются недостаточно*. А это подчеркивает настоятельную необходимость *более глубокого научного анализа и усиления партийного руководства* общественными процессами на *этапе развитого социализма*, эффективного решения поставленной еще XXIII съездом партии задачи всестороннего совершенствования советского социалистического общества.

В докладе «Пятьдесят лет великих побед социализма» тов. Л. И. Брежнев подчеркивал, что наша задача заключается теперь в том, «чтобы как можно полнее использовать возможности, которые открывает развитое социалистическое общество», и что «только на этой основе можно успешно строить коммунизм, двигаться по пути, намеченному Программой партии».

Особого внимания заслуживают, безусловно, вопросы *социальные*. По мере укрепления материальных основ жизни народа социальные вопросы как с внутренней, так и с международной точек зрения все отчетливее выходят на передний план. Как свидетельствует практика, экономический и весь общественный прогресс теперь в огромной, если не в решающей, степени зависит от того, удастся ли включить на полную мощность его «социальные ускорители». Речь идет о социальных, морально-политических факторах мобилизации потенциальных возможностей человека и коллектива.

Между тем наука пока предлагает весьма общие по постановкам и видам разработки проблем взаимосвязи и взаимовлияния технико-экономического, с одной стороны, и социально-политического и морально-идеологического факторов развития общества – с другой. Многие социальные вопросы еще не подвергаются серьезному изучению на достаточно конкретном уровне анализа и с позиций всестороннего, комплексного подхода, хотя только конкретное и комплексное изучение проблем может быть основой разработки практически приемлемых и эффективных предложений по дальнейшему улучшению положения дел.

Не пытаясь представить в полном объеме перечень вопросов, нуждающихся в неотложной разработке и решении, назовем лишь такие, как ускорение создания экономических условий, стимулирующих научно-технический прогресс; выработка эффективных методов искоренения элементов бюрократизма в управлении; совершенствование экономических и социальных механизмов сочетания интересов человека, коллектива и общества, всех групп населения; разработка эффективных мер против бесхозяйственности, хронической дефицитности, спекуляции, взяточничества, коррупции; подготовка и осуществление комплекса мероприятий по резкому сокращению преступности и особенно – правонарушений против социалистической собственности; создание условий для существенного улучшения демографической ситуации в стране.

Известно, что эти и другие проблемы были выдвинуты в решениях съездов КПСС, в постановлениях ЦК и других партийных документах в качестве задач, подлежащих решению. К сожалению, многие из них или остаются в виде общих указаний, или, напротив, решаются чисто эмпирическим путем, порой в местных масштабах или с ведомственных позиций. Между тем правильные и эффективные решения могут быть найдены только на общепартийном, общегосударственном уровне, когда исполнители получают не только установки, но и вооружаются научно обоснованными методами их выполнения и необходимыми материальными и организационными средствами.

Центральный Комитет КПСС уделяет постоянное внимание социальным проблемам, в том числе преодолению негативных явлений. Однако при существующей структуре его аппарата, при тех конкретных функциях, которыми наделены его подразделения, многие аспекты социально-экономических проблем, комплексных по самой своей природе, не входят и не могут входить сколько-нибудь серьезным образом в их поле зрения.

Очевидно, что дальнейшее затягивание решения подобных проблем чревато крупными хозяйственными и идеологическими издержками и может отрицательно сказаться на авторитете советского общества, социалистического образа жизни.

На современном этапе особенно важно обеспечить строгое проведение принципов социализма во *всех сферах* жизни общества, сближение практики на *всех участках* с коммунистическими идеалами, дальнейшее упрочение *коллективистских основ* советского образа жизни, ликвидацию неправомерных противоречий в ходе его дальнейшего совершенствования, развитие характерного для природы нашего строя единства интересов человека, коллектива, общества в целом, наций и народностей, районов страны, раскрытие всех возможностей зрелого социализма. Следовательно, *задача состоит в выходе на новый уровень управления социальными процессами.*

Отмеченные в настоящей записке проблемы настолько существенно сказываются на темпах и тенденциях развития экономики и общества в целом, что коренного перелома в их решении необходимо добиваться уже сегодня, не оставляя их будущим поколениям.

В связи с изложенным, как представляется, одной из важнейших в комплексе мер было бы создание в ЦК КПСС специального отдела, который занимался бы вопросами социального развития общества, – *Отдела социально-экономической политики.*

Функции этого отдела могут быть весьма отчетливо отдифференцированы от функций ныне существующих, в том числе отраслевых отделов. Не подменяя их, но работая в тесном контакте с ними, предлагаемый отдел мог бы быть центром *научно-партийной комплексной* разработки важнейших социальных и идеологических аспектов экономических решений, анализа практики социального развития, его прогнозирования и планирования, подготовки соответствующих материалов для рассмотрения ЦК КПСС.

Необходимость в этом звене партийного руководства становится особенно отчетливой в связи с решением задачи укрепления научных основ управления, комплексного подхода к планированию, определения социальных параметров развития общества на долгосрочную перспективу. Речь идет, по существу, об усилении социального планирования как самостоятельного направления в системе управления общественным развитием, а не просто как одной из сторон народно-хозяйственного планирования. В центре деятельности отдела, как представляется, должна быть разработка мер по созданию условий, способствующих *еще большему проявлению каждым коллективом и человеком инициативы и вместе с тем повышению личной ответственности* каждого трудящегося за выполнение порученной работы, за положение дел на производстве и в обществе в целом. А это, безусловно, скажется на росте эффективности общественного производства.

Ставя задачи совершенствования системы управления, тов. Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде партии говорил: «Речь идет по существу о том, как нам лучше организовать деятельность общества по ускорению экономического и социального развития, обеспечить наиболее полное использование имеющихся возможностей, еще теснее объединить сотни тысяч коллективов, десятки миллионов трудящихся вокруг главных целей партийной политики».

Для решения этой кардинальной задачи, подчеркнутой и на XXV съезде, создание Отдела социально-экономической политики ЦК КПСС имело бы важное значение.

Вполне понятно, что для предлагаемого отдела необходим *особенно тщательный отбор сотрудников*, поскольку они должны быть не только наиболее опытными партийными работниками, хорошо знающими действительное положение дел в различных областях жизни и настроения масс, но и специалистами высшей квалификации по своей проблематике, способными преодолевать инерцию мышления, выходить в случае необходимости за рамки устоявшихся представлений, делать смелые научно обоснованные обобщения, вносить, может быть, нетрадиционные, но реалистические конкретные рекомендации и предложения.

Деятельность отдела будет тем успешнее, чем полнее удастся ему опереться на практику работы партийных комитетов, использовать научные силы, опыт и знания хозяйственных руководителей. Важное место должно занять также изучение опыта управления социальными процессами в братских социалистических странах, а также в определенной мере – и в капиталистических странах. Одним из серьезных инструментов анализа общественной практики и ее дальнейшего формирования, очевидно, могли бы стать конкретные социальные исследования.

Было бы целесообразно уже на первом этапе становления отдела подчинить ему Институт проблем управления, Институт социологических иссле-

дований, Институт системных исследований Академии наук СССР, научные подразделения, занимающиеся проблемами народонаселения, и некоторые другие. Ряд организаций, например Научный центр исследования проблем управления в сфере правопорядка Академии МВД СССР, могли бы также привлекаться к выполнению поручений отдела.

Примерная структура отдела социально-экономической политики ЦК КПСС прилагается. Некоторые его звенья могут быть укомплектованы при частичном уточнении направлений деятельности существующих отделов ЦК КПСС за счет их высвободившихся в связи с этим кадров.

1974–75 гг.

ПРИМЕРНАЯ СТРУКТУРА Отдела социально-экономической политики ЦК КПСС

1. Сектор единства интересов человека, коллектива и общества, всех групп населения.

В т.ч. – социально-экономические условия повышения эффективности и качества работы во всех звеньях народного хозяйства, на каждом рабочем месте; развитие отношений собственности; сочетание общественного и личного подсобного хозяйства; проблемы преодоления местничества, ведомственности, националистических тенденций, а также усиление контроля за мерой труда, ликвидация нетрудовых доходов, стяжательства, частнособственнических тенденций.

2. Сектор социальных последствий хозяйственных решений.

В т.ч. – проблема соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства и – шире: с преимуществами всего социалистического общественного строя; увязка хозяйственной деятельности с социальными, идеологическими и прочими аспектами развития общества; анализ жизненного уровня в стране, изменения социально-экономического положения различных категорий трудящихся в связи с динамикой цен; хроническая дефицитность, спекуляция, социально-экономические причины преступности, в частности – правонарушений против социалистической собственности.

3. Сектор охраны и рационального использования природных богатств.

В т.ч. – ближайшие и отдаленные социальные, идеологические и прочие аспекты развития общества в связи с быстро изменяющимися условиями производства и среды обитания человека; международная сторона проблемы.

4. Сектор проблем труда и рабочего времени.

В т.ч. – обеспечение условий для полной и наиболее рациональной трудовой занятости населения в масштабах страны и каждого региона; соответствие между уровнем, а также характером образования и наличием рабочих мест; проблемы фактического равенства женщин в сфере труда; преодоление тенденции к сохранению ручного, малоквалифицированного, тяжелого труда; охрана труда; НОТ; дисциплина труда, развитие творческого характера труда и другие (в частности – социальные) факторы роста его производительности.

5. Сектор развития демократических основ управления производством и обществом.

В т.ч. – укрепление принципа демократического централизма в управлении; разграничение функций (прав и обязанностей) различных органов управления и механизма координации их деятельности; борьба против бюрократизма, а также – протекционизма; отбор и совершенствование наиболее действенных и перспективных форм участия масс в управлении; постепенное формирование элементов будущего коммунистического самоуправления.

6. Сектор социалистического соревнования и распространения передового опыта.

В т.ч. – преодоление несоответствий между планом и соревнованием; ликвидация формализма и других недостатков в его современной организации; пути, стимулы, формы и результативность перехода к высшей форме соревнования – движению за коммунистическое отношение к труду; поддержка наиболее перспективных начинаний, реализация ленинской идеи распространения передового опыта как принудительно вводимого образца.

7. Сектор демографических проблем.

В т.ч. – вопросы семьи, спада деторождения и роста внебрачного деторождения; занятость женщин; миграционные процессы; урбанизация и ее последствия; социальные факторы роста нервно-психических, сердечно-сосудистых и некоторых других «заболеваний века».

8. Сектор социального планирования.

В т.ч. – комплексная политика смягчения и нейтрализации процессов социальной дифференциации, укрепления социально-экономической однородности общества, ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, других факторов, обуславливающих сохранение элементов социального неравенства и порождающих негативные явления в сознании и образе жизни различных общественных групп; координация экономических, политических, идеологических, социальных мероприятий, направленных против мелкобуржуазных настроений и тенденций; управление социальными условиями и последствиями научно-технической революции, в частности – массовая и систематическая переподготовка кадров; социальная профилактика; совершенствование и распространение практики социального планирования.

9. Сектор проблем свободного времени.

В т.ч. – создание условий для рациональной организации свободного времени с учетом интересов различных групп населения, в частности, молодежи, женщин, пенсионеров; борьба против алкоголизма, наркомании, хулиганства.

10. Сектор анализа, прогноза и формирования общественного мнения.

В т.ч. – использование конкретных социальных исследований, математических методов и электронно-вычислительной техники (в частности – ИВЦ ЦК КПСС) для выявления общественного мнения и управления социальными процессами; учет фактора исторического (прежде всего – экономического) соревнования двух мировых систем, а также влияния на население СССР социально-экономических процессов в других социалистических странах.

1974–75–1982 гг.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ¹

18.03.85.

I. НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ИДЕОЛОГИЯ, ПРОПАГАНДА, ВОСПИТАНИЕ

1. Определение *основных звеньев* в цепи проблем управления на современном этапе, сосредоточение на них внимания науки и пропаганды, работы партийных и других общественных, государственных и хозяйственных органов и организаций. Этими звеньями являются взаимосвязанные: 1) ориентация всех хозяйственных подразделений на наивысший *конечный народно-хозяйственный результат*; 2) хозяйственные *самостоятельность и ответственность* предприятий и объединений; 3) *социально-политические факторы* экономического роста, прежде всего – *реальное участие масс в управлении, подлинная гласность*, фактическая подотчетность управления им.

2. Коренная перестройка самого содержания пропаганды – отказ от вызывающих раздражение или просто уже невоспринимаемых шаблонных текстов, речевых оборотов, акцент на аналитичности, доказательности, прямооте в суждениях, уважении к уровню подготовки и сознательности аудитории, единстве слова и дела. Отмена фактического зажима деловой, конструктивной критики под, чаще всего, фальшивым предлогом «не давать повода для выступлений противнику», а также вообще «запретных тем». Ликвидация «неприкасаемости» для критики некоторых городов и районов страны (Москвы – в первую очередь). Снятие запрета на показ «Фитиля» в критикуемых им областях, разрешение на демонстрацию его по Центральному телевидению. Однозначное требование обязательного делового публичного ответа критикуемых на замечания и предложения. Критика в принципе не должна ограничиваться рангом критикуемого.

3. Меры против любых проявлений культа, раздуваемого под прикрытием демагогических заявлений об укреплении авторитета руководства: от прямого запрета бесконечных показов и ссылок типа «в соответствии с указаниями» до личного примера в связи с награждениями и даже «стилем» передвижения по городу: излишняя помпезность в этом отношении приносит не только экономический, но и моральный ущерб.

4. Прекращение «ритуальных выступлений» на заорганизованных собраниях, собраний ради отчетной «галочки», а также отвлечений масс трудящихся на встречи зарубежных гостей.

5. Энергичное и всестороннее совершенствование общественной практики с тем, чтобы преимущества и возможности социализма, его гуманистическую природу прямо и непосредственно ощущал на себе каждый гражданин, – как первое и главное условие успеха в идеологической работе и борьбе. Отсюда – необходимость активного вмешательства идеологии, пропаганды в процесс практического совершенствования общества, их ответственность за успех этого процесса.

6. Существенные изменения в содержании и формах работы комсомола: воспитывать прежде всего творцов, а не механических исполнителей, боль-

¹ На полях воспроизведены пометки М.С. Горбачева. – Л. В.

ше добровольности действительной, а не навязываемой, больше разнообразия, живости, инициативы, трудных, но нужных стране дел, ответственности, участия в управлении коллективами.

7. Широкое использование профсоюзами их прав в отстаивании интересов трудящихся и управлении производством и обществом, убедительный показ всего этого органами информации.

8. Фактическое развитие школьного и вузовского самоуправления.

9. Ликвидация «отчетного формализма» в школах, техникумах, вузах.

10. Резкое повышение уровня обучения русскому языку в национальных республиках (начиная, по возможности, с детского сада) и иностранным языкам в стране в целом.

11. Значительное улучшение качества подготовки учителей, врачей, инженеров, журналистов (в том числе даже с точки зрения их общей культуры и элементарной грамотности), для чего необходима существенная перестройка методов их обучения.

12. Ликвидация позорной системы подкупов, взяток, протекционизма при поступлении в вузы и сдаче экзаменационных сессий, усиление государственного и общественного контроля в этом вопросе.

13. Увязка всего процесса обучения в системах партийного просвещения и экономического образования с реальной жизнью предприятий и организаций (от их живой повседневной практики – к теоретическим обобщениям и практическим действиям).

14. Существенные изменения в книгоиздательской политике: расчетно-необходимый минимум обязательной литературы и максимум литературы, требуемой населением.

15. Ликвидация формализма в организации и проведении коммунистических субботников, начиная с субботника 1985 г.

16. Подлинно научное изучение общественного мнения, перекрытие всех каналов его фактической фальсификации, деловая реакция на полученные итоги.

17. Организация такой системы реакции на письма трудящихся, которая бы резко сократила поток бумаг, направляемых в центр, и вместе с тем ликвидировала бы порочную практику рассмотрения заявлений теми, на кого трудящиеся жалуются.

18. Развитие гласности как *решающего* средства борьбы с недостатками, пороками и их носителями, как *главного* способа, пути активизации масс и вовлечения их в процесс совершенствования жизни общества. Обеспечение *реальной* гласности в жизни каждого коллектива и общества в целом.

19. Внимательное и непредвзятое изучение (в закрытом порядке, очевидно) не только опыта управления, накопленного в братских странах и положительно оцененного XXVI съездом, но и опыта перестройки внутрипартийной и всей общественной жизни в КНР, что приобретает принципиальное значение в условиях, когда Китай по объему производства ряда важнейших видов продукции выходит на первое место в мире.

20. Существенная перестройка идеологической работы в армии.

21. Противодействие всяческим попыткам фактически обострить идеологическую обстановку в стране, придать новый крен общественному сознанию путем игнорирования взвешенных позиций по вопросу о культе личности, изложенных в известном постановлении ЦК КПСС от 30.06.56 года.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

1. Недопущение попыток фактически погубить эксперимент путем отказа от его основных принципов, их всемерное сбережение и развитие. Делегирование функций вышестоящих хозяйственных органов нижестоящим, запрет на неправомерное ограничение самостоятельности последних, сближение места выработки решения с местом его выполнения как главный путь борьбы с бюрократическими тенденциями, упрощения и сокращения аппарата хозяйственного управления.

2. Выработка методологических основ совершенствования хозяйственного управления на современном этапе и в перспективе:

границы и формы централизованного управления и самостоятельности; революционный переворот в сложившихся отношениях между производителем и потребителем, при которых первый экономически господствует над вторым. Решение этого вопроса – ключ к ряду острейших проблем развития народного хозяйства;

единая для всех звеньев хозяйства система ориентации на конечный народно-хозяйственный результат, стимулирования вклада каждого из них в его достижение, экономической ответственности за итоги работы;

акцент во всем хозяйственном механизме не на ограничения, запреты, а на поощрения, стимулирование;

организация движения экономики в соответствии с принципом все большего сближения интересов человека, коллектива и общества;

экономический механизм планового управления, в том числе сведение планируемых показателей к рациональному минимуму. Главный принцип, ориентир в этом поиске – упрощение планирования и управления, а не беспредельное, продиктованное нередко частными, сиюминутными интересами, усложнение их;

более тесное сочетание отраслевого и территориального планирования (и управления) при повышении авторитета последнего;

переход от экономики «затратной» к экономике «результативной».

3. Соответствующие структурные изменения в системе хозяйственного управления и в ныне существующих органах (Госплан и др.). Антиведомственные и антиместнические «противоядия» в ней.

4. Изменение характера деятельности Госплана и укрепление его положения в системе управления народным хозяйством. Борьба с формально-бумажным формированием плана, с гипертрофированной ролью принципа планирования «от достигнутого + процент роста»; укрепление Госплана кадрами экономистов, обладающих широким политико-экономическим мышлением и знанием конкретной экономики; создание должности «первого из первых» заместителей Председателя Госплана по... экономике, способного, в частности, возглавить работу по перестройке всего планирования в соответствии с ориентацией на конечный народно-хозяйственный результат.

5. Поручение экономической науке разработать основные понятия и идеи (в том числе – «конечный народно-хозяйственный результат»), необходимые для перестройки системы планового управления, с той степенью конкретности, которая позволит положить их в основу новых управленческих решений.

6. Преодоление фактической «оппозиции» в органах управления идеям сближения интересов, расширения самостоятельности предприятий, управленческих прав коллективов, подлинной гласности в экономической и других сторонах жизни и т. д.

7. Решение одной из коренных проблем – несоответствия и противоречий между планом и соревнованием. Глубокий пересмотр существующей роли соревнования, придание ему сугубо добровольного характера, избавление его от положения простого «слежка» с процесса хозяйственной деятельности со всеми присущими этому процессу недостатками. Категорический запрет на навязывание бесконечных пересмотров обязательств вслед за бесконечным же пересмотром планов.

8. Противодействие корректировкам, подгонке планов к их фактическому выполнению, созданию видимости благополучия, «двойной, тройной и т. д. плановой бухгалтерии», когда учет, отчетность, стимулирование связаны со множеством вариантов плановых заданий: пятилетних с разбивкой по годам, годовых, квартальных и т. д. – с учетом основного плана, плана и дополнительных заданий, плана и обязательств, встречного плана, скорректированного плана и пр.

9. Недопущение материальных и моральных спекуляций на принятии встречных планов в противовес обязательствам.

10. Подведение научной основы под политику цен и соответствующие изменения в ней, исходя из того, что «здоровой» экономики с «больным» ценообразованием быть не может.

Может быть – установление предельных цен на колхозных рынках. Серьезный пересмотр политики цен в потребительской кооперации.

11. Введение в практику планирования преимущественного выделения средств на безотходные технологии, на утилизацию вторичных ресурсов.

12. Всемерное расширение и углубление хозяйственного расчета, в том числе перевод проектных, конструкторских организаций, отраслевых НИИ на полный хозрасчет.

13. Переход к нормативному планированию, обеспечение стабильности нормативов, по крайней мере, на пятилетку.

14. Борьба с «плановой бесхозяйственностью» – с растратой ресурсов, времени на производство продукции, фактически не нужной потребителю по своим параметрам или не могущей быть вовремя доставленной ему (например, валка леса ради... валки).

15. Акцент – на выполнение плана, а не на перевыполнение его.

16. Постепенная ликвидация «второй экономики» – антиплановой, а значит – антисоциалистической по существу, путем ее экономического и правового вытеснения и частично – преобразования в организованную государством или хотя бы контролируемую им.

17. Серьезное изучение социальной природы и эффективности «семейных ферм» в сельском хозяйстве, подобных форм в сфере обслуживания населения.

18. Использование в сельском хозяйстве, на овощных базах, в строительстве и т. д. труда горожан за определенные выплаты предприятиям, которые направляют своих работников на эти объекты, с тем, чтобы сделать экономически выгодным такое отвлечение только в случае действительной необходимости и при высокой организации труда привлекаемых к этой работе.

19. Решительная борьба со «скрытой уравниловкой», когда все получают заработную плату в слишком малой зависимости от результатов труда, при слишком малых различиях в доходах хорошего и плохого работников. Изменение структуры заработной платы таким образом, чтобы подавляющая ее часть была жестко связана с производительностью труда. Снятие ограничений стремлению поднять сегодня производительность труда из-за опасения завтрашнего повышения норм за пределы возможного их выполнения (долговременные нормативы должны быть и здесь).

20. Охрана окружающей среды на деле. Создание технологических и экономических условий, делающих выгодными природоохранные мероприятия. Прием объектов только в завершеном комплексе, со всеми очистными сооружениями. Повышение роли и ответственности Советов в этом деле, активизация усилий общестственности. Серьезное изучение достигнутого и государственная поддержка, при положительных результатах, разработки ресурсооборотной технологии (в Запорожье и Саратовской области).

21. Первостепенное внимание – созданию экономического механизма научно-технического прогресса, поощрение не процесса его, а конечного результата, достигнутого с его помощью. Особенно ускоренное развитие – электронно-вычислительной технике, роторным линиям. Создание, еще раз, экономической заинтересованности в широком использовании новейших достижений научно-технического прогресса, ликвидация препятствий для этого, существующих в самой системе современного планирования и хозяйственного управления.

22. Отказ от принятия огромного количества постановлений, многие из которых требуют переориентации сил и средств и по существу дезорганизуют работу по уже утвержденному плану и являются нереальными хотя бы в той мере, в какой для их одновременного выполнения не хватает финансовых, трудовых, материальных ресурсов. Отказ от чрезмерных упований на действенность управления путем бесчисленных постановлений. Меньше постановлений, больше контроля за исполнением принятых.

23. Перестройка работы высших звеньев государственного и хозяйственного управления в связи с этим (против мелочной опеки и детального распределения всего и вся «сверху»).

24. Резкое сокращение управленческого аппарата не столько путем механических отсечений частей его, сколько путем перестройки структуры и функций каждого звена.

III. УЛУЧШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МАСС, УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

1. Все возможные и «невозможные» силы и средства на решение важнейшей экономической, социальной проблемы – ликвидации засилья ручного труда, в огромной степени «съедающего» темпы роста производительности общественного труда.

2. Уменьшение дифференциации населения по уровням доходов и потребления, что противоречит природе социализма и целям экономической и социальной политики партии. Изменения в соотношении заработной платы

различных категорий работников, в том числе первоочередное повышение ее (и доходов в целом) врачам, учителям, инженерам, мастерам.

3. Углубленное, не казенно-оптимистическое изучение реальной динамики цен и уровня жизни, сугубое внимание положению лиц с фиксированными доходами.

4. Ускорение решения вопросов улучшения положения ряда категорий пенсионеров.

5. Более широкое строительство хозрасчетных домов для престарелых.

6. Сведение к необходимому минимуму круга благ, предоставляемых определенным категориям работников и главное – их семьям до последнего колена и противопоставляющих их основной массе населения, – раз экономически и организационно это невозможно обеспечить для всех или, по крайней мере, для многих.

7. Сугубое внимание – наведению порядка в снабжении населения лекарствами на всей территории страны.

8. Выработка кардинальных мер борьбы против алкоголизма, исходя из наличия его социальных корней, прежде всего – определенной социальной неудовлетворенности многих членов общества, их социально-нравственно-го дискомфорта.

9. Решение жилищных вопросов – под неусыпный контроль общественности.

10. Борьба против несправедливых путей получения денег и самих стяжателей. Гласность доходов, особенно – некоторых категорий руководителей, по которым судят и обо всех остальных. Миллионером у нас быть стыдно.

11. Решительная борьба со взяточничеством – без скидок на талант врача, администратора и т. д., которые должны нести точно такую же ответственность за это, как работники торговли, сферы обслуживания и т. п.

12. Принципиальное внимание – организации рационального использования свободного времени и материального обеспечения решения этой задачи.

13. Предоставление администрации реальных прав для принятия жестких мер по отношению к пьяницам, прогульщикам, дезорганизаторам производства, более активное вовлечение общественности в эту работу, особенно через бригадную форму организации и стимулирования труда.

14. Широкая информация о неотвратимом наказании, независимо от занимаемой должности, за нарушение принципов социальной справедливости, за коррупцию, прежде всего – в органах охраны порядка и управления вообще, очковтирательство, стяжательство.

15. Строжайшее соблюдение равенства всех перед законом и равенства закона для всех. Систематическая доказательная информация об этом в прессе.

16. Неукоснительная охрана личности и достоинства человека. Неотвратимое наказание, вплоть до уголовного, за малейшее нарушение социалистической законности представителями органов власти, охраны порядка. Отдача под суд военнослужащих, издевающихся над новобранцами, над подчиненными. Возможность реализации права на судебную защиту от произвола не только администрации, но и представителей органов власти. Вместе с тем – беспощадность к преступным элементам, решительность в борьбе с правонарушителями. Против «киселеобразного состояния власти».

17. Ликвидация всех форм контроля над личной жизнью граждан, если это не продиктовано интересами государственной безопасности и не имеет под собой строгой правовой основы.

IV. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И КАДРОВАЯ РАБОТА

1. Ликвидация гигантского параллелизма в деятельности органов управления, четкое разграничение их функций, открывающее, в частности, реальный путь к их сокращению.

2. Передача хозяйственно-управленческих функций от партийных органов государственным, сосредоточение внимания партии на выработке стратегических направлений развития общества, организации и контроля движения в соответствии с ними, на воспитании масс, кадровой политике и межпартийных связях. Перестройка структуры партийных органов и форм их работы в центре и на местах, сокращение аппарата.

3. Создание в связи с этим принципиально важного звена в системе партийного руководства обществом – Отдела социально-экономической политики ЦК КПСС.

4. Нормализация соотношения законодательной, исполнительной и судебной властей.

5. Ликвидация формализма на выборах, в т. ч., может быть, с помощью технических средств, обеспечение жесткого контроля процедуры подведения их итогов. Оповещение в печати об отзыве скомпрометировавших себя депутатов.

6. Все более деловой и открытый характер работы Советов, вовлечение масс в обсуждение проблем, прежде всего местных, и их практическое решение.

7. Решительное избавление от неспособных руководителей, а тем более – скомпрометировавших себя, с объявлением в печати и без сохранения их в «номенклатуре».

8. Разработка четкой системы «уважительного отношения» общества к заслуженным работникам при переходе их на пенсию и системы их обязательного и рационального перемещения с занимаемых постов, в том числе выборных, с целью своевременного омоложения аппарата управления и предотвращения гигантских потерь общества в связи с пожизненным пребыванием руководителей на своих постах.

9. Изменение характера деятельности органов народного контроля: а) слияние их с органами партийного контроля (типа ЦКК–РКИ) с передачей сугубо партийной проблематики Центральной Ревизионной Комиссии ЦК КПСС или выделенному внутри «ЦКК–РКИ» специальному подразделению; б) придание народному контролю *народного* характера – ликвидация «тайнства» от масс деятельности его высших звеньев.

10. Борьба с различными «мафиями» и их засильем в некоторых органах управления, а также многих звеньях информации и культуры.

11. Разработка правового механизма реализации Закона о трудовых коллективах, без чего он пока воспринимается главным образом как знамя, как ориентир, но не как практически значимое орудие совершенствования управления хозяйством и обществом.

К ВОПРОСУ О ВЫХОДЕ ИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ В СТРАНЕ СИТУАЦИИ

Не вдаваясь в историю вопроса об экономическом, социально-политическом и нравственном состоянии, в котором находится сейчас наше общество, и исходя из реальных фактов, какими они сложились сегодня, полагал бы целесообразным предложить ряд мер, направленных на выход страны из кризиса и усиление конструктивного характера перестройки.

1. Прежде всего необходимо начать немедленно и круто возвращать во многом утерянный в обществе *авторитет Власти и Закона*. Для этого надо было бы при первой возможности продемонстрировать полное единство основных позиций ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров СССР. В настоящее время нападки идут главным образом в адрес Правительства, которое порой вынуждено отвечать даже и за решения, принятые не им. Исполнительная власть, как никогда, нуждается сейчас в защите и поддержке другими государственными и общественными структурами, тем более что нападки на нее есть лишь первый шаг к развалу власти и управления вообще.

2. Работа по укреплению фактического единства мыслей и действий трех высших звеньев управления в обществе должна проводиться постоянно и проходить в таких формах, которые были бы ощутимы населением. Общественное и государственное управление слишком часто, если не постоянно, отстает от реально происходящих событий, в том числе тех, которые стали абсолютно необратимыми. В результате партию, Советы, хозяйственные органы непрерывно бьют за консерватизм и противоречия между провозглашенными идеями и практической деятельностью. В сложившейся ситуации вполне реальны, по-видимому, тяжелейшие потери в виде возможного выхода ряда республик из Союза, ломки народно-хозяйственных связей и миллионов человеческих судеб. Во многих случаях попытки оттянуть во времени неизбежное решение этих вопросов лишь усугубляют положение. В частности, предстоит, очевидно, отмена 6 статьи Конституции. С этим предложением надо выступить самой партии, всесторонне обосновав его и не дожидаясь, пока это решение будет вырвано силой.

3. Не исключено, что жизнь потребует прямого обращения партии и государства, Советской власти к здоровым силам общества, к массам трудящихся, прежде всего к рабочему классу, крестьянству и «трезвой» части интеллигенции. Это обращение, если оно станет необходимым, должно носить не чисто словесный характер, а сугубо практически-деловой: пока не поздно, надо призывать людей, которым дороги судьбы страны и перестройки, к созданию новых общественных структур (увязав их с действующими) типа комитетов защиты перестройки или комитетов защиты общественного порядка. По существу, это должны быть прежде всего рабочие дружины, наделенные значительными правами, а в нужный момент, может быть, даже вооруженные. По-видимому, этими структурами, достаточно долговременными, в какой-то момент придется охватить всю страну. В критической ситуации без такой реальной опоры на массы власть в стране вряд ли удержится. И если сегодня эта проблема еще не стала абсолютно неотложной, то при нынешнем динамизме социальных процессов, прежде всего – негативных, разрушительных, к такой мере надо быть готовыми в любой момент.

4. Предстоит всемерно укреплять связи органов государственной власти с Армией, поднимать ее авторитет. В случае необходимости можно было бы даже пойти на приостановку демобилизации 500-тысячного контингента, объяснив это советской и мировой общественности необходимостью участия Армии в поддержании порядка внутри страны в чрезвычайных обстоятельствах, создать систему правовых норм, надежно защищающих военнослужащих от каких-либо преследований за выполнение ими своего долга и приказов командования по наведению порядка в ходе борьбы с экстремистскими элементами. Обратить особое внимание на улучшение материально-бытовых условий, прежде всего – жилищных, как во время прохождения службы, так и после нее.

Самыми решительными мерами наводить порядок внутри Армии, освобождаясь от компрометирующих ее офицеров и других лиц. Закрепить соответствующими юридическими нормами право и обязанность военнослужащих (включая войска МВД и КГБ) применять оружие для уничтожения террористов, ведущих вооруженную борьбу против существующего порядка, против Закона.

Кстати, весьма важно немедленно изъять из политического и журналистского лексикона понятие «боевики», заменив его понятиями «террористическая банда», «террористы» и т. п. Это явно уменьшит приток пополнения в формирования террористов, лишит их некоего романтического ореола и сделает более понятным для населения применение оружия против них.

5. С такой же беспощадностью, основанной на строжайшем выполнении норм Закона, необходимо развернуть борьбу против организованной преступности, прежде всего – вооруженной. Милиция должна иметь право уничтожать на месте открывшего огонь преступника. Для этого необходимо пересмотреть юридические нормы и создать систему правовой защиты милиции, КГБ и всех, кто будет причастен к подобным акциям. В средствах массовой информации должны быть систематические публикации о конкретных фактах такой борьбы и о ее результатах.

6. Самым неотложным образом необходимо, далее, навести строжайший порядок на транспорте (прежде всего – железнодорожном) с целью ликвидации «пробок» и «хвостов» из поездов с неразгруженными вагонами и контейнерами, организовать систему общественного контроля под эгидой и при непосредственном участии органов КНК за продвижением произведенных товаров до покупателя.

Шире публиковать информации о результатах этой работы, немедленно снимать с постов тех, кто не может наладить дело, административно и судебным наказывая тех, кто приносит обществу огромные убытки своей нераспорядительностью, неисполнительностью или, может быть, даже сознательными актами саботажа. Усилить охрану составов с товарами народного потребления и привлекать к уголовной ответственности тех, кто занимается хищениями на железнодорожном и прочем транспорте.

7. Одно из решающих направлений работы органов государственного управления состоит в использовании всех возможностей страны для хотя бы некоторого улучшения снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. Речь идет не только о максимальном выполнении намеченной в этом отношении на 1990 год программы их производства, но и, прежде всего, о наведении строжайшего порядка в торговой сети, в лик-

видации больших и малых гнезд коррупции в ней, всевозможных закровов, где не только хранятся, но и буквально гниют различного рода товары, особенно – продукты питания. Эта работа должна производиться с неперменным участием представителей общественности и широким оповещением о достигнутых результатах. При этом общественность могла бы внести свой вклад не только в контроль за деятельностью конкретных баз и магазинов, но и в практическое улучшение их работы.

8. Осуществить крутой поворот в политике по отношению к средствам массовой информации, овладеть ими вновь. Это не должен быть возврат к прошлым методам диктата над ними. Речь идет о значительном расширении не только прав журналиста, но и его ответственности перед читателем, обществом и Законом. Необходимо переломить господствующие в журналистской среде настроения в связи с обсуждением проекта Закона, когда все ратуют за безграничное расширение прав, за превращение органа массовой информации, где журналист работает в собственную «вотчину», без какой-либо ответственности как перед читателем, зрителем или слушателем, так и перед издателем.

Необходимо, далее, противопоставить антигосударственной, антисоциалистической пропаганде, идущей с экрана, по радио, со страниц прессы, в научных изданиях, принципиальную партийную, социалистическую позицию. Ни один выпад против существующего строя не должен оставаться без аргументированного ответа и разоблачения.

В условиях, когда нарастает вал ультралевых и ультраправых изданий, когда все более отчетливо просматривается линия на деполитизацию телевидения как наиболее массового средства воздействия на сознание людей, одной из самых неотложных задач является создание независимых от прихоти того или иного идеологического чиновника Правительственных каналов на Центральном телевидении и Всесоюзном радио. Эти каналы могли бы удовлетворять пропагандистско-информационные интересы ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, а также, возможно, соответствующих органов РСФСР. Все это могло бы стать мощным средством информации о деятельности высших звеньев государственного управления по углублению перестроечных процессов в стране.

И еще один момент в связи с информацией. Было бы, по-видимому, целесообразным на данном этапе изменить характер особо ответственных выступлений: люди будут воспринимать их с большим вниманием и пониманием, если элементы пропаганды основных целей и принципов перестройки будут энергично вытесняться конкретным анализом происходящих процессов и конструктивными предложениями и решениями, если на первом плане будут находиться не перспективы завтрашнего, а реалии сегодняшнего дня.

9. Важную роль в снижении социальной напряженности в обществе могла бы сыграть разработка целостной программы воздействия на основные факторы возбуждения негативных настроений в стране. Эта программа должна охватывать особенности социального положения и образа мыслей в разрезе общественных групп и территорий. Одним из основных направлений этой работы мог бы стать жесткий государственный и общественный контроль над ростом цен, в том числе над договорными и кооперативными. Эти меры, безусловно, будут временными, но, по-видимому, на современном этапе они

неизбежны. Необходима четкая программа движения к новому механизму ценообразования и системе цен в направлении, приближающем их к мировым. В аспекте же территориально-национальных проблем было бы, видимо, целесообразно вернуться к серьезному анализу возможности перехода от федерации к конфедерации республик. Пройденный страной исторический путь и сегодняшнее состояние межнациональных отношений делает такой анализ весьма актуальным.

10. Ключевая задача сегодня состоит, по-видимому, в том, чтобы выиграть время, то есть не идти в хвосте событий, пытаясь как-то их подправить в нужном направлении уже после того, как они фактически начались. Надо полагать, что такая практика является, в частности, следствием того, что мы далеко не во всех случаях оказываемся способными заранее «просчитывать» те или иные тенденции общественного развития, последствия принимаемых решений и реакцию различных слоев населения на них. Это и понятно, поскольку органы управления до предела заняты оперативной реакцией на гигантское количество проблем, которые ежечасно ставит перед ними социальная практика. В этих условиях, по-видимому, особенно острой становится потребность в создании своеобразного «мозгового треста» из людей, обладающих высоким интеллектуальным потенциалом, накопивших серьезный жизненный опыт и представляющих различные сферы знаний, прежде всего – обществovedческого характера. Речь идет, конечно, о творчески активных, независимых в суждениях людях, способных выходить за рамки традиционных представлений по тем или иным вопросам.

Такой группе экспертов, состав которой может меняться в зависимости от рассматриваемой проблемы и конкретной общественной ситуации, должен быть придан небольшой, но эффективно работающий аппарат, обеспеченный всем необходимым, вплоть до вычислительной техники. Группа экспертов должна иметь возможность привлекать к своей работе научных работников и практиков из соответствующих организаций и учреждений, в том числе – службы изучения общественного мнения. Через подобную независимую экспертизу целесообразно пропускать проекты всех основных хозяйственных и многих политических решений. Все это, очевидно, обеспечит более благоприятное их восприятие общественностью и повысит практическую эффективность управленческих актов.

Другим важнейшим направлением деятельности группы экспертов должно быть, очевидно, прогнозирование тех явлений и процессов, с которыми общество столкнется в обозримой перспективе. Одна из таких чреватых большими последствиями проблем – значительное увеличение безработицы, уже сейчас являющейся источником многих остро негативных социальных яв.

Глубокий научный анализ основных тенденций развития страны, свободный от ведомственной предвзятости, учитывающий не только ближайшие, но и отдаленные социально-экономические, политические и нравственные последствия принимаемых решений, будет способствовать укреплению перестроечных процессов и консолидации общества вокруг их целей.

«26» января 1990 г.

БЫЛОЕ

(Из истории жизни В. М. Судакова и его семьи)

Не помню где – в церковных книгах, которые с исключительной добросовестностью вел отец, или в отрывке недописанной автобиографии – я встретила название его родной деревни. Там было написано его каллиграфическим почерком: «Деревня Мигуевская, Дьяково тож, Кирилловского уезда, Новгородской губернии». Сейчас, вероятно, трудно было бы найти эту деревню, скорее всего теперь это колхоз или отделение совхоза с каким-либо новым, современным названием. По-видимому, она была расположена около Белого озера, т. к. ее жители, наряду с крестьянским трудом, рыбачили на озере, и дед, навещая нас, привозил в подарок чудесные белозерские сетки (эту очень красивую и вкусную рыбку теперь мало кто знает). Недалеко от деревни находился старинный Кирилло-Белозерский монастырь, сыгравший большую роль в судьбе моего отца. Где-то в тех же краях находится г. Белозерск.

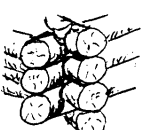
Дед Судаков Мартемьян (отчество его я не знала, но, надо думать, он был Васильевич, т. к. существовал обычай называть первого сына именем отца или деда – Мартемьяном мальчика называть «по отцу» не захотели и назвали «по деду» Василием), как и его соседи, крестьянствовал и рыбачил. По церковным книгам имя деда было Мартимиян, но в местном произношении оно превратилось в Мартемьяна (подобно этому Евдокия – в Авдотью, Ксения – в Аксинью, Евлампия – в Лампеику, Марианна – в Маремьяну и т. д.).

Судя по многому, чему отец научился от деда за свое детство, тот был исключительно «мастероват», все умел. Как-то у нас покосился овин, и под руководством деда его «вывешивали» – поднимали и подкладывали бревна, – работа, по-моему, инженерного масштаба. К сожалению, он пил, и жила семья скудно.

После женитьбы у Мартемьяна Судакова долго не было детей, что огорчало его и жену (о бабушке я знаю только, что ее звали Анна), и они пытались «вымолить» детей в своей церкви и в Кирилло-Белозерском монастыре. Там кто-то подсказал, что для успешной молитвы надо сделать вклад в монастырь. Для ценного вклада у них ничего не было, и они обещали (дали обет), что если у них родится сын, то, когда ему исполнится 16 лет, они отдадут его на год в послушники в этот монастырь («послушники» были самой низшей ступенью в монастырской иерархии, что-то типа «мальчиков на побегушках»). Они прислуживали во время церковной службы, исполняли разные поручения, часто их «приставляли» для бытового обслуживания игумена и монахов, в роли «прислуги за все»).

Наряду с обетом бабушка принимала и какие-то лечебные меры (народные, вряд ли медицинские). Через некоторое время она стала беременеть и

¹ Судакова Лидия Васильевна (1909–1990) – биолог (физиология растений), старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института микробиологических средств защиты растений и бактериальных препаратов.

дошли до следной горы монастырской колокольни, там же
воздух ушел от дурного резкого запаха и интеллигентности
и сам дом стоял на правом берегу Ишунки, недалеко от ее устья
(вспереди в Анжозу) был он срублен (в Анжозе говорим не
строить, а рубить и не построить, а срубить дом) из толстых
бревен по типу обычной крестьянской избы (кажется у старо-
и помель этот способ называется «рубить в лапу») из которых
бревны и в 15 см концы делаются (вырубаются) полуциркуль-
вые ветки бревно бревенчатый (тоже с ветками)

укладывается ~~лишней~~ по прямой углом своей
зеленой стороной в ветки бревна передней сте-
ны, а в его ветки так же плотно кладут следующе-
е бревно передней стены, так что на углах
получаются «растопыренные» концы бревен, т.е.

концы их ветки в патеки карбидовых
всех или сильно разбежавшиеся вездаты веревочными
(обычно это делается не вали 4-х бревен) Поскольку дом
был перестроен из старого, а не выстроен с нуля, то бревна
уже потемнели и цвет дома был серый. Крыша была пок-
рота «дранкой» (тонкими деревянными дощечками, при-
мерно 30х40 см и толщикою около 0,5 см) уложенными рядами
тако что каждой безжильный ряд маленьких перекры-
вал нижний, получилась своеобразная решетчатая

Большим коридором, который у нас получилась казвал-
ся «мостом», дом делился на гостиную половину и кухню
с кладовкой и еще одним коридором, где размещались убо-
ная и проход к помещению для скота, которое у нас по-
лучило название «двором» Позднее для скота было
выстроено отдельное помещение, которое и стало называться
двором, а первое тогда получило название «каретника»,
хотя единственной ставшей в нем «каретой» был черный
поземельный и трамвайный таракан: ~~маленький таракан~~ по
сравнению с кем легким, излучкой таракан таракан
казался очень каретным К двору и каретнику при-
лежали, выстроены, отцом два навеса - легкие строе-
ние с крышей на столбах и досчатый стеклоты. ~~Удвоенное~~
~~Позднее выстроено другое здание и каретнику~~ Вроде
у первого, прилежавшего к каретнику была еще только

рожать, что было отнесено за счет данного обета. Первым ребенком и был
мой отец – Судаков Василий Мартемьянович, родившийся в 1872 г. После
него были у них еще сын Осип и дочери Анна и Евдокия.

Как обычно, в то время в крестьянских семьях хозяйство было почти
натуральное – хозяйственную утварь, инструменты, постройки, одежду и
т. д. семья изготовляла сама, и ко всем работам рано подключались дети. Отец,
в частности, чуть не с 6 лет был обучен плести рыбацкие сети, причем очень
скоро стал поражать взрослых искусством и усердием. Похвалы: «Глянь-ка,
Васька-то сколько сплел!» – еще более подхлестывали его усердие, все сво-

бодное от полевых работ время он проводил за вязанием сетей и в результате приобрел на всю жизнь сутулость. Женщины пряли лен и шерсть, белили и красили нитки, ткали. Помню, бабушка прислала маме «доловик» – шерстяной полосатый сарафан, ткань для которого была выткана такой ширины, какой предполагалась длина сарафана (отсюда и название – доловик – вытканый по длине). Был еще «пониток» – верхняя одежда из полотна, которое ткали, чередуя льняную и шерстяную нити.

Когда отцу исполнилось 16 лет, его, выполняя обет, отдали в послушники в Кирилло-Белозерский монастырь. В школу он не ходил, но еще до монастыря самоучкой выучился читать, писать и немного рисовать. Это сыграло роль в том, что его после использования в течение некоторого времени на подсобных работах взяли в иконописную мастерскую, но там он пробыл очень недолго, т. к. обнаружилось, что у него сильный, красивый голос и хороший слух, и поэтому его скоро перевели в монастырский хор. Очень быстро он освоил нотную грамоту, а исключительные слух и память помогли овладеть большим разнообразием церковных мелодий. Это было очень непростое дело, т. к. церковная музыка богата и разнообразна. Из-за собственной музыкальной неграмотности мне трудно рассказать об этом, но помню, например, что в церковной службе звучат, в частности, «тропари» и «кондаки» – короткие церковно-славянские изречения, которые исполняются на «гласы». Перед исполнением делалось объявление: «Тропарь такой-то, глас восьмой» или «глас седьмой». Отец знал каждый «глас», мог его отличить и исполнить.

Пение в хоре ему очень нравилось, и, похоже, он пробыл в монастыре не год, а два или больше – до призыва в армию. Службу в армии определил каллиграфический почерк – его взяли в писари, и в этой должности он отслужил свой срок в Новгороде. После демобилизации он поступил в хор при Новгородском соборе. Работа была ему по душе, тем более что на ней повысилась его певческая квалификация. Однако певчие архиерейского хора, почти без исключения, были горькие пьяницы, особенно басы, т. к. кроме простой склонности к пьянству у басов было еще и его обоснование – считалось, что от водки голос становится «гуще». Отец совершенно не выносил никакого зелья и пьющих людей. Однажды у него разболелся зуб, и ему посоветовали лечить, вернее – заглушить боль самогоном. Он налил его в чашку, почерпнул немного чайной ложкой, подержал ее у рта и вылил самогон обратно со словами: «Пусть лучше зуб болит, а эту дрянь я в рот не возьму». Его непреодолимое отвращение к водке, с одной стороны, вызывало неприязнь к нему и обиды у потенциальных собутыльников, а с другой – ему самому был крайне неприятен постоянный контакт с пьяницами.

Получить место в какой-нибудь канцелярии или учреждении он не мог, т. к. ни в какой школе не учился и, следовательно, не имел документа об образовании. Кроме того, приобретенное певческое мастерство ему терять не хотелось, да и жаль было не использовать природный дар – исключительной красоты голос. И тогда наиболее привлекательной показалась ему возможность получить место псаломщика (дьячка) в сельской церкви. Вот так годы, проведенные в монастыре, и голос «затолкали» его, сына крестьянина, в духовенство.

Место ему предложили в селе с забавным названием «Петух». Жизнь там давала ему возможность избавиться от пьяного окружения, завести се-

мью, использовать знания церковной службы и нотного пения и, наконец, вернуться к сельской жизни, к которой его, выросшего в деревне, все время тянуло. Оставалось найти невесту. У него была мечта, чтобы ее имя было Анна (он говорил, что хотел иметь четырех близких женщин с этим именем – мать Анну, сестру Анну, жену Анну и дочь Анну). Однако знакомый священник посоветовал ему засватать – и обещал помочь в этом – девушку по имени Елизавета из села Шухобод (сейчас это название пишется Шухободь, но я хорошо помню, что мама и ее братья произносили его без мягкого знака в конце). Там уже в процессе сватовства и произошла их первая встреча.

Села Петух, Шухобод и Нелезское, которое еще будет фигурировать в рассказе, по-видимому, все были в Череповецком уезде Новгородской губернии, хотя и достаточно далеко друг от друга (немного смутно помню, что от Петуха до Нелезского было 30 верст).

Отец матери Михаил Иванович Малинин служил пономарем Шухободской церкви. Пономарь или подомарь, как произносила это слово мама, тоже был низшим «чином» в церковной иерархии (но в так называемой «белой церкви», т. е. в светской, в «черной» же – монастырской церкви пономарей не было). Показательно распределение церковного дохода: дьякон получал $\frac{1}{3}$ дохода священника, псаломщик – $\frac{1}{6}$, а пономарь – $\frac{1}{12}$ -ю. Конечно, этот «доход» не мог обеспечить большую семью, и основные средства для ее существования получались «от земли», т. е. от обычного крестьянского хозяйства.

Пока дети были малы и работали только родители, это существование было почти нищенским, но сыновья и дочери рано становились помощниками, а когда они подросли и стали (по крайней мере старшие) настоящими работниками, материальное положение семьи укрепилось.

При церкви был еще сторож, но он к духовенству уже не причислялся и, кажется (хотя я в этом и не очень уверена), там, где имелся пономарь, сторожа уже не полагалось – по крайней мере, в рассказах матери о шухободской жизни он не упоминался. Дед Михаил Иванович был добрейшее, кротчайшее, чадолюбивое и трудолюбивое существо, но горький, запойный пьяница. У него было двенадцать детей. Сыновей – восемь: Виктор, Иван, Александр (умер в 18 лет), Павел, Александр (второй), Дмитрий, Алексей (умер ребенком) и Анатолий, дочерей – четыре: Александра, Елизавета (родилась в 1875 г.), Мария и Агния.

Опорой семьи фактически была бабушка Александра Ивановна – сильная, хозяйственная, бесконечно терпеливая и умная женщина, сумевшая в нужде и горе из-за пьянства мужа, в тяжелом труде быть хорошей женой и матерью, сохранять в семье нормальную, нескандальную атмосферу и вырастить детей честными и работающими. Вероятно, в большой степени от нее зависело то, что дети, несмотря на пьянство отца, иногда ставившее семью в труднейшее положение (был случай, когда он уехал на лошади, запряженной в сани, а вернулся пешком, только с кнутом в руке), относились к нему с любовью, хотя иногда немного иронически-покровительственно. Правда, настрой в семье был очень сдержанный – без поцелуев, объятий, приторно-ласковых слов, но дети любили родителей и друг друга, и эта любовь выражалась во взаимной заботе, всегдашней готовности помочь. Никто из детей не стал пьяницей – слишком насмотрелись они на горе, которое приносит семье водка.

Семья была дружная и веселая, такой тон, по-видимому, также задавала бабушка. У нее был очень хороший голос. Когда в жниву, возвращаясь с поля по берегу речки, она запевала, в поселке при фанерной фабрике, расположенной в 2–3 километрах ниже по реке, люди выходили на берег слушать – по воде ее голос разносился далеко. Старших дочерей она обучила не только домашнему хозяйству и полевым работам, но и прясть, ткать, вышивать, шить (младших обучала уже моя мама). Очень любила детей, хотя выносить и вырастить в нужде двенадцать детей было действительно подвигом матери-героини.

Был один странный случай, о котором мне рассказала мама. Вся семья вечером сидела за столом и мирно беседовала, как вдруг бабушка сказала, что кто-то стонет. В доме никто стонать не мог, т. к. все были рядом и видели друг друга. Вышли на улицу, но и там никто не слышал стонов, только бабушка уверяла, что они слышны со стороны Череповца. Позднее узнали, что в это время в одной из городских больниц умер 18-летний Александр (чтобы помочь семье, он пошел в Череповец на заработки).

Очень дорого обошлась бабушке ее роль главы семьи, умение не показывать сложности этой роли, переживать трудности «в себе», поддерживать в семье дружбу, жизнелюбие, радость от хорошо сделанной работы и при всех невзгодах сохранять общесемейный оптимистический настрой, да к тому же еще почти непрерывно носить, рожать (два раза у нее были двойни) и кормить детей, – в 40 с небольшим лет она умерла. С группой односельчан она подрядилась, как тогда говорили, везти в город зерно. Ее товарищи по обозу, в основном мужчины, управились с погрузкой мешков немного раньше, и при выезде за село ее сани оказались последними. Неожиданно она соскочила с них, повернулась лицом к оставленному селу и упала лицом в снег. Когда к ней подбежали, она была уже мертвой – так и ушла из жизни, никому не пожаловавшись...

К этому времени старшая дочь Саша уже была выдана замуж в Череповец за Василия Петровича Галашина (их сын Анатолий Галашин сейчас работает – а может быть, уже на пенсии – главным прокурором города Череповца).

Стала хозяйкой в семье и заменила мать со всеми ее обязанностями вторая дочь – Лиза, моя мать. Старшие братья стали в это время уже взрослыми, но и их надо было кормить, обшивать и обстирывать, а младших – Митю, Машу, Агнюшу и Толю (он был еще грудным) – и воспитывать. Самой Лизе было в это время 18 лет. Кроме забот о братьях и сестрах ее положение и. о. матери семьи осложнялось и «слабостью» отца. Этот груз она несла восемь лет.

Лиза в семье была седьмым ребенком. Как все Малинины, при голодном житье была жизнерадостной и умела находить радости в мелочах сельского быта – редком ласковом слове, красивом камешке, снежном узоре на стекле в окне, зеленой травинке и т. д. В раннем детстве был у нее такой забавный случай: на краю села стоял новенький сруб – недостроенная изба. Девочка забралась в него, нашла подходящую травинку и приспособила ее как музыкальный инструмент (для этого надо взять листок какой-то злаковой травки и, держа его горизонтально около губ, дуть так, чтобы он вибрировал, – при этом получается звук, напоминающий мелодию рожка). Под эту музыку она стала с увлечением петь. Какой-то прохожий, привлеченный звон-

ким детским голосом, остановился у сруба и стал слушать. К нему присоединился другой, третий, несколько женщин, подходили еще и еще. В какую-то минуту Лиза выглянула на улицу и увидела, что собралась целая толпа и все смотрят на сруб. Ее заинтересовало, что же они рассматривают. Она вылезла с другой стороны, присоединилась к толпе и тоже с любопытством стала ждать появления чего-то интересного. Пение, конечно, прекратилось, и толпа стала расходиться. Только тут она поняла, что люди слушали ее голос.

В школу Лиза ходила, как она говорила, «две зимы», потом мать ее забрала в няньки к младшим детям и помощницы по хозяйству. Больше она никогда не училась, поэтому была малограмотна – читала медленно и писала с ошибками, только считала быстро и безошибочно: к этому приучила необходимость дома рассчитывать каждую копейку. А по поводу ошибок в письме она позднее говорила: «Что за беда, чужим я не пишу, а если в письме к своим ребятам недоставлю палочку или поставлю лишнюю, они меня поймут и не осудят». Когда Лиза немного подросла, бабушка использовала ее смышленость, чтобы обезопасить деда от запоя, – если он ехал в город, она придавала ему в спутницы Лизу. Один из методов «отучения от водки» был такой: в городе дедушка немного «закладывал» (это исключить было невозможно) и прихватывал с собой бутылку, которую Лиза тут же припрятывала. По дороге, в первом же селе дедушка начинал привораживать к кабаку, чтобы добавить. Лиза говорила: «Не надо, тятя» (отца Малинины, как все крестьяне того времени, звали «тятя»). Вообще по обращению к отцу можно было судить о сословии: в дворянских и чиновничьих семьях – папа, у купцов чаще – папаша или батюшка и в крестьянской семье – тятя), «ты лицо духовное, увидят люди тебя в кабаке – осудят. А у нас с собой водочка есть, выедем в поле, тогда и выпьешь». Он соглашался и весело гнал лошадей до поля, а там останавливал со словами: «Ну, давай». Она показывала бутылку и говорила: «А открыть-то нечем, бутылка запечатанная». Очень огорченный, он ехал дальше, но долгая дорога и веселая болтовня дочери помогали ему забыть о неудаче. В следующем селе все повторялось – поворот к кабаку, обещание выпивки в поле, разочарование при виде «недоступной», запечатанной бутылки, которая в конце концов довозилась до дома.

Однако не все поездки проходили благополучно. Так, один раз подвыпивший дедушка почувствовал себя удалым молодцем и так разогнал лошадей, что при переезде через реку телега соскочила со шкворня (массивного болта, соединяющего передок телеги с задней ее частью), и Лиза с задком телеги осталась в реке, а лошадей и дедушка с передком выскочили на берег. К счастью, река была в этом месте не очень глубока, а дедушка сразу протрезвел и вытащил дочь и вторую половину телеги. В другой раз он упорно хотел заночевать в каком-то подозрительном притоне, и Лизе пришлось сделать вид, что она ужасно заболела и ее надо немедленно доставить домой, иначе она умрет вдали от матери, которая этого никогда отцу не простит.

Бабушка, конечно, знала, что она рискует, отправляя девочку в качестве «подстраховки» мужа от запоя, но надеялась, во-первых, на ее смышленость, а во-вторых, на то, что как бы он ни был пьян, любовь к ребенку пересилит хмель, и он будет действовать разумно. Вообще, он и в таком состоянии никогда не был агрессивен и не употреблял «черных» (бранных) слов. Дома, крепко выпив, он обычно садился в излюбленный угол и пел одну и ту же песню, причем всегда только первую строку: «Пишет, пишет царь германс-

кий, пишет русскому царю» – на этом его силы иссякали, и голова падала на стол. Через несколько секунд отдыха он поднимал голову и снова начинал: «Пишет...». После бесконечных повторений ребята со смехом спрашивали: «Тятя, да когда же он, наконец, допишет?» Но тут уж никакой реакции на вопрос не следовало.

Строго говоря, ни «воспитывать», ни баловать детей у деда и бабушки времени и возможности не было. Воспитание заключалось в том, что трудовая жизнь отца и матери проходила на глазах у детей. Сейчас многие родители тоже тяжело работают, но дети этого не видят – отец утром уходит на работу и где-то что-то делает (а может быть, и не очень делает), а вечером приходит (часто раздраженный или выпивший), ест, смотрит телевизор, лежит на диване, ссорится с мамой – вот эти занятия дети и могут от него перенять. А тогда дети непосредственно видели, как у отца за плугом падают со лба капли пота, как мать, не разгибая спины, целый день стирает или жнет, хотя выпрямляется уже со стоном, как вечером, когда они ложатся спать, она еще садится за прялку или за «кросна» (домашний ткацкий станок). Они знали, что усталость еще не повод для того, чтобы прекратить работу, что трудиться надо и тогда, когда ноги подкашиваются и в глазах темнеет, и только закончив дело, можно отдыхать, иначе не будет ни еды, ни одежды, ни тепла в доме. А подрастая, они при первой возможности становились наряды с родителями участниками всех работ. Они и сами хотели помогать родителям и не ждали, когда их позовут и научат, а присматривались к работе и гордились, начав самостоятельно что-то делать.

Несмотря на тяжелые обстоятельства, молоденькая Лиза была очень общительной и имела много подруг – сельских, крестьянских девушек, которых иногда выручала. В 15 лет у нее было забавное приключение. Тогда свадьбы в деревне часто завязывались так: жених узнавал, что где-то есть подходящая девушка, приезжал, знакомился и, если она нравилась, тут же засватывал. Один раз двух Лизиных подруг предупредили, что три парня из отдаленной деревни приедут их «смотреть». Девушки были застенчивы и в испуге попросили Лизу в этот вечер побыть с ними. Вечером обе «невесты» и Лиза сидели за вышиванием. Парни вошли, поздоровались и – тоже по-деревенски застенчивые – сели у двери. Все молчали, и обстановка уже становилась тягостной. Выручая подруг, Лиза завязала разговор вопросом: «Издалека будете?» Парни ответили. Последовал вопрос: «Приехавши или пешком пришли?» Оказалось – приехали. Дальше пошли вопросы: «Где оставили лошадей?», «А напоят ее там и дадут ли сена?» Парни, очень довольные разговором, радостно отвечали и, немного посидев, ушли. Девушки «обсудили» женихов, и Лиза пошла домой, а там ей рассказали, что все три парня уже приходили сватать ... ее – они все выбрали разговорчивую подружку невест и, узнав, что ей 15 лет, решили подождать с женитьбой, пока она подрастет.

В свободные вечера Лиза охотно ходила на деревенские вечеринки, где была одной из ведущих певуний и плясуний. «Искусству танца» она в основном обучалась в овине – когда приходила туда за соломой или половой (пленками с овса), ставила посреди гумна наполненный кузов, который изображал партнера, и упражнялась вокруг него в пляске. С увлечением танцевала на вечеринках, в меру приобретенной таким образом (по-видимому, достаточно высокой) квалификации, русскую, кадрили и ленчика.

После смерти матери Лизе уже редко удавалось бывать на вечеринках, но к тому времени она уже была, как тогда говорили в деревне, «на славе», т. е. слава (слух) о веселой, красивой и работающей девушке не только распространилась по соседним деревням, но дошла и до Череповца, поэтому и из деревень, и из города к ней приезжали сваты. «Известность» Лизы в Череповце объяснялась тем, что туда была выдана старшая сестра Саша – от нее и по ней, по-видимому, череповецкие женихи узнавали и судили о Лизе. Между прочим, когда Галашин засватывал Сашу, Лизу спрятали, и ее он увидел уже после венчания с Сашей. В минуты размолвок он говорил Саше: «Если бы я до венца увидел Лизу, не бывать бы тебе за мной», на что она отвечала: «А Лиза бы за тебя не пошла». Лиза и не хотела выходить за горожанина. Она говорила: «Что это за жизнь – кусок хлеба понадобится, так беги в магазин, тряпка – и та купленная. У меня, может, и не такое, а все будет свое». Недалеко от Шухобода была фанерная фабрика, о которой я уже упоминала. Принадлежала она большой семье Судаковых, которую возглавляла «родоначальница» Гликерия Кирилловна. Ей тоже нравилась Лиза, и она как-то предложила: «Выходи-ка ты за нашего Афоню», на что Лиза ответила: «Ни за что не пойду за богатого, это потом и будут меня всю жизнь попрекать бедностью».

Когда приезжали сваты, дедушка отзывал Лизу в какое-нибудь укромное место и говорил: «Лизонька, ты меня старикашку пьяненького не жалей, ты пожалей ребят», и она отказывала сватам, даже если вариант брака был заманчивый. Так продолжалось до тех пор, пока Маша и Агнюша смогли взять хозяйство в свои руки, а Лизе исполнилось 26 лет – по тому времени она уже была «перестарком».

Приходилось ей идти и на другие жертвы. Как все деревенские девушки, она рано начала готовить себе приданое. Была она большая мастерица тонко прясть, ровно и узорно ткать, до снежной белизны отбеливать полотно. Ее холсты по тонкости и белизне не уступали купленному полотну. Часть из них шла на продажу, остальное расходовалось в семье – более грубые холстины на постель и одежду, а тонкие на занавески и полотенца. К возрасту невесты у нее были отложены лоскутное одеяло, наволочки, занавески, салфетки и много полотенец с вышивкой, строчкой и кружевами ручной вязки. И вот, когда Митя поступал в духовное училище, выяснилось, что содержать его будут на казенный счет, но при поступлении надо сдать две пары нового, ненадеванного белья. В доме не было ни куска ткани, ни денег для его покупки. Обычный грубый холст для этого не годился. Казалось, что от училища придется отказаться. Вечером все легли спать, только на печи лежал и горько плакал Митя, а по избе, не находя места, металась Лиза, то садилась за прялку или за кросна, то за починку одежды, но все валилось из рук. Наконец она решилась, подошла к печке, сказав: «Не плачь, Митя, будет у тебя белье», открыла заветный сундук, вынула полотенца, отрезала вышитые концы и из оставшегося полотна (полотенца были по-старинному длинные, около 1,5 метра; на свадьбах такие полотенца повязывали дружкам через плечо – длины хватало и на пышный узел) к утру сшила белье. Уже когда мы с сестрой играли в куклы, мать (Лиза) как-то подарила нам небольшие куски полотна с вышивкой. Особенно запомнилась мне одна – вышиты были очень выразительные фигуры двух пляшущих девушек и парня с гармошкой. Позднее, когда я узнала историю с Митей, я поняла, что это были отрезанные концы полотенец.

Ну а уж постоянных поступков в пользу окружающих, вроде лучших кусков и первоочередных покупок тятё, любимцу Мите и маленькому Толе, было без числа.

Кроме того, вечной заботой, вынуждавшей идти прямо-таки на уловки, была охрана тяти от запоя. Бутылку водки приходилось держать в доме на случай приезда гостей и в медицинских целях – выпить «для сугрева» рюмку промерзшему на работе или в дороге брату, растереть промоченные ножки Толе или грудку кашляющей Агньюше и т. д. Но бутылку надо было надежно спрятать, иначе дедушка выпьет. Прятала Лиза не только в доме, но и в овине, на чердаке, в помещении для скота, однако дедушка каким-то шестым чувством угадывал захоронку, и не раз дочка с огорчением вынимала из нее пустую бутылку. В отчаянии она один раз поставила бутылку за икону на божницу и, когда водка понадобилась, с удивлением обнаружила, что бутылка не тронута. Этот непонятный случай дедушка позднее ей объяснил: «Я нашел и взял, да взглянул на божницу, а Николай-то угодник на меня так строго смотрит, я и поставил назад».

Как я уже говорила, когда мой отец получил место и жилье в Петухе, священник этого села Миловидов рассказал ему о Лизе Малининой и вызвался быть сватом. Они приехали в Шухобод. У отца было старенькое потертое пальто, и старший брат мамы Виктор сказал ей, что за такого незавидного жениха выходить ей не следует. Потом за столом, после легкой выпивки (только отец не пил) стали петь, и тогда Виктор отозвал маму в соседнюю комнату и сказал: «Выходи, Лиза, с таким голосом человек не пропадет, и ты с ним не пропадешь». Так за несколько часов первого знакомства и решилась судьба молодой семьи.

После «оглашения» состоялась свадьба. Что такое оглашение, я узнала уже в Андоге. В течение нескольких церковных служб (кажется, после обедни) в церкви зачитывалось, например: «Вдова Ульяна Максимова берет за сына Павла дочь крестьянина Федора Березина Анну» или «Крестьянин Андрей Фролов женит сына Степана на дочери крестьянина Петра Жемчугова Пелагее» и т. д. Венчались родители в Шухободе.

У Виктора было хорошее пальто, которое он очень берег, – после покупки отдал его Лизе на хранение, и оно у нее где-то в «тайнике» висело. Перед тем как отправляться в церковь, мама его скрытно, через подругу переправила отцу, и в этом пальто он венчался. Со смехом мама рассказывала, что Виктор, озабоченный порядком на свадьбе и немного выпивший, не узнал свое пальто и, улучив минуту, когда никого близко не было, с одобрением сказал Лизе: «А пальто-то у него хорошее». После свадьбы пальто, разумеется, было возвращено в «тайник».

Долгое время потом для шуток было то, что Лиза вышла хотя и не за богатого, но тоже за Судакова.

Занавески, пышные подушки, цветные половики на полу преобразили холостяцкое жилье отца. Ему вообще-то нравились высокие женщины, но маленькая, аккуратная и ловкая жена пришлась по сердцу. Он не был склонен, да и не приучен к выражениям добрых чувств, но иногда они прорывались. Например, когда они шли вместе косить или заготавливать дрова, он обычно шел не рядом, а сзади. Она его как-то спросила о причине этого, и он сказал: «Люблю смотреть, как ты идешь».

Оба отца – Малинин и Судаков – навестили молодых на новоселье, по обычаю с подарками. У Малининых удачно к этому времени отелилась корова, и по согласию всей семьи двухнедельная телочка была отвезена Лизе. А М. В. Судаков подарил сыну новенький двугривенный – по-моему, это один из показателей его материального положения.

Жена и старшие дети вообще отговаривали его от этой поездки: «Кутейница там тебе себя покажет. Не ко двору ты будешь, выставит она тебя». Из гордости он постарался сам спровоцировать ее на это, например, принесет вицы – смолистые прутья (тонкие стволы молодых елок, их расщепляли вдоль и употребляли для связывания жердей, когда городили огороды) и бросит на только что чисто вымытый пол, ожидая, что она взорвется и нагубит. Но у молодой невестки хватило ума и выдержки не показать недовольства. Уезжая, он со слезами сказал: «Прости, Лиза, я тебя испытывал».

Еще когда она отказывала очередному жениху, чтобы не обездолжить семью, шухободские бабы, жалея ее, говорили: «Ничего, Лиза, за твои труды Бог тебя побережет, когда выйдешь замуж, не сразу детей навалит». Предсказание сбылось очень скромно – она забеременела через два месяца после свадьбы.

В семье Малининых к этому времени из детей остались Маша, Агнюша и Толя, но Маша вела хозяйство очень недолго, скоро ее засватал Александр Иванович Вознесенский, которого привез тот же священник Миловидов. Сватовство шло успешно, пока Миловидов не сказал: «Ну, Михаил Иванович, а как будет насчет приданого?» Маша вскочила и со словами: «Коли Вам надо приданое, так и поезжайте к невестам с приданым!» – выбежала в сени. Александр Иванович бросился за ней и сказал: «Машенька, не надо мне никакого приданого, я тебя и так возьму, а что надо, мы будем наживать вместе». На их свадьбу приехали и молодые Судаковы. Хотя у Лизы уже подходил срок родов, она, как обычно, была душой компании, пела и даже сплясала, но после этого почувствовала, что у нее начинаются роды. Оба с мужем они постеснялись совместить это событие со свадьбой и, несмотря на 30-градусный мороз, решили ехать домой. Где-то в поле на половине пути, на морозе мама и родила своего первого ребенка – сестру Аню. Отец сам принял роды, перекусил пуповину, завернул ребенка в нижнюю юбку жены, а потом обеих женщин – в тулуп, и уже втроем они приехали домой. Девочка была вся в отца – черненькая, темноглазая и получила его любимое женское имя Анна.

Не менее оригинально прошли роды и второго ребенка, мальчика Миши. Почувствовав их приближение и учитывая прошлый опыт, мама все приготовила и попросила отца позвать акушерку, но оказалось, что та уехала в дальнюю деревню к другой роженице. Лошади у Судаковых не было, и отец кинулся искать по селу, но дело было летом, люди и лошади в поле, и не скоро ему удалось выпросить подводу. На рысях доехал он до деревни, где была акушерка, но там роды были тяжелые, и она отказалась уезжать, пока они не закончатся. К счастью, это произошло довольно скоро, но предстояла еще обратная дорога.

А мама почувствовала, что ребенок вот-вот появится. Была она чистюля и аккуратистка и пришла в ужас, представив, во что при этом превратится ее постель, поэтому встала, постелила на пол простынку, легла и почти сразу родила. Поскольку рядом никого не было, а все нужное (ножницы, нитки, пе-

ленки, вода) было приготовлено, она потихоньку «обрядила» ребенка, уложила его и хотела лечь сама, но для нее был невыносим вид запачканной простыни и лужи крови на полу, да и вода осталась, поэтому она убрала простыни, взяла тряпку и вымыла пол. Убедившись, что может это сделать (хотя ее и немного покачивало), она вымыла пол и в сенях и принялась мыть крыльцо. В это время к дому с разгону подлетела подвода, акушерка почти на ходу соскочила с телеги и бросилась к крыльцу с вопросом: «Где тут женщина рожает?» Мама выпрямилась и немного виновато ответила: «А я уж родила».

Мальчика назвали в честь деда Михаилом, но он прожил недолго и умер, не дожив до года. Между прочим, у татар, евреев и норвежцев (а может быть, и у каких-то других народов) есть поверье, что если ребенка назовут именем отца или еще живущего деда, то либо ребенок, либо тот, в честь кого он назван, умрут. У русских такого поверья нет, поэтому у нас так часты Иваны Ивановичи, Андреи Андреевичи и т. д., которые благополучно здравствуют. Отчего умер Миша, я не знаю, да, кажется, не знала и мама, т. к. врача в Петухе не было и ставить диагноз было некому.

В начале зимы следующего года отец, возвращаясь из какой-то поездки, переезжал реку по тонкому льду. Он треснул, лошадь и сани с седоком провалились в ледяную воду. Отец испугался, что по его вине утонет чужая лошадь, и обрубил постромки. Лошадь, освободившись от саней, выскочила из полыни и убежала, а он еще какое-то время бился в воде, т. к. при попытке вылезти на лед его закрюк обламывалась, и отец опять погружался в воду. К счастью, ему удалось сбросить с плеч и выбросить на лед тулуп, затем выбраться на него (под тулупом лед держался) и доплзти до берега. До села он добежал обледеневший, сильно простудился и тяжело болел. Мама потом рассказывала, что после этого у него несколько ослабел голос, и, когда позднее кто-то восхищался им, она говорила: «Нет, Вы бы его послушали до ледового купанья, вот это был голос».

Скоро появился еще один ребенок – мальчик Саня (Александр). Анюта и Саня росли крепышами, были красивы и забавны. Анюта рано начала говорить, и, по рассказам мамы, с ее участием проходили такие сценки: мать шьет, отец колет дрова, Анна подбегает к отцу и спрашивает: «Василий Мартынович, не надо ли Вам травушки?» Отец отвечает: «Как же не надо? Надо!» Она приносит траву и отправляется к матери с тем же вопросом: «Елизавета Михайловна, не надо ли Вам травушки?» Мать говорит: «Очень надо – корову покормить». Анюта усердно рвет и приносит траву – это для нее самая интересная игра. К матери приходит взрослая девушка, дочь соседей, и просит на ночь обручальное кольцо для гадания (кольцо надо положить под подушку, и тогда приснится жених). Анюта слышит этот разговор и тоже требует себе кольцо под подушку. Мать кладет ей какое-то оловянное колечко и утром спрашивает: «Ну как, дочка, видела жениха?» Анюта очень серьезно и радостно отвечает: «Трех видела – Миша Миловидов, Вася Семенов и Ваня Лебедев, все трое так ко мне и идут», – а они были взрослыми парнями, которых в селе называли женихами, но, конечно, для взрослых девушек, а не для трехлетней крохи.

Саня, наоборот, был солиден и многословен, но довольно общителен и охотно навещал соседей, особенно если его там угощали картошкой, которую он очень любил. Жила рядом соседка – вдова Марфа по прозвищу Ключиха. Она вспоминала, что летом иногда медленно открывалась дверь

(отворяющему это стоило больших усилий), на пороге появлялась маленькая, крепенькая фигурка, останавливалась и произносила длинную фразу: «Кука Мека, дай коколески... Ане», что значило: «Ключиха Марфа, дай картошки Сане».

Анноте было лет 5, когда ей попала в руки коробка спичек. Спичку она зажгла, но при этом вспыхнул весь коробок. У девочки обгорели брови и ресницы, но, к счастью, она крепко зажмурилась, и глаза не пострадали. Однако испуг был так силен, что многие годы она боялась взять в руки спички. Как-то вечером, когда ей было уже 16 лет и она учительствовала в деревенской школе, к ней зашла ее коллега и засиделась до темноты. Аня не решалась намекнуть, что мечтает об уходе гостьи, а та, наоборот, еще не наговорилась и стала напоминать, что уже темно и пора зажечь лампу. Аня ушла в другую комнату, поставила на стол лампу, взяла спички, вычеркнула и рефлекторно бросила в одну сторону спичку, в другую коробок. Убедившись, что коробки в ее руках не всегда вспыхивают, она его подобрала, вычеркнула другую спичку и зажгла лампу. Сделала она это совершенно скованная страхом, но с этого дня стала пользоваться спичками, правда, всегда с напряжением, но уже владея собой.

В семье Судаковых родился еще один мальчик, названный в честь отца Васей. По словам мамы, внешне он был «в дядю Осипа» (брата отца), темноволосый и кудрявый. Понемногу разрослось и хозяйство – подаренная телушка стала очень хорошей коровой, увеличился прежде очень маленький огород, стали сеять рожь, ячмень, лен, появился достаток.

Подолгу жили в семье сестра отца Дуня и брат мамы Толя. Была у нас единственная любительская фотография (снятая еще до рождения Васи), на которой около деревянной Петухской церкви сидели отец и мать с детьми, Дуня, а перед ними лежал на траве Толя. В то время, когда я ее видела, она уже была очень старая, почти выцветшая. Петухский период в жизни семьи, по-видимому, продолжался 7–8 лет и был, пожалуй, самым спокойным и счастливым. Священник Миловидов хорошо относился к своему молодому помощнику, уже в Андоге у нас в парадной комнате висели подаренные нам портреты (увеличенные фотографии) его самого, его жены и дочери. Возможно, ему доставляло удовольствие, что он так удачно женил эту пару, и отсюда возникло желание покровительствовать семье. Не избалованные в детстве, и отец, и мать умели и любили работать и быть довольными тем, что имели, хоть и было это и небогато и не в излишке.

В это время в селе Никольском, более известном как Андогские села или просто «Села», церковный совет получил разрешение духовной консистории на включение в штат церкви должности дьякона (до этого были только священник и псаломщик). Начались поиски подходящей кандидатуры, и «разведка» доложила о непьющем, голосистом и знающем службу псаломщике в Петухе. К отцу явились «делегаты» с предложением перейти в Никольское, пока псаломщиком, но с перспективой в ближайшее время стать дьяконом. В семье ожидалось дальнейшее увеличение, и продвижение по службе было очень кстати. Отец дал согласие, переезд совершился, однако неожиданно он оказался связанным с горем и осложнениями: почти одновременно с этим умер Вася и, наряду с вселением в дом псаломщика, появилась на местном кладбище родная могилка. Правда, скоро родился другой мальчик – Петя.

Название «Андогские села» первоначально объединяло три близко расположенных села: Никольское, Стан и Пречистое, хотя собственно на реке Андоге стояло только Никольское, а Стан и Пречистое были расположены на ее притоке – реке Шулке.

Во всех трех селах священники – Троицкий, Братолюбов и Архангельский были из потомственных «духовных династий», о чем говорят уже их фамилии. Рождались же эти фамилии в духовных семинариях, где было принято семинаристов Петровых, Ивановых, Федоровых и т. д. переименовывать либо по названиям праздников (Троицкий, Успенский, Введенский, Рождественский), либо по наименованиям мест, упоминаемых в Священном Писании (Вифлеемский, Иерусалимский, Назаретский), либо по драгоценным камням (Изумрудов, Гранатов, Алмазов), либо по добрым качествам (Братолюбов, Мудролюбов, Любимиров, Миловидов, Добролюбов и т. д.). Вторжение в эту среду «мужика» Судакова было встречено без удовольствия. Пока он был псаломщиком, отношения еще были нормальными, но, когда встал вопрос о дьяконстве, этому было оказано длительное сопротивление. Сначала в консисторию было послано сообщение, что для дьякона нет жилья. Церковный совет откупил помещение бывшего акушерского пункта, пустовавшее в связи с тем, что в это время была отстроена в Андоге больница. Дом разобрали, перевезли поближе к церкви и снова собрали (между прочим, этот дом, проданный сестрой Зоей где-то в 40-е гг. и еще раз перестроенный, стоит до сих пор, и в нем живет семья Вороновых). После революции встал вопрос о том, что он, как церковное имущество, должен быть передан государству, но староста дал подписку, что деньги на покупку дома он получил от отца. Я не уверена, что это так и происходило, – откуда бы многосемейному дядю взять эти деньги, но, возможно, тогдашней власти и не очень хотелось выбросить на улицу семью, где уже было семь детей, и она удовлетворилась этой распиской. Таким образом, вопрос с жильем был решен. Тогда был выдвинут другой аргумент – что кандидат в дьяконы не имеет никакого образования, поскольку никогда нигде не учился. Отцу было предложено сдать экзамены на звание народного учителя. Он купил учебники и без какой бы то ни было помощи самостоятельно подготовился и сдал эти экзамены. (С тех пор у него долго сохранялась любовь к самостоятельным занятиям – уже когда мы учились в школе, он иногда брал наши учебники и с увлечением решал задачи.) После этого и состоялось посвящение.

С Братолюбовым и Архангельским у него позднее практически не было точек соприкосновения, а Троицкий продолжал писать на него доносы. Сначала он делал это сам, потом появился при церкви псаломщик Василий Егорович (фамилии не помню), которого в начале Первой мировой войны взяли в армию, а его жену Троицкий использовал как автора доносов. Оставшись одна, без мужа и средств к существованию, она, по-видимому, растерялась и, вероятно получая от Троицкого какую-то помощь, в свою очередь «помогала» ему в травле дьякона. Если доносы, исходившие от самого Троицкого, были в какой-то мере правдоподобны, то подписанные Еленой Васильевой представляли дикую ложь. Например, она писала, что посадила садик, ягодные кустарники, а дьякон их выдергал и побросал в реку, что она весь день сидит, заперла дверь и с минуты на минуту ждет, что он ворвется и убьет ее. Никакого намека на доказательства не было, но в консистории против отца

все же было возбуждено «дело», и до самой революции он был под консисторским судом.

Еще до перехода в дом, построенный для дьякона, родилась я. Обычно рождение девочки принимается с меньшим удовольствием, чем мальчика, но у мамы до меня было подряд четыре мальчика, и поэтому она обрадовалась девочке, тем более что родилась я очень здоровой и крупной (11 фунтов, т. е. примерно 4,4 кг). Где-то я читала, что каждый человек в какой-нибудь период своей жизни бывает красив. К сожалению, у меня период, когда я была красавицей, пришелся на такое время, в которое я еще не была способна это оценить, – в возрасте 8–9 месяцев. Когда мама держала меня на руках румяную, улыбчивую, ясноглазую, соседки говорили: «Ну, Михайловна, первая дочка у тебя хороша, а эта еще лучше». В то время маме трудно было справиться с четырьмя маленькими детьми и разросшимся хозяйством, в котором уже были лошадь, корова, овцы, большой огород, ягодники, поэтому была взята домработница Татьяна. Она была из деревни Пусто-радицы, вышла замуж, но муж ее нещадно бил и изуродовал так, что она уже не могла иметь детей. В конце концов она от него ушла и до конца жизни прижилась в нашей семье. Всех нас – ребят – она очень любила, но в моей жизни сыграла «роковую» роль.

В декабре 1909 г. в Андоге была эпидемия черной оспы. Болезнь проходила очень тяжело, многие умирали, а из оставшихся в живых больше половины потеряли зрение, ослепли – говорили, что у них «лопнули глаза». Как-то вечером родители ушли в гости, а Татьяна, нянчившая меня, заскучала и очень обрадовалась, когда в дверь постучала незнакомая женщина, попросившая пустить ее погреться. Татьяна разрешила ей полежать на печке, а потом принялась ставить самовар и дала незнакомке поддержать меня. Женщина, отогревшись, ушла в больницу, где ее и положили с диагнозом «оспа». Вернувшиеся родители очень встревожились, мне сделали прививку, но она «не принялась» (вероятно, слабая вакцина уже была подавлена более сильной инфекцией начавшейся болезнью), и я заболела оспой.

Болезнь проходила очень тяжело. По-видимому, у меня была изъязвлена не только кожа, но и слизистые, т. к. есть я не могла, только время от времени открывала рот, и мне осторожно вливали немного воды или молока. Кроме того, чтобы спасти глаза, родители смачивали мне лицо каким-то раствором. Возможно, благодаря этому глаза удалось сохранить, но язвы на коже размачивались, и корочки с них смывались, в результате лицо было сильно изуродовано. Было мне от роду 9 месяцев, и в этом возрасте кончилась моя красота. Последнюю неделю я уже не открывала глаз, не ела, не пила и не подавала голоса. Меня посчитали умершей, отец принес доски и начал готовить гроб, а Татьяна взяла веревочку и пошла измерить длину «трупа», чтобы определить размеры гроба. К удивлению семьи, она почти прибежала назад с возгласом: «Девка-то глаза открыла!»

Больше в семье никто не заболел, а я довольно быстро поправилась, но если другими детьми восхищались, то я с этого времени стала объектом сожаления. Как обычно в деревне, его высказывали в моем присутствии, и это я понимала и запоминала. Мама рассказывала, что как-то в возрасте четырех лет я долго смотрела в ручное зеркало, потом положила его и со вздохом сказала: «Ну и страшна же я». У нее «сердце замерло», и с этих пор, когда речь заходила о моей наружности, стали говорить, что, когда я буду взрос-

леть, кожа растянется и «ямочки» сгладятся. Они, конечно, не сгладились, но со временем стали менее заметны: вначале кожа была смугло-розовая, а оспины совершенно белые, позднее цвет лица стал ровный, и случилось, что не очень внимательные люди не замечали их.

Опять из всей семьи только меня зацепила еще одна эпидемия, опасная для глаз, – трахома, и тоже в ясельном или детсадовском возрасте. Не знаю, было ли так в действительности, или я видела это во сне, но самое мое раннее воспоминание связано со сделанным тогда прижиганием век. Я вижу себя очень маленькой, лежащей на высоком белом столе, плотно во что-то завернутой, и один человек в белом стоит у стола сбоку, а второй берет меня обеими руками за голову. Эта картина уже была у меня в памяти, когда я начала сознать себя.

Все, о чем говорилось до сих пор, я отношу к своему досознательному периоду, о котором я знала в основном со слов матери. Теперь пора рассказать о том, что я уже видела сама, и прежде всего о моей «малой Родине» – Андоге (большой Родиной я называю Россию).

Название «Андога» или «Андогские села» объединяло три села, несколько окружающих их деревень и, по-видимому, расположенный в трех километрах от Никольского, ниже по реке, Филиппо-Ирапский мужской монастырь. Местность получила название от реки Андоги, которая была главной водной артерией. В нее впадали несколько притоков – реки Шулма, Солохта и ручьи – Ирап, Анбуй, Ишкобой, Инкобой. Административное положение Андоги несколько раз менялось. При моем рождении село Никольское относилось к Новгородской губернии, Череповецкому уезду. Какое-то короткое время оно числилось за Череповецкой губернией и уездом, затем надолго было включено в Ленинградскую область (не помню, как тогда назывался район). И наконец, уже после моего отъезда из Андоги она отошла к Вологодской области, и письма я стала отправлять по адресу: почт. отд. Стан Вологодской области, Кадуйского района. Таким образом, мои земляки, не уезжая из дома, пожили в трех областях.

Андога находилась в 56 километрах от Череповца, но пользовалась большой известностью, и как в городе, так и в деревнях на вопрос: «Как идти в Андогу?» всегда следовали точные указания. Возможно, это объяснялось тем, что в Никольском проводились ярмарки, о которых я еще расскажу. Выше по реке, на ее левом берегу находились деревни Новое и Солохта, а на правом – Митино и Пакино. В Солохте до революции было имение барона Таубе, но в 20-е гг. дома, по-моему, уже не было (во всяком случае, я его не видела), остались заросли сирени, за которой, в пору ее цветения, мы в Солохту ходили.

Ниже по реке в трех километрах находился Филиппо-Ирапский монастырь. Его название сложилось из названия ручья Ирапа и имени основателя монаха Филиппа, который в какие-то давние времена поселился в дремучем лесу у впадения Ирапа в Андогу. В мое время это уже был довольно крупный монастырь, с белой каменной оградой, строениями церкви, жилых и хозяйственных помещений и двумя деревянными домами вне ограды – для посетителей монастыря. Из-за исключительно красивого положения и прекрасных экологических условий (чистая река, сосновый бор, обилие даров леса) возник проект организации при монастыре царской дачи, и была уже куплена икона, с которой монахи предполагали встретить царя, но революция зачеркнула этот план.

Андога выходила из Андозера и почти на всем протяжении протекала через леса. Течение в ней было очень быстрое, вода всегда прохладная и исключительно прозрачная. Само название «Андога» на языке древних, обитавших на ее берегах племен означало «чистая» или «свежая». Кое-где встречались пороги, в которых водилась такая требовательная к чистоте воды рыба, как хариус. Дно покрывали хорошо промытые быстрой водой камни, среди них встречались и крупные глыбы. Две из них имели собственные имена. Первая – Щерка – плоская плита, она была вся под водой. Во время купанья взрослые девушки иногда перетаскивали и ставили на нее нас, малышей, а сами отплывали. Это было очень острое ощущение – стоять на Щерке, зная, что кругом глубокая вода, и стараться, чтобы сильное течение не сбросило нас с камня. Был случай, когда одна девочка не удержалась, и я до сих пор помню, как уходила под воду белая детская фигурка с беспомощно растопыренными руками и ногами. На наш крик одна из взрослых девушек подхватила и вытащила на берег «утопленницу». Когда мы немного научились плавать, девушки по-прежнему переносили нас на Щерку (из опасения, что мы не сумеем точно приземлиться на нее), но обратно к берегу мы с ужасом и восторгом плыли сами. У Щерки было место купания только женщин.

Другой камень назывался Брюхан. Он скрывался под водой в половодье, в другое время торчал посредине реки громоздкой серой глыбой. Впоследствии его взорвали, т. к. он мешал сплаву леса. Из-за большой глубины и быстрого течения Андоги у Брюхана купались одни мужчины, и переплыть в этом месте реку считалось если не подвигом, то, по крайней мере, поводом для гордости.

Было на Андоге еще одно «специализированное» место для купания – Ямка, где купались только дети. Здесь недалеко от берега был небольшой островок, наткнувшись на который быстрые воды Андоги обегали его с двух сторон, и за ним образовывалась своего рода «тень» от напора воды – тихая заводь, где вода не уносила песок, а, наоборот, взвешенные в ней частицы оседали на дно, поэтому здесь оно было не каменистое, как в основном русле, а мягкое. Густые заросли ивы и ольхи на берегу и на островке зелеными стенками отгораживали этот уютный уголок. Дно от берега к островку плавно понижалось, и соответственно увеличивалась глубина, поэтому у берега копошились самые маленькие, и по мере того, как они подрастали, подбирались ближе к островку. Это тоже становилось испытанием на смелость: сначала идешь уверенно, пока вода по колени, по грудь, по шею, затем она доходит до подбородка, с замиранием сердца делаешь еще шаг-другой, уже касаясь дна только кончиками пальцев ног, вода доходит до рта – и тут быстрым толчком отбрасываешь себя назад, на более мелкое место. Определения: «пошли на Щерку», «на Ямку», «к Брюхану» были всем понятны без уточнений.

Правый берег Андоги был высоким и крутым, причем понизу, у кромки реки, росли ольха и береза, местами перевитые диким хмелем, сам склон был покрыт травой, в которой пряталась земляника, а поверху шел хвойный лес. Говорили, что, начинаясь здесь, в Новгородской губернии, он простирается на север в Олонецкую и Архангельскую губернии. Был он очень богат грибами и ягодами. Грибы росли не только под деревьями, но и в колеях дороги, и, когда по ней проезжала телега, грибы хрустели под колесами. За

белыми, рыжиками, маслятами, подосиновиками и т. д. ходили ребята с корзинками. А для заготовки болотных грибов – груздей, волнушек и других запрягали лошадь, ставили на телегу гуженные кузова, которые вечером привозили полными, и солили эти грибы в кадках. Сыроежки (по местному «поплаухи») считали несъедобными грибами – поганками, и их не брали. Позднее, встретив в книгах название «сыроежки», я долго гадала, что это за грибы, которые можно есть сырыми, и только уже студенткой узнала, что это наши «поплаухи». Их красочные шляпки и снежно-белые ножки были красивы, но считалось, что это такая же бесполезная красота, как у мухомора, и ребята часто на ходу презрительно сшибали их ногами. Набор ягод состоял из земляники, черники, голубики (у нас ее называли «гониболь»), брусники, морошки, клюквы. Много было рябины, меньше – черемухи. Обильно плодоносила крушина (местное название – «волчья ягода»), но ее ягоды были несъедобны. Ботаники не называют так плоды можжевельника, но для нас они были тоже вкусными ягодами.

Левый берег был ниже и у самой реки часто занят заливными лугами с исключительно богатым и буйным разноцветьем трав. Сейчас луга скашивают при бутонизации трав, когда они еще не успевают дать семена. В результате все однолетники вымирают и остаются только многолетники, в основном злаковые травы, поэтому луга стали очень скучными, однообразно зелеными. Думаю, что в этом есть и еще одна потеря – сено с таких лугов раньше тоже имело богатый ботанический и, вероятно, витаминный, минеральный, фармакологический (в смысле содержания целебных трав) и т. д. состав. Теперь оно чисто злаковое. И наконец, может быть, самое несущественное с точки зрения пользы, но, например, для меня серьезное огорчение в том, что в детстве луг был «полон открытий» – как ни много я знала трав, но почти каждый раз удавалось найти новое, еще неизвестное растение, редко встречающееся, но тем более интересное. Теперь, по-моему, для того, чтобы иметь представление о составе травостоя, можно и не заходить в глубь луга, достаточно внимательно присмотреться с обочины.

Как правило, дальше от реки полоска заливного луга и по левому берегу Андоги замыкалась лесом. Вообще в Андоге я не видела линии горизонта – даль всегда закрывалась деревьями. С трех сторон это был лес, с четвертой – поля, но они разделялись перелесками, и ближайший из них все равно закрывал горизонт. Леса были исключительно хвойные (ель, сосна), а перелески представляли в основном заросли ольхи. С этими перелесками у меня связано забавное воспоминание.

Три километра таких полей с перелесками отделяли наше село от деревни Вахонькино, где была школа II ступени. Зимой, в сильные морозы ученикам младших классов из нашего села было не просто каждый день преодолевать это расстояние. У нас в семье было две шубки из овчины, крытой дешевой хлопчатобумажной тканью. Сшиты они были для старших детей и постепенно переходили от одного к другому из подрастающих младших. Фасон был стандартный для деревенских шуб того времени – верх облегающий, а от пояса бортики, благодаря которым нижняя часть расходилась колоколом. В начале 20-х гг. одна из них досталась мне. Штанов и чулок мы, девочки, тогда не знали. На ноги наворачивали портянки и надевали валенки, а колени и выше должны были укрывать и защищать от холода полышубы. При такой экипировке мы придумали особый способ движения. Со-

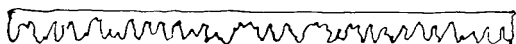
бирались на околице села и бегом мчались через первое поле. За это время, особенно на ветру, голые коленки начинали деревянеть от холода, поэтому, пробежав до перелеска, где было тише и теплее, мы выстраивались вдоль дороги и приседали, так что полы шубы упирались в дорогу, и под ними получался своеобразный маленький шалаш, под которым коленки постепенно отогревались, и мы форсировали следующее поле. Вероятно, этот рядок присевших вдоль дороги маленьких закутанных живых «пеньков» выглядел со стороны очень смешно.

Около села в Андогу впадала река Шулма, и место это называли Устьем. В отличие от Андоги, истоки Шулмы находились в болотах, из которых вытекали две маленькие речки Кумсара и Казара. Сливаясь, они и образовывали Шулму. Это была речка тихая, с медленным, спокойным течением, местами песчаным, местами илистым, заросшим водорослями дном, маленькими островками и тихими заводями. Должно быть, ее тихой воде трудно было пробиваться через препятствия, чаще она их огибала, поэтому русло ее было очень извилисто, с массой поворотов. Вдоль левого берега обильно росли желтые кувшинки, а у самого устья поверхность реки была сплошь покрыта листьями и цветами водяной лилии (белой кувшинки). Шулма была богата рыбой, которая, как и сама река, была более «степенной» – налимы, окуни. В несметном количестве водились в ней мелкие (от 2 до 6 сантиметров длиной) темные рыбки, которые в разных местах назывались по-разному. У нас они назывались «хохолье», научного названия их я не знаю. Стоило войти в воду, как целый рой их собирался вокруг ног, легонько тыкаясь в кожу. Одно время мы кормили ими уток. Для этого надо было только опустить в воду решето, подождать, пока в него набьется целая куча рыбок, поднять решето и высыпать улов в ведро. Из-за болотного происхождения или, может быть, из-за обилия живности (водоросли, рыбы, пиявки, стрекозы и т. д.) вода в Шулме была не такая вкусная, как в Андоге, и ее брали для скота, стирки, полива, а для питья и кухни использовали воду Андоги или брали ее из ключей, кое-где подпитывавших Шулму. Кроме того, в селе было много колодцев и небольшой пруд.

В отличие от лесистых берегов Андоги, берега Шулмы были густо заселены, на них располагались два села – Стан и Пречистое и много деревень – Фадеево, Аннинская, Тучарино, Казариново, Будимировская, Прягаево и т. д. О двух деревнях ходила такая легенда: в 20 километрах находилось село Княжье, в котором, по преданию, жила вдова-княгиня Ольга (конечно, не киевская, а просто вдова какого-то удельного князька). У нее были два сына – Будимир и Казимир, в честь которых и были названы деревни – Будимировская и Казариново (позднее в местной речи они зазвучали как Будинировская и Казамирова).

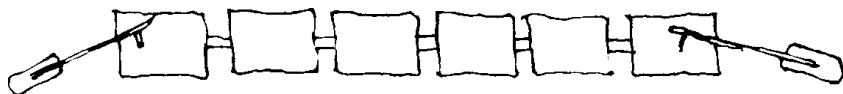
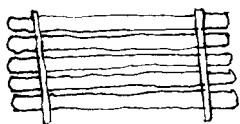
Обе реки – Андога и Шулма – были «сплавные», т. е. по ним весной в половодье после ледохода сплавляли лес. Своеобразно проходил на них ледоход. По Шулме медленно проплывали уже значительно подтаявшие льдины, обычно посередине, в главном течении, почти не касаясь берегов. По Андоге льдины жались быстро, сталкиваясь между собой и с берегом, казалось, что река наполнена живой хрустящей, крошащейся ледяной массой, которой тесно в русле, часть льдин у края выпирало на берег, и они медленно таяли, превращаясь в своеобразные ледяные щетки, – сверху сохранялась сплошная ледяная корка, из-за которой льдина казалась целой, а снизу

она превращалась в скопление ледяных иголок длиной 15–20 и толщиной 1,5–2 сантиметра.

Стоило такую подтаявшую льдину толкнуть ногой, как она с удивительно мелодичным хрустальным звоном рассыпалась в кучу иголок – это было одно из наших весенних развлечений.

Вероятно, из-за обилия деревьев в прибрежных лесах, где зимой скапливалось много снега, половодье было буйным и обширным, маленькая Шулма становилась шириной почти как Волга у нынешнего Горького. По Шулме лес сплавливали гонками (бревна «сплавивали», т. е. делали плоты: толстые бревна располагали параллельно и с двух концов клали поперек жердь или более тонкое бревно, связывая все «вицами», – это и называлось «вязать плоты»). Затем пять-шесть плотов связывали последовательно, один за другим и на двух крайних укрепляли «потеси» – обтесанные в виде тяжелого весла бревна; это и называлось гонкой. Движениями потеси гонку удерживали на середине реки или «прибивали» к берегу.

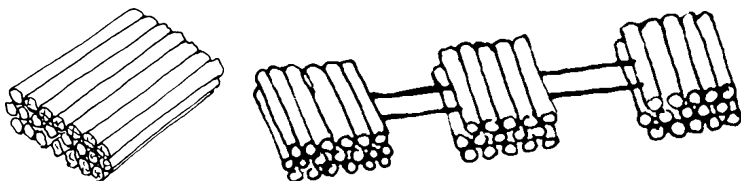

Когда я училась в Вахонькинской школе, которая находилась в трех километрах выше по Шулме, мы иногда приезжали домой на гонках. Для этого мы после уроков бежали на берег и, увидев приближавшуюся гонку, кричали: «Дядя, прибеишь к берегу!» Обычно нам не отказывали и, ворочая тяжелой потесью, подгоняли гонку к берегу, с которого мы горохом сыпали на нее. Когда река доносила гонку до нашего села, следовала опять просьба «прибиться к берегу», и теперь с нее на землю прыгала довольная школьная мелкота. Иногда, не допрыгнув до берега, мы попадали в воду, но, начерпанная в сапоги, она не огорчала, т. к. дом был близко и мокрые портянки высушивались на печи.

В 1913–1914 гг. по Шулме сплавляли и пиленный лес (тес) баржами, или, как их называли у нас, «барками», которые строились из того же свеженарезанного теса. Возможно, они были и не так уж велики, но нам в то время казались громадными, и до сих пор у меня сохранилось впечатление, как красиво выплывали из-за поворота реки эти, как-то по особенному чистые, желтовато-белые корабли. Двигались они за счет течения реки, а для того, чтобы направлять их по фарватеру, на носу и корме были сделаны отверстия, в которых, как на гонках, укреплялись весла. Кажется, эти весла

уже не назывались потесами – хотя они тоже выделялись из целых бревен, но изготавливались более тщательно.

Позднее, по-видимому, в верховьях Шулмы перестали пилить тес, и барки больше не приходили. По Андоге лес сплавливали чаще кошмами – для них использовали бревна меньшего диаметра и меньшей длины и складывали их не в один слой, как в гонках, а многослойными пакетами. Такие пакеты также связывались по типу гонок, но из меньшего количества плотов, и, кажется, связывались они не по торцам бревен, а в поперечном положении (в последнем не совсем уверена). Сплав гонок и кошм был делом далеко не спокойным, бывало, что на крутых поворотах, при ударах о берег или о крупные камни плоты отрывались или вообще рассыпались. Гонщики пытались их собрать, а если это не удавалось, то возвращались домой, не получая никакой платы, даже когда это случалось уже в конце пути.

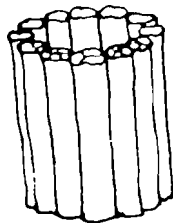
Работа была очень тяжелой, обычно гонщиками были мужчины, женщины шли на нее очень редко, и их ставили только на кормовое весло, то есть на менее ответственный участок, поскольку направление в основном задавалось положением первого плота. Иногда одну гонку сплавлиало несколько гонщиков. В этом случае обычно на среднем плоту ставили шалаш, где отдыхали те, кто был свободен от работы. Чаще гонщиков было двое. На прямых участках реки каждый стоял у своего весла и только изредка «бил» им. На поворотах или при какой-то опасности (большие подводные камни, сильное течение, которое гонит на берег, мельничная плотина и т. д.) начиналась бешеная потогонная работа, весла били непрерывно, главный гонщик выкрикивал резкие приказания, подсобники бегали, перескакивая с плота на плот, от одного весла к другому, где нужна была помощь, и с облегченным вздохом вытирали пот, когда опасное место оставалось позади. В миниатюре повторялась картина сплава барж мимо скал – «бойцов» на уральских реках, описанная в литературе.

Когда вода немного спадала (реки были полноводны, но уже входили в свои берега), начинался сплав леса «модем», т. е. отдельными, несвязанными бревнами. Они плыли, покрывая реку сплошным слоем, так что более удалые и ловкие ребята могли перебегать по ним через реку, хотя это было довольно опасно: если бегущий попадал на тонкое бревно или на край, особенно на более тонкую верхушку бревна, случалось, что они, не выдержав тяжести, опускались, и смельчак оказывался в воде между движущимися бревнами или хуже того – под ними. Иногда поток бревен наткнулся на какое-нибудь препятствие или просто вставшее поперек бревно и останавливался. На эти бревна налезали другие, подплывавшие сзади, и образовывался «залом» – беспорядочное нагромождение бревен, запрудившее реку. На залом взбирались самые опытные и сильные сплавщики, баграми вытаски-

вали из него и пускали по реке отдельные бревна и восстанавливали движение. Эта работа была тоже очень опасной, случалось, что после того, как удавалось выгнать застрявшее бревно, вся масса залома начинала двигаться, и сплавщик, прыгая что есть духу с плывущего скользкого бревна на такое же другое, мчался к берегу: попасть между бревнами означало гибель или, в лучшем случае, переломы, раны и синяки.

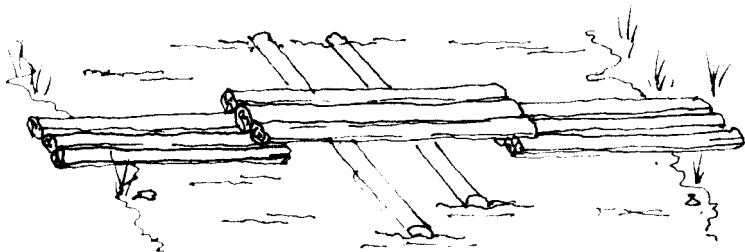
Недалеко от устья Шулмы (впадения ее в Андогу), как раз против нашего дома, сплавщики делали остановку. Не знаю, вызывалась она усталостью и потребностью в отдыхе перед выходом в быструю Андогу или необходимостью провести учет сплаваемого леса.

На берегу в нескольких местах были вбиты в землю, плотно друг к другу, 15–16 толстых кольев, образующих своего рода искусственные пни высотой сантиметров 35–40. К ним канатами причаливали гонки на ночь, а иногда и на два-три дня. Гонки размещались в несколько рядов – первый у берега, следующие параллельно им, так что получался бревенчатый настил чуть не через всю ширину реки, и мы, ребяташки, любили бегать по нему, перескакивая с плота на плот. Один раз

эта забава чуть не стоила мне жизни. Расстояние между плотами соседних гонков в одном месте оказалось довольно большим, и, чтобы перепрыгнуть его, я встала на самое крайнее бревно, а оно было то ли плохо привязано, то ли отвязалось в пути и от моего толчка ушло под воду. Очутилась в воде и я, причем сильное течение положило меня на спину и потащило под гонку. К счастью, я успела одной рукой уцепиться за вицу, связывающую бревна, а на соседней гонке работал брат Петя – перебирал и пересчитывал ворох запасных виц. Крикнуть я не успела, но он увидел, что мелькавшее на гонках розовое платишко вдруг исчезло, бросился к месту, где оно должно было быть, и увидел над водой судорожно вцепившуюся в вицу ручонку и половину головы с вытаращенным глазом – все остальное было уже под гонкой. Он меня и вытащил. Испугаться в этот момент я еще не успела, но, уже стоя на берегу, увидела, что на дороге к дому стоит, разговаривая с какой-то женщиной, мама. И вот тут я очень испугалась, что мне за это купанье крепко влетит. Подбежавшая сестра Зоя быстро сообразила, что за компанию достанется и ей (она тоже бегала по гонкам), поэтому мы быстро составили и реализовали общий план – крепко сцепились, причем она встала с той стороны, с которой нас могла видеть мама, и что есть духу промчались мимо разговаривавших женщин. Дома я переоделась и разостлала мокрое платье на печке, на кирпичках, чтобы быстрее высушить. Высохло оно быстро, но от кирпичей покрылось мелкими рыжими крапинками. К счастью, мама этого не заметила, но Петя несколько дней пугал меня: когда семья собиралась за столом, он вдруг начинал разговор о том, как некоторые малыши бегают по гонкам, или вдруг спрашивал меня, холодная ли вода в Шулме, но видя, как я при этом замираю, прекращал разговор и так меня и не выдал.

При сплаве леса модем в этом же месте делалась «запань» – плавучий мост шириной в три-четыре бревна и длиной от одного берега до другого с перерывом посередине, перекрытый мостиком. В промежутке свободной воды под мостиком сплавщики баграми проталкивали по одному бревна, скопившиеся выше запани. Не знаю, делалось это для счета бревен, доплыв-

ших до конца Шулмы, или, скорее, для того, чтобы в устье не образовывался залом. Шулма впадала в Андогу под прямым углом, поэтому плывущие по ней бревна должны были сделать крутой поворот, и если бы это была сплошная масса, то она легко могла тут застрять, а одиночные бревна благополучно заворачивали в Андогу. Изредка случалось (на моей памяти один раз), что при сильном напоре воды и скопившихся бревнах запань прорывало, и бревна начинали идти сплошной массой, но этот прорыв сплавщики быстро ликвидировали.

Так подробно я пишу о сплаве, потому что в детском сознании все это – весна, солнце, первая травка, ширь разлившейся реки, энергично снующие фигуры сплавщиков, деловой гам (иной раз и с крепким словом) – сливалось в своего рода праздник и было одной из достопримечательностей Андоги (уже не реки, а местности).

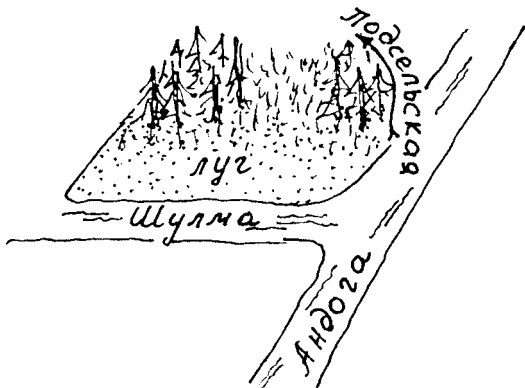
У Андоги – местности были еще три достопримечательности, о которых я всю жизнь вспоминаю с восхищением и душевным теплом. Первая – Белый бор. Так называли вековой сосновый лес вокруг Филиппо-Ирапского монастыря. Он принадлежал монастырю, и монахи содержали его, может быть, в более строгом порядке, чем собственные кельи. Не было в нем порубок, а значит, и пней, не валялось ни одной ветки или гниющего ствола. Высокие, прямые (сказала бы «точно стрелы», но они были несколько десятков метров высоты и соответственной толщины), золотисто-желтые стволы стояли как колонны. Они были гладкие, т. к. по мере роста все нижние сучья отмирали, и только высоко смыкались зеленые кроны. За столетия этот зеленый покров стал настолько плотным, что под ним уже не развивались ни подрост деревьев, ни трава, земля была покрыта белым мхом, похожим на крошечные кудрявые деревца (отсюда и название «белый»), и на этом фоне зеленели листики и как специально разбросанные украшения краснели ягоды брусники. Очевидно, долгий век достался только самым сильным, здоровым деревьям, вся слабая мелочь давно погибла, и сосны стояли очень просторно, так что этот бор свободно и далеко просматривался. Один раз в нем была построена эстрада, и приехавший из Череповца хор дал здесь концерт, а многочисленная публика, стоя между соснами, слушала песни и смотрела на него, не чувствуя помехи от деревьев.

Сухая песчаная почва, красота бора, быстрая чистая река делали это место настолько привлекательным, что перед революцией возник проект построить здесь царскую дачу. Велись некие расчеты, а в монастыре была специально куплена какая-то особенная икона, с которой предполагалось встретить царя. Революция похоронила этот проект, монастырь был закрыт, в нем

разместились сначала детский приют, а сейчас Дом инвалидов. К большому сожалению, погиб и Белый бор, причем есть слух, что это произошло по ошибке. Где-то в области есть место с похожим названием «Андома», и во время Отечественной войны была опасность, что туда дойдут немцы, поэтому было дано указание укрепить этот район. На каком-то этапе движения этих указаний название местности перепутали, написали «Андога», где и начали строить укрепления, а для их строительства вырубил Белый бор. В 1972 г. я проезжала через эти места и с душевной болью увидела обыкновенный молодой еловый лес, довольно низкий, густой и темный.

Второе замечательное место было известно под названием «Подсельская». Широкий заливной разноцветный луг на левом берегу Шульмы примерно в 150 метрах от реки переходил в крутой подъем, заросший темными елями, — отсюда этот лес продолжался на несколько километров вдоль Андоги. Против нашего дома на подъеме был промежуток, лишенный деревьев, через который просматривалась идущая вдоль холма дорога. Это было место народных гуляний. В

праздничные дни сюда приходили нарядные веселые девушки и парни из соседних сел и деревень (иногда за десять — двенадцать километров), пели, плясали под гармошки или просто ходили вдоль дороги — девушки, взявшись под руки и образуя шеренги по ширине дороги, а парни группами за ними. Очень красивые были подсельские гулянья, если смотреть на них с противоположного берега Шульмы, где стоял наш дом.

Время от времени гуляющие собирались в круг, и начинались пляски. Позднее гулянье «осовременилось» — уже не было ходьбы рядами, да и гармошек и пения почти не было слышно, молодежь просто собиралась группами, разговаривали, знакомились, иногда разбредались парами по лесу. Еще позднее сюда перенесли кладбище, и гулянья прекратились. Во время Отечественной войны как раз на холме Подсельской строился укрепленный пункт, и существовавшие к этому времени могилы, в том числе могила маленькой Веры, дочери моей сестры Зои, были перерыты, но затем кладбище «заселили» новые захоронения. Сейчас там похоронены муж Зои Дмитрий Васильевич Смирнов и ее сын Юрий Александрович Абузин.

Если Белый бор и Подсельскую знали все андожане, то третье «заветное» место, вероятно, было дорого только мне и еще нескольким девочкам. Выше по течению Андоги ширина ее русла в засушливое лето значительно сокращалась, и по левому берегу обнажалась часть ее каменистого дна. По величине, форме и строению камни были чрезвычайно разнообразны, и мы — группа девочек — часами рылись в них в поисках самых интересных. Особенно ценились разноцветные мягкие камешки, которые, если ими провес-

ти по другому – плоскому и твердому камню, оставляли на нем цветную черту. Мы их называли «красками», и время от времени то одна, то другая девочка радостно кричала: «Я краску нашла!» Один раз мне попался там обломок каменного ножа, видимому, кончик лезвия. Это был камень светло-коричневого цвета, правильной формы, которая была получена путем отбивания мелких кусочков, так что

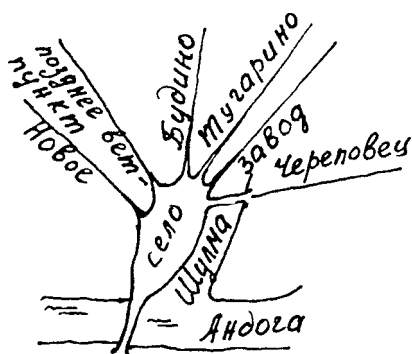

его поверхность была вся в мелких щербинках. Он был примерно 4 сантиметра длиной и 1,2 сантиметра шириной. Другой раз я нашла сросток кристаллов в форме крошечного кресла без ножек. Эти два камешка я долго хранила, но потом они потерялись, тем более что значение первого из них (ножа) я поняла позднее, когда увидела в музее орудия каменного века.

Было еще одно замечательное место, которого я, к сожалению, не видела, – Бадогово озеро. Оно располагается в глухом лесу за монастырем, и на пути туда водилось много змей, которые часто лежали прямо на дороге, греясь на солнце. Говорили, что оно необычайно красиво, и у человека, который к нему выходит, непроизвольно вырываются слова восхищения. Согласно ходившей в народе легенде, это было опасно, так как человеку, вслух выразившему свой восторг, предстояло обязательно потерять дорогу и заблудиться в лесу. В детстве я не сходила на озеро, так как боялась заблудиться или наступить на змею, а позднее приезжала в Андогу на жниву, когда было не до озера, – так я его и не увидела.

Село Никольское было малочисленное (22 двора), но считалось своего рода «столицей» Андоги. Из него выходили семь дорог, в том числе дороги в г. Череповец и к железнодорожной станции Кадуй. Конечно, какие-то из них были продолжением друг друга, т. е. можно было считать, что одна дорога, проходя через село, дает два конца, но расходились они в таких разных направлениях, что решить, какой конец считать началом, а какой его продолжением, было бы трудно.

На схеме я указываю ближайшие деревни, которые первыми встречаются на этой дороге (за исключением дорог, конечным пунктом которых были Кадуй и Череповец), а дальше, конечно, шли другие деревни и ответвления дорог к ним. Между селом и Станом было еще отдельных три дома, которые трудно назвать деревней, хотя они и имели собственное имя «Слудинка». В них жили акушерка, урядник, ветеринар и какая-то служащая почты.

За Слудинкой на правом берегу Шульмы была больница, которую годами создавал работавший в ней старый врач (фамилии его я, к сожалению, не знаю). Каждый год он что-то пристраивал, что-то улучшал и сделал одну из лучших сельских больниц (помню, что в палатах были даже телефоны – в то время большая редкость). А позднее она сгорела дотла. К девушкам – ночным дежурным пришли их кавалеры. У врача, должно быть, было какое-

то предчувствие – тревога за свое детище, и он по ночам иногда обходил территорию больницы. Заметив, что он ходит, ребята спрятались на чердаке между сложенными там старыми матрацами. Когда тревога улеглась, они ушли, по-видимому оставив непогашенный окурок. Окон на чердаке не было, и поэтому разгоревшийся внутри огонь снаружи не был виден. Пожар обнаружили, когда уже весь чердак был охвачен огнем и прогорели стены. Мой отец как раз вышел в это время к реке, откуда была видна больница, и заметил, что здание больницы под крышей опоясано полосой огня. Забили в колокола, сбежался народ, стали по цепочке передавать от реки ведра с водой (это, в частности, делала Аня), но погасить уже разбушевавшийся пожар не удалось.

Почти около больницы, немного ближе к селу был деревянный мост через Шульму, а за ним дома почты, мельницы и два жилых дома, в одном из которых жила хозяйка мельницы, а в другом мельник и рабочие, обслуживавшие мельницу. По слухам, хозяйка была любовницей богатого купца, который выстроил и подарил ей эти здания. Несмотря на эти не слишком почтенные сведения о ней, она держалась важной дамой, да, собственно, окружающие так и относились к ней: она была богата и имела власть над приезжающими на мельницу «помольцами» – так назывались крестьяне, привозившие молоть зерно.

В самом селе были две церкви и соответственно два кладбища, обнесенные кирпичной оградой, ярмарочные «ряды», большой, по сельским понятиям, магазин купца Демидова, маленькая сельская лавка Виктора Кузина и дом «крендельщика» Скобелева, который пек на продажу крендели (баранки). Таким образом, крестьяне соседних деревень в церковь, на кладбище, почту, мельницу, на ярмарку, в магазин, в больницу шли либо в село, либо через село, вблизи от него, и в их жизни оно играло большую роль, чем далекий город Череповец, до которого было 56 верст, и к тому же про них здесь говорили: «мерила баба клюкой, да махнула рукой – пусть будет 56».

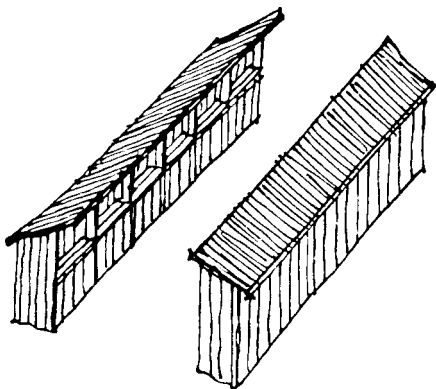
Жить в селе или деревенской девушке выйти замуж за парня из него считалось почетным, а сельские девушки за деревенских не шли, и, может быть, поэтому в селе было достаточно старых дев. Уроженка одной из андогских деревень Хариса рассказывала, что для нее пойти в село (или, как там говорили, в «села») было праздником. К нему готовились заранее и для него наряжались. Постоянное общение с большим количеством приезжих и проезжих, наличие учреждений (почта, больница, церковь) со служащими, более или менее образованными людьми привело к тому, что культурный уровень «сельских» был несколько выше, чем в деревне, – более правильный язык (хотя и не совсем литературный), элементы городской одежды, грамотность, стремление учить детей и т. д.

Основное население составляли две крестьянские династии – Абузиных и Цветковых (по 6 дворов). Остальные семьи: Крапивины, Самойловы, Калачевы, Скобелевы, Кузины, по-видимому, появились в селе позднее и еще не «расселились» – их было по одной семье. Интересно, что в некоторых семьях настоящая фамилия сохранялась в документах, а в быту их обычно называли иначе. Так, одну из семей Цветковых все звали Егоровыми, по имени умершего деда, Калачевых – Кондратьевыми, по имени главы семьи старика Кондратия. Семья Скобелевых занималась выпечкой кренделей (баранок), поэтому всех их многочисленных детей звали Крендельщиковыми

(Васька Егоров, Алексей Кондратьев, Манька Крендельщикова и т. д.). Семья Крендельщиковых приехала в село уже на моей памяти, и если культурный уровень основных сельчан был немного выше деревенских жителей, то Крендельщиконы заметно в этом отношении отставали. Например, одним из развлечений, которым они почти гордились, было поставить на стол трехлетнего мальчишку, который по команде «Давай, Ленька!» выпаливал большой запас грязных матерных слов.

Долгое время в селе совсем не было воровства. Если из дома уходили все, то последний просто приставлял к входной двери снаружи палку: это значило, что в доме никого нет. Наружная дверь не имела замка, только на ночь накидывали крючок, а все внутренние двери вообще не запирались. Правда, поговаривали, что Алеха Крапивин может подобрать валяющуюся во дворе без призора вещь, но это был не подтвержденный фактами слух, а в дом он никогда не заходил (между прочим, этот совершенно типичный и довольно невзрачный мужик хорошо играл на скрипке). Уже где-то в 20-х гг. появился в селе вор Васька Егоров (Цветков), но после нескольких не очень удачных краж он был пойман, заперт в бане, сделал подкоп под стену и скрылся. Позднее он разъезжал по стране, а когда на него составляли протокол по поводу безбилетного проезда, он назывался именем брата и давал его адрес. Брату присылали повестки с обязательством уплатить штраф за безбилетный проезд, например, от Вятки до Иркутска, хотя он никогда там не был.

Ярмарочные «ряды» делили село на две части, собственно Никольское и Поповку, о которой я скажу несколько позже. Ряды представляли две постоянные, параллельные, расположенные по сторонам дороги постройки, у которых задняя стена была сплошная, а спереди они были открытыми со

сплошным прилавком и поперечными перегородками, которые делили это узкое (примерно 1,5 метра) и длинное (метров 20–25) строение на отдельные ларьки. Правый ряд начинался у церкви, а кончался небольшой кирпичной стойкой, на которой были укреплены иконка и кружка для пожертвований. В нее бросали мелкие монеты прохожие и купцы перед началом торговли, последние – с расчетом, что это обеспечит удачную распродажу товара. Во время ярмарки ларьки занимали приезжие купцы с тканями, посудой,

обувью, игрушками и т. д. Местные умельцы со своим товаром – корзинками, кадками, деревянной мелочью (лопаты, толкушки, вальки), санками, горшками – обычно устраивались на земле (или на снегу) на площади между двумя церквями.

Ряды, в обычное время серые, в день ярмарки расцветивались обвешанные яркими тканями, кружевами, сапожками и т. д. Не помню точно, два или три раза в год (а может быть, и больше) проходили ярмарки, но они были

всегда праздником (впрочем, и были приурочены к праздничным дням). Собирались на ярмарку со всех окрестных деревень не только покупатели, но и те, кому покупать было нечего и не на что, а хотелось людей посмотреть и себя показать. Иной имел в кармане 2–3 копейки, но деловито приценивался к самовару или часам и яростно торговался, зная, что не купит, но с удовольствием добиваясь уступки, чтобы потом с наслаждением рассказывать, что видел на ярмарке, что сколько стоило и как он ловко «сбил цену».

На ярмарку почти поголовно собиралась окрестная молодежь. Девушки в ярких ситцевых нарядах (а зимой в цветастых шالях) с разноцветными лентами в косах, взявшись за руки по шесть-семь человек в ряду, ходили по ярмарке, а парни присматривались к ним, выбирая невест. Ребяшня, запасшись глиняными свистулками, вносила свою долю в ярмарочный гам. Как правило, ярмарка проходила в один день, и на следующее утро оставались лишь кое-где разбросанное сено, обрывки бечевки и черепки разбитых горшков, но все это быстро убрали, и до следующей ярмарки ряды служили местом ребячьих игр.

Официального названия «Поповка» не существовало, это было то же Никольское, но в разговорах можно было услышать, что «ряды» начинаются в Поповке, а кончаются у Демидовского магазина или что за водой на Андогу (реку) надо ехать через Поповку. Здесь были расположены две церкви и при них два кладбища, дома священника, дьякона, дьячка, церковная сторожка и дома остатков семей прежнего духовенства – стариков Клавдии Ивановны и Петра Ивановича, который скоро умер (фамилии их я никогда не знала) и сестер Екатерининских.

Главой этой семьи и основной владелицей их нарядного, обшитого тесом и окруженного сиренью дома была Раиса Николаевна Екатерининская, учительница, властная, гордая, с аристократическими замашками. Вторая сестра – Клавдия как-то незаметно прожила около нее несколько лет и так же незаметно умерла. Третья – Шура или, как ее за полноту звали «тетя Шара», тоже не оставила в жизни заметного следа. Четвертая – Лидия, врач, покончила с собой, вскрыв вены, когда почувствовала, что у нее будет незаконный ребенок. До этого она была замужем, и у нее был сын Иван, но брак оказался неудачным, и она вернулась в сестринское гнездо, где и произошла трагедия. Мальчик остался у Раисы, которая его воспитала в достатке, но и в большой строгости. Была она злая, и говорили, что в школе била учеников и до крови надрывала им уши. У нее со священником Троицким был более или менее платонический роман, которым она иногда бравировала. Например, один раз, сидя с моей мамой у окна и видя, что мимо идет Троицкий с женой, она сказала: «Посмотри, я на глазах у попады с попом поцелуюсь». При этом она взяла папиросу, поднесла к губам, а затем, отведя ее, сделала в его сторону жест, имитирующий воздушный поцелуй, на что он ответил таким же жестом в ее сторону. По-видимому, чтобы создать какую-то официальную близость с ним, когда я родилась, она «приказала» маме не искать мне крестных, сказав: «Мы с попом ее окрестим», и таким образом моими крестными родителями стали Троицкий и Екатерининская, а между собой они стали кумом и кумой. Как крестнице, она позднее делала мне в день рождения небольшие подарки.

Имя Лидия почему-то было в Никольском несчастливym – из пяти женщин, носивших это имя, три покончили с собой. Первая – Лидия Николаев-

на, о которой я уже говорила. Лидия Абузина отравилась сулемой из-за несчастной любви. Умирала она мучительно, хотела жить, просила помощи, но спасти ее не удалось. Лидия Егорова (Цветкова) повесилась, причем для того, чтобы затянуть петлю, ей пришлось встать на колени. В своей большой семье она была «прислугой за все». Две другие сестры учились и стали работать учительницами, мать – толстая, крикливая, неумная, ссылаясь на возраст и болезни, старалась быть в стороне от хозяйственных забот. Лидия вела домашнее хозяйство, обслуживая мать, образованных сестер и пятерых братьев и получая попреки за каждый промах.

Последней каплей была такая – ей не понравилась сшитая местной портнихой кофточка, на что мать ей сказала: «Ты не учительша, по двору-то ходить и такая хороша, пусть Маша и Аннушка разбираются, а на тебе всякое рядно ладно». Когда Лидию хоронили, мать причитала над гробом: «За чем ты это сделала, у нас и овсяной-то крупы две меры, и житной-то крупы две меры, жила бы ты да ела»...

В пору моего раннего детства в селе еще сохранялись старинные обычаи – катанье и ряженые на Святки и костер на Масленицу. Для костра молодые ребята заранее собирали горючее – дрова, сломанные сани, колеса, пни, обломок лодки – все, что уже не годилось в хозяйстве, но еще могло гореть. Из всего этого на поляне посреди села складывалась высокая куча, которую и поджигали в конце «масленной недели». Это называлось «жечь масленицу» и представляло собой яркое, праздничное прощание с нею. Буйное пламя, нарядные веселые люди вокруг костра, пляски, шутки, а когда куча прогорала, через ее остатки прыгали, причем если парень с девушкой делали это, взявшись за руки, то считалось, по примете, что они поженятся. Даже на следующий день люди, проходя мимо черного пятна от сгоревшего костра, улыбались, вспоминая, как весело жгли масленицу.

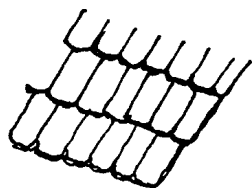
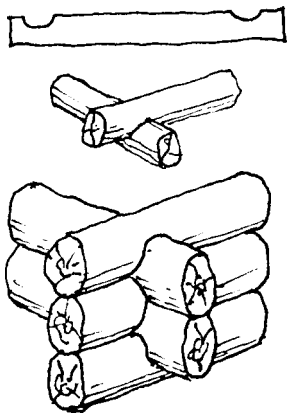
На Рождество «ряженые» – группы молодежи в фантастических костюмах (медведя, бабы-яги, скomorоха и т. д.) ходили из дома в дом с песнями и шутками, получая за них какое-нибудь угощение. Были очень распространены гадания, чаще такого типа – подкрадывались к окну и кричали: «Как судьбу зовут?» Если это были парни, то им называли женские имена, а девушкам – мужские. И неизменно вызывало смех то, что Наталья Егорова (Цветкова) из года в год называла ребятам имена своих дочерей, причем произносила их с присвистом: «Маса, Аннуска».

На Крещение устраивался крестный ход – из храма выносили иконы и хоругви, и колонна с духовенством впереди и с церковным пением шла на Андюгу, где священник три раза опускал крест в заранее подготовленную прорубь. Верующие торопились хлебнуть воды из освященной проруби, умылись, а некоторые и окунались.

Другая процессия устраивалась на Пасху, когда кроме икон и хоругвей выносили и плащаницу – узорное полотно, которым в обычное время был покрыт «гроб Христа» – то ли ящик, то ли просто возвышение у боковой стены церкви, которое обычно было наглухо закрыто плащаницей. Процессия с пением и под звон колоколов обходила вокруг церкви. Люди поздравляли друг друга словами «Христос воскрес», слышали в ответ «Воистину воскрес» и целовались. Весна, блеск хоругвей, пение, звон колоколов, ощущение праздника, улыбки – все создавало что-то необычно радостное. В пасхальные дни открывался для всех желающих вход на колокольню. Этим

правом больше всего пользовались подростки, но нередко поднимались на нее, чтобы позвонить в колокола, и взрослые мужики. В общем, желающих было много, и звон непрерывно раздавался весь день, причем в Никольском особенно слышны были две своих колокольни, немного глуше – Становская, еще слабее – Пречистенская, и по реке иногда доносился слабый голос монастырской колокольни, так что воздух гудел от звуков разного тембра и интенсивности.

Наш дом стоял на правом берегу Шулмы, недалеко от ее устья (впадения в Андогу). Был он срублен (в Андоге говорили не строить, а «рубить», и не построить, а «срубить дом») из толстых бревен по типу обычной крестьянской избы (кажется, у строителей этот способ называется «рубить в лапу»), когда в конце каждого из них делаются (вырубаются) полукруглые выемки длиной примерно 15 сантиметров. Бревно боковой стены (тоже с выемками) укладывается под прямым углом своей цельной стороной в выемки бревна передней стены, а в его выемки так же плотно кладут следующее бревно передней стены, и на углах получаются «расто-

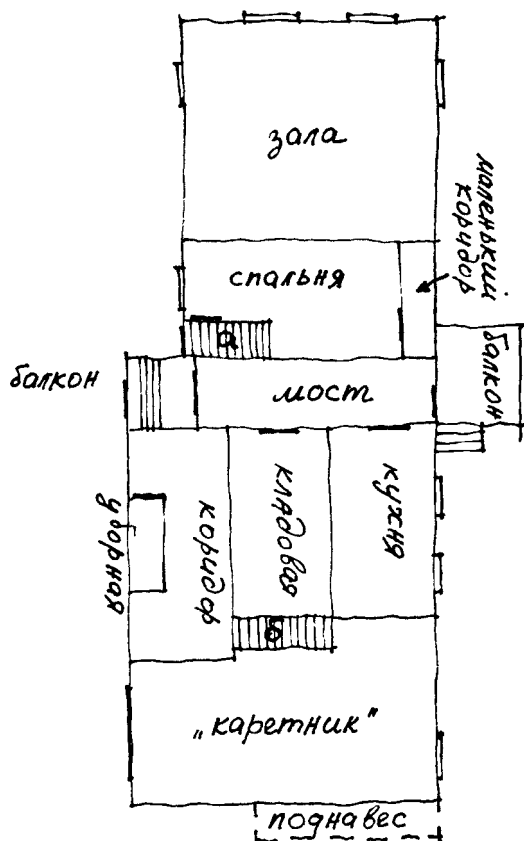
пыренные» концы бревен, по которым мы в детстве пытались карабкаться вверх или, сильно разбежавшись, взбегать вертикально (обычно это удавалось не выше четвертого бревна). Поскольку дом был перестроен из старого, то бревна уже потемнели, и цвет дома был серый. Крыша была покрыта

«дранкой» (тонкими деревянными дощечками примерно 30 × 8 сантиметров и толщиной около 0,5 сантиметра), уложенной рядами так, что каждый верхний ряд немного перекрывал нижний, и получался своеобразный рисунок.

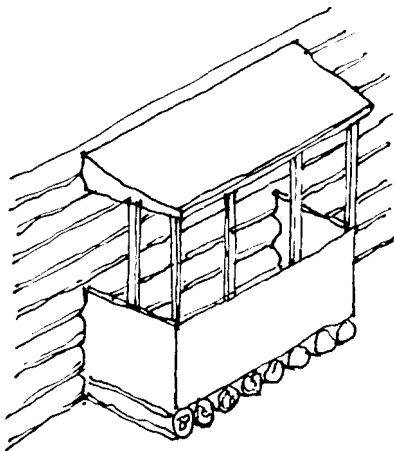
Большим коридором, который у нас почему-то назывался «мостом», дом делился на чистую половину и кухню с кладовой и еще одним коридором, где размещалась уборная и был проход к именовавшемуся «двором» помещению для скота. Позднее для него было выстроено отдельное помещение, которое и стало называться двором, а первое тогда получило название «каретника», хотя единственной стоявшей в нем «каретой» был черный, тяжелый и громоздкий тарантас (по сравнению с ним легкий, изящный тарантас Троицких казался очень нарядным).

К двору и каретнику примыкали выстроенные отцом два навеса – легкие, с крышей на столбах и дощатыми стенками. Впрочем, у первого, примыкавшего к каретнику была только одна стенка, а с двух сторон он был открыт. Второй, примыкавший ко двору был «защит» досками сзади, сбоку и до половины передней стороны. В нем стояли сани, дровни и (тоже сделанный отцом) станок, на котором точили топоры и косы. Назывались они «поднавесами» – одним словом, так что говорили, например: «Сани стоят в поднавесе», «Снеси лопату в поднавес».

В чистой половине дома были две комнаты, одна – метров 20, называлась «зало», вторая – метров 8, была спальня, из нее шла лестница в выгороженную на чердаке еще одну комнату, называвшуюся «верх». Зало и спальня соединялись небольшим коридорчиком, который так и назывался «маленький коридор». В зале стояли гардероб, шкаф для посуды (с отделением для самовара, в это «помещение» я любила забираться и иногда даже засыпала в нем), большой стол, два деревянных дивана (один, собственно, скамья со спинкой, второй – мягкий), несколько стульев и в переднем углу круглый столик, а над ним божница с несколькими иконами и лампадой. В простенке между окнами по фасаду висело зеркало, и под ним стоял еще один маленький столик. Над диванами висели портреты, подаренные Миловидовыми, и «фото-монтажи» – в рамках под стеклом разложенные подряд мелкие семейные фотографии. Пол был крашенный, но краска частично стерлась и с каждым годом стиралась все больше. Значительную часть спальни занимала лежанка, кроме того, там помещалась широкая родительская кровать (на ней родились четверо младших детей), хозяйственный шкаф и маленький столик со швейной машиной. Часть комнаты была занята лестницей на «верх», где стояли стол, кровать, книжный шкаф и две книжные полки из некрашенных досок, сколоченные отцом. Четверть кухни занимала большая русская печь с примыкающей к ней небольшой плитой. Во всю длину передней стены шла широкая скамья («лавка»). Между нею и печью стояли кадки для воды и кадка, в которой варили «щелок» для стирки белья. К противоположному концу большой лавки примыкала под углом другая – короткая, и между ними стоял обеденный стол, а над ними висела маленькая икона. В другом углу стояла лохань, куда складывали и сливали пищевые остатки, к ним добавлялась вода,

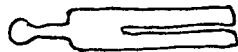

и эта смесь использовалась как «пойло» для скота (только лошади давали чистую воду). Над лоханью висел умывальник, и вода из него (в том числе мыльная) тоже сливалась в лохань. Под потолком с этой же стороны располагались полати. Мост с одной стороны заканчивался крыльцом, с другой выходил на балкон. Балкон был не висячий, а представлял выступ – продолжение моста, опирающийся непосредственно на землю, причем нижняя часть была наглухо зашита досками, а сверху имелись стойки, на которые опиралась крыша. Сооружение это было свободным, и летом его закрывала зеленая стена цветущего плюща. Здесь стояли стол и деревянные скамейки. Летом иногда на балконе пили чай. Отапливались только зало, спальня, верх и кухня, и зимой вся жизнь сосредоточивалась в этих помещениях. Тут размещались трое взрослых (отец, мать и Татьяна) и семеро детей.

«Верх» считался своего рода кабинетом отца. Там были его книги, очень много нот и чистых листов нотной бумаги, письменные принадлежности и т. д. Пока мы были маленькими, нам категорически запрещалось туда ходить, чтобы все это не пострадало от детских рук. Там же, на «верху» отец готовился к экзамену на народного учителя. Среднего роста, смуглый, с темными глазами, волосами и небольшой бородой, худощавый, с небольшой сутуловатостью, приобретенной в детстве, но, по-видимому, несколько сгладившейся во время военной службы, очень опрятный, он любил и соблюдал порядок во внешности и в быту – никогда и ничего у него не валялось где попало. Кажется, смуглый цвет кожи отчасти был обусловлен постоянным и не исчезающим за зиму загаром. Глаза – большие и очень выразительные – нам в детстве казались черными, но теперь, когда я насмотрелась других черных глаз, я думаю, что они были темно-карие. Темные широкие брови делали лицо несколько суровым, хотя это и не соответствовало характеру. Из-за очень высокого лба форма лица была продолговатой. Руки большие, но красивые, хорошей формы. Он был удивительно добр, предельно честен, любил детей и гордился ими, хотя никогда (за исключением расставаний и встреч) не целовал. Помню огромное удовольствие, когда он меня сажал на плечи (я обеими руками ухватывалась за его лоб) и носил («катал») по «залу» и «маленькому калидору».

Отец хорошо играл на гармонии и на балалайке. Пробовал самоучкой овладеть игрой на скрипке, но это не удалось, и дешевенькая маленькая скрипка лежала забытая в шкафу. Еще была у него металлическая штучка – камертон, примерно такого вида, к которой мы, несмотря на ее маленький размер, относились с уважением, во-первых, потому, что это была папина вещь, которую мы не могли

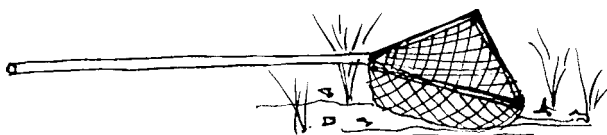
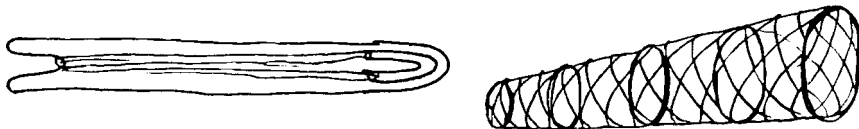

утащить в игрушки, а во-вторых, у нас вызывало уважение, что перед тем, как начинать петь хор, организованный отцом, он ударял камертоном о край стола, прислушивался и «задавал» нужную для начала пения ноту.

Поражало его умение делать «все», очевидно, это было следствием крестьянского происхождения – ведь в старой крестьянской семье покупками были соль, стекло да гвозди. Мы ходили на широких сделанных им лыжах, носили сено в сплетенных им кузовах, сушили клевер на поставленных им вешалах, бегали зимой в подшитых им валенках и т. д. Причем все это создавалось не из полуфабрикатов, а из самого начального сырья – для лыж и корзин он сам отбирал и срубал нужное дерево, обтесывал и сгибал концы досок для лыж, вымачивал и расщеплял бересту на тонкие ленты для плетения корзин, делал «дратву» (просмоленные нитки) для подшивки валенок. Для этого нитки, сложенные в несколько рядов, прикреплялись к вбитому в стену гвоздю, затем отец брал «варницу» – кусок кожи, в который закладывался вар – черное смолистое вещество, она сгибалась в виде наполненной им раковины и

через нее сверху вниз много раз пропускали пучок нитей, пока он не превращался в толстый, черный, компактный шнур, в концы которого впаивались свиные щетинки – при подшивке валенок они работали как иголки. Особенно разнообразно было его мастерство во всем, что требовалось для рыбной ловли. Из льняных ниток он искусно вязал сети, для чего вырезывал из дерева специальные, довольно сложные иглы. Из связанных сетей делал ловушки, наиболее сложными среди них были «морды» – сетевой мешок натягивался на ряд обручей постепенно увеличивавшегося диаметра. Последний обруч был неполным и при установке ловушки на дне реки образовывал «входную арку». От него внутрь ловушки входил второй кольцеобразный сетевой мешок с маленьким отверстием на вершине конуса. Рыба, заплывая в ловушку, через это отверстие попадала в большой мешок и уже не могла выбраться, так как для этого надо было найти маленькое отверстие в конусе и пробраться через него, на что, по-видимому, сообразительности у нее не хватало. Только весной в половодье рыбу «сачили», для чего использовался «сак», состоявший из длинной рукояти 5–6 сантиметров толщиной и 1,5–2 метра длиной, заканчивавшийся треугольником с сетью. Прямо с берега его опускали на дно и волочили по нему к себе, вытягивая на землю. Зимой ставили ловушки, для чего во льду вырубались лунки сантиметров 8 в диаметре, и в них за-

реплялся кол, к нижнему, погруженному в воду концу каким-то образом присоединялась наживка. Я-то видела только торчащие изо льда колья, которые оставались на сутки и больше, время от времени проверяя, как они срабатывали. Таким способом ловились главным образом налимы, и были с ними иногда тревожные, иногда смешные приключения. Так, один раз отец со вторым сыном (моим братом Петей) пошли проверять ловушки в начале весны, когда лед уже частично подтаял. Он шел впереди и в какой-то момент, оглянувшись, обнаружил, что Петя стал вдвое меньше. Оказалось, что мальчик провалился, но полынья была маленькой, ноги попали в воду под лед, полы шубы уперлись в закраины полыньи и удержали верхнюю часть тела над льдом.

В другой раз в сильный мороз отец принес сразу с десяток крупных налимов. Они были совершенно замерзшими, и он их сложил охапкой, как поленья, на столе в кухне. Через некоторое время из кухни стали доноситься какие-то странные громкие звуки. Оказалось, что налимы оттаяли, попадали со стола и, во всю шлепая хвостами, разбрелись по кухне.

Кроме реки отец очень любил лес — и не как источник снабжения дровами, материалом для хозяйства (жерди, колья, доски, лучина, дранка и т. д.), а как царство природы, его красоту, настроение, возникающее у человека при общении с ним, способность развеивать тяжелые мысли, дорожил встречами с животными, находками малоизвестных растений. Иногда он долго «пропадал» в лесу, вышагивал по «нехоженным тропам» многие километры и возвращался, ничего не вынеся, кроме рассказа о том, где, что и кого видел. Когда мы подросли, он иногда «возглавлял» собравшуюся за ягодами нашу компанию, приводил на разведанное им урожайное место, но через несколько минут говорил: «Ну, вы тут собирайте, а я еще посмотрю, где что есть получше», и уходил в свои походы, почти никогда к нам не возвращаясь. Ни корзины, ни топора, отправляясь в лес, он не брал. Зато, если нужны были дерево или кустарник «специального назначения», например, на вилы (ствол толщиной 3–3,5 сантиметра с тремя отростками) или на кичигу (молотило — ветку с плоскостесанным куском ствола, что-то вроде современной хоккейной клюшки) и т. д., он всегда знал, где есть материал нужного типа и, по-моему, чуть ли не был непосредственно знаком с каждым деревом.

Отец был очень вспыльчив, и, если он при каком-то бурном разговоре или неприятном сообщении вдруг резко поворачивался и убегал, это значило, что он взбешен и уходит, чтобы наедине разобраться в ситуации и взять себя в руки. Только однажды ударил он жену. Это было еще в Петухе. В холодный, ненастный день отец поехал в город. Деревенская проселочная дорога была непролазной, раскисшей, не раз приходилось вытаскивать телегу, застрявшую в луже. Вернулся он промокшим и измученным, отдал маме покупки и стал распрягать лошадь. На крыльцо выбежала маленькая Анюта, стала что-то просить из гостинцев, мама велела ей уйти в дом, и обиженная отказом Анюта громко разревелась. Мама наклонилась к ней и стала успокаивать. Отец в это время отвязал вожжи, смотрел их и сказал маме: «Возьми вожжи». Стоя спиной к нему и занятая ребенком, она не обратила внимания на его слова. Он их повторил и, снова не получив ответа, хлестнул ее свертком вожжей по склоненной спине. Это было так неожиданно и нео-

бычно, что она как-то растерялась, молча взглянула на него, подхватила Анюту и ушла в дом. Не знаю, просил ли он прощения, но, по словам мамы, несколько дней «ходил не в себе» и больше никогда в жизни не ударил ни ее, ни кого-либо из детей, в отличие от мамы, которая была скоро на колотушки. Правда, и она не порола и не избивала нас, но с ходу дать подзатыльника, стукнуть по спине, дернуть за ухо или за волосы провинившегося у нее было привычным методом наказания.

Кроме описанного случая, отец, по-моему, вообще ни разу никого не ударил. Не звучали в доме и какие-либо непечатные выражения. Самые крепкие характеристики, которые он мог позволить себе дать неприятным ему людям, были типа «подлая душонка» или «негодяй». Но и подобные слова никогда не относились к детям. Не употребляла «черных» слов и мать. Вообще в семье они были под строжайшим запретом, и мы их практически не знали. В минуты раздоров и крайнего раздражения мы, дети, использовали два бранных слова: «дура» и «покась» (по-видимому, испорченное «пакость»), Больше того, под запретом были пренебрежительные «Санька», «Зойка» – почему-то такое обращение называлось «полуимя». Стоило сказать «Петька», как со стороны мамы следовало грозное: «Ты что это полуименем зовешь?», сопровождаемое подзатыльником. Забавно, что значение русского мата уже в студенческое время мне объяснила сокурсница. До этого я считала его бессмысленным набором звуков.

Насколько привычно и умело справлялся отец с вещами и работами, настолько был робок и непрактичен в обращении с людьми. Попросить кого-нибудь об одолжении или произвести расчет для него было пыткой. Помню такую типичную сцену. Однажды после ярмарки мужик, торговавший валенками («катанками», отсюда и их производитель назывался «катовал»), зашел к нам и бросил на пол последние непроданные детские валенки со словами: «У вас ребят много, берите, кому-нибудь подойдут». Отец спросил, сколько они стоят, на что получил стандартный ответ: «Сколько дашь». Последовала пауза, во время которой отец соображал, сколько предложить, чтобы «не обидеть продавца». По судорожно сжатым рукам матери было видно, что она вся напряжена: зная мужа, она уверена, что сейчас он переплатит. Но мама молчит, оберегая его авторитет главы семьи и свою репутацию послушной жены. Отец неуверенно начинает: «Я намерен... я намерен... три рубля». У мамы невольно опускаются руки, а катовал в изумлении отступает со словами: «Что ты, отец дьякон, да я за большие мужиковы валенки столько не бирывал. Этим красная цена рубль, а поторговаться, так и на копейки сойдет»...

(Лидия Васильевна Судакова ушла из жизни в 1990 году, не успев завершить свой очерк).

ИЗ КНИГИ Э. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО¹

«ВХОЖДЕНИЕ В ЖИЗНЬ»

(Ленинград, 1990)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтобы яснее проследить связь между *внешними условиями и внутренним миром* человека, я не осложнял воспоминаний запоздалыми оценками моих мыслей и поступков, а представил их как дело само собой разумеющееся; тем более что в свое время так оно и было.

На сегодняшний день, когда естественное любопытство и интерес к местам не столь отдаленным во многом удовлетворен, книга может быть интересной с точки зрения эволюции моего сознания и подсознания, которые я попытался представить достаточно откровенно по сравнению с рядом подобных невеселых мемуаров.

Воспоминания строго автобиографичны, но я позволил себе изменить имена и фамилии некоторых современников, чтобы избавить их от не всегда приятных ощущений; те, кому это (больше) не грозит, названы в книге так же, как они звались в жизни.

Рукопись была написана два десятка лет тому назад. И все эти годы я опасался, что она никогда не будет опубликована. Времена изменились.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

...Обильные потоки слез льются из моих глаз, застилая мир, в который я вынужденно вошел два года назад. Причина моего горя заключалась в тщедушной беленькой собачонке, утонувшей в Фонтанке. Моя няня Агафья – огромная добрая женщина – раздевает меня на столе после гулянья, не переставая утешать. Тщетные усилия... Ревел я тогда довольно долго; более того, горе оказалось так велико, что навсегда осталось в моей памяти первым воспоминанием раннего детства, счастливейшего в целом периоде жизни всякого человека.

До войны я жил в Ленинграде на Фонтанке, в доме напротив Михайловского замка. Огромную коммунальную квартиру на втором этаже занимало несколько семей. Мать, мой старший брат и я жили в большой комнате с окнами, выходящими на набережную. За одной стенкой разместилось семейство сестры отца, его мать, а за другой были комнаты отца (...).

¹ Вознесенский Эрнест Александрович (1931–1997) – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского (ныне Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов).

По другой стороне коридора в большой комнате жила многочисленная семья рабочего; в гостях у них я бывал очень часто – для сравнения замечу, что, например, у наших родственников в соседней комнате за десять довоенных лет я бывал считанные разы.

В комнате напротив нас жил А. Брянцев – артист и художественный руководитель кукольного, по-моему, театра. Надо сказать, что пестрая социальная палитра нашей квартиры не мешала нам сосуществовать мирно и без обычных эксцессов.

Александр Алексеевич – мой отец – высокий красивый мужчина, ему тогда и сорока еще не было, – декан экономического факультета ЛГУ, профессор. Младший его брат Николай жил в Москве, занимал ответственные партийные и государственные должности. Были у них еще две сестры: Валентина – та, что жила с нами и преподавала в институте, и Мария – партийный работник.

Мать Анна Васильевна, женщина внешне весьма привлекательная, небольшого роста, с живыми выразительными глазами, работала в ту пору в управлении Ленэнерго. Гордость, честность, фанатичная любовь к людям, безграничный альтруизм уживались в ней с деспотичным и властным отношением к детям. Впрочем, объяснялось это одним только чувством ответственности за воспитание сыновей, и в том, что мы с братом «получились» людьми не самыми худшими – да простят мне такую нескромность, – видимо, ее главная заслуга.

Я любил ее просто и неосознанно, как, наверное, и все дети или подавляющее их большинство. Прежде всего с ней связаны самые ранние мои воспоминания (...).

Очевидно, к середине тридцатых годов отношения моих родителей были далеко не идеальными, иначе трудно объяснить себе появление у отца новой семьи, в которой родился мой младший брат Валерий.

У матери тоже что-то подобное намечалось, но так и осталось без результата: мы с братом запростестовали, руководствуясь обычным детским эгоизмом, а она уже привыкла подчинять свою личную жизнь нашим интересам.

Одинокая женщина с двумя детьми – вариант не из лучших. По крайней мере на методах воспитания в нашей семье это отразилось существенно, что я на своей, так сказать, шкуре почувствовал значительно острее, чем брат Лева – человек, уже тогда куда более положительный.

Будучи сама исключительно честной и принципиальной, мать и нас воспитывала с позиций высокой гражданственности. Следствием этого были, в частности, мои бесконечные вопросы политического содержания, которыми я нередко тогда донимал мою няню. В три-четыре года меня интересовало, например, кто главней – Маркс или Ленин?

Но особенно безжалостной была мать в отношении нравственных начал. В этой связи мне запомнился такой случай.

Однажды, в недобрый день и час, собираясь идти в школу (я тогда учился в первом классе), я взял с камина несколько монет. По дороге я обменял их на соответствующий материальный эквивалент в виде стакана семечек и, на зависть всему классу, лузгал их на всех уроках. То ли мало оказалось в тот день уроков, то ли ребят, с которыми я делился лакомством, а стаканы у торговцев, наоборот, были в то время большими, – как бы то ни было, при-

мерно половина семечек все еще оттягивала мой карман и после уроков. Чувство собственного превосходства перед одноклассниками, которое не покидало меня в тот день в школе, быстро таяло по мере приближения к дому. Любовь к семечкам оказалась сильнее разума, и, когда я предстал перед строгими красивыми глазами матери, контрабанда все еще наполняла мой карман.

Не помню, как семечки были обнаружены, но хорошо помню волнуемый разговор по этому поводу. На вопрос матери, откуда у меня семечки, я, почти не запинаясь, отвечал, что это, должно быть, проделки одного мальчишки – какого именно, я, к сожалению, не запомнил. Тот стоял за мной в очереди за пальто, грыз семечки и, стало быть, подсыпал мне в карман. Вероломство безвестного мальчишки не вызвало никакого сочувствия; более того, мать даже не поверила моим горячим уверениям, хотя я сам был искренне убежден в том, что такое может быть. Умей я в то время ставить себя на место других людей, моя история вряд ли показалась бы мне столь правдоподобной, ведь поступок злонамеренного мальчишки граничил с иступленным альтруизмом, чрезвычайно редким среди людей... Так или иначе, я продолжал лгать с остервенением, и поскольку мать поняла, что складывается относительное равновесие сторон, вовсе ее не устраивающее, то перешла к более действенным методам воспитания любви к правде.

Конечно, это был не единственный случай, когда я сильно огорчил мать, хотя в отношении денег ничего подобного никогда больше не повторялось. Одновременно с воспитанием почтительного отношения к чужой собственности, страха перед родительницей, большей изворотливости, стойкости к жизненным невзгодам во мне росло упорство, если не сказать – упрямство. Несмотря на грустные для обеих сторон диалоги, в которых физическое превосходство матери было очевидным, в «теории» силы наши оказывались почти равными.

В два года я совершил свой первый «побег» из дома, настолько удачный, что взрослые сумели разыскать меня лишь спустя несколько часов в Летнем саду, и то благодаря зорким глазам общественности.

Уже тогда я был изрядным «летуном» в отношении выбора профессии – в дальнейшем жизнь весьма способствовала развитию во мне этих задатков. Первым моим твердым желанием было стать дворником – зимой из окна нашей комнаты он был просто великолепен; затем его заменил пожарник (после пожара здания городского суда на Фонтанке), следующим моим идеалом был пограничник (в то время я познакомился с книжкой о Карацупе), потом танкист и т. д.(...).

Учился я в первых двух классах на отличные оценки, поскольку получать другие с нашей матерью было затруднительно и крайне невыгодно. Тем более что у меня был образцово-показательный брат, из года в год получавший всяческие похвальные листы, грамоты и т. п.

Много приятных воспоминаний связано у меня с деревней, куда в то время летом часто нас посылала мать. Правда, с этим же местом в моей памяти ассоциируется и самый страшный случай из детства, когда я тонул в реке, не умея плавать. Мы с братом в жаркий летний день были на рыбалке, он решил выкупаться. Надоело и мне пассивно сидеть на берегу, я тоже полез в воду, а любопытство уводило меня все дальше от берега. В конце кон-

цов я очутился в омуте, выбраться из которого самостоятельно мне оказалось не под силу. По счастью, брат, не обнаружив меня на суше, быстро сумел сориентироваться. Животный страх, ощущение собственного бессилия, которые я тогда испытал, – воспоминания не из приятных, но впечатляющие. По крайней мере этот случай тоже прочно сидит в моей памяти (...).

2

Мне было десять лет, когда началась война – неожиданно не только для детей, но и для многих взрослых.

Отец – тогда уже ректор университета – и мать остались в Ленинграде и пережили (...) самое страшное время блокады.

Нас с братом вместе с другими многочисленными родственниками отца в сентябре 1941 г. с последним эшелонem успели эвакуировать из города. Под станцией Мга эшелон ночью бомбили немцы. Ехали мы в теплушках в страшной тесноте, и когда началась бомбежка, то выбраться из вагона нам с братом удалось лишь через верхнее узкое окошко. Снаружи было светло как днем из-за осветительных ракет, рвались бомбы, все вокруг орало, толкалось, падало, поднималось и снова бежало к спасительному лесу. Там, прижавшись к земле, мы и переждали налет.

Оказалось, что бомбы попали в эшелон, и в течение нескольких часов решался вопрос о дальнейшей его судьбе. Наконец было принято решение продолжить попытку эвакуации. Вскоре после этого кольцо блокады вокруг Ленинграда замкнулось.

Ехали мы долго, пока не добрались до Галича, где собрались все родственники отца. Нас с братом поместили в интернат, и там мы провели несколько месяцев. Потом в город прибыл начальник охраны Николая Алексеевича¹; для наших семейств был выделен отдельный пассажирский вагон. Мы отправились в длительное путешествие – в Свердловск. Вагон часто подцепляли и отцепляли к различным составам, сутками мы простаивали в железнодорожных тупиках. Запомнились в этом путешествии лишь отдельные эпизоды: рождение сестры Ирины, простота нравов, царившая среди едущих в эшелоне, разговоры с красноармейцами, едущими на фронт, которые в течение нескольких дней занимали в нашем вагоне купе; пистолет начальника охраны – предмет нашего восхищения и зависти.

В Свердловске нас поселили в так называемом Доме правительства на улице Восьмого Марта. Несколько дней мы жили довольно тесно (...).

Потом нам предоставили большую квартиру, где и разместились все наши семьи.

Важное место в моей жизни в этом городе заняла улица, которой принадлежит решающее влияние на формирование моего характера, в то время как семья и школа оставались явлениями второстепенными. Это и понятно, ведь в отсутствие родителей я был предоставлен самому себе. Единственным, кто взял на себя какие-то слабые воспитательные функции по отношению ко мне, был старший брат, причем меры принуждения опять взяли верх

¹ Н. А. Вознесенский (1903 – 1950) – советский экономист, академик, видный государственный и партийный деятель; дядя автора.

над мерами убеждения. Надо отдать ему должное, справлялся Лева с этой новой ролью превосходно: эстафету мать передала в надежные руки.

Понимая, что превосходство брата временное, я с нетерпением ждал того времени, когда вырасту. При этом подтвердилось, что дурные примеры заразительнее положительных: характер наших отношений с Левой я бессознательно переносил на отношения с младшими братьями, хотя времени для этого катастрофически не хватало — дома я бывал главным образом ночью. Следовательно, и взрослым родственникам нелегко было заниматься моим воспитанием, тем более что у них были свои собственные дети. Короче говоря, я неизбежно выпадал из дружного детского коллектива нашей обширной квартиры-коммуны, а потому если кто-то из детей творил что-нибудь предосудительное и при этом умел остаться в тени, то все шишки неизменно доставались мне.

В Свердловске меня, как и всех детей, определили в школу. В первый же день я подрался с одноклассником, чего раньше, «при маме», не делал никогда. Я оказался «на высоте», чем способствовал некоторому самоутверждению.

Первое время — по инерции и еще потому, что улица меня еще не вполне засосала, — я учился на «отлично», был принят в пионеры, пел даже в каком-то хоре, и создавалось впечатление, что меня ожидает блестящая перспектива благопристойного ученика.

Однако мечтам брата и родителей сбыться не удалось. Улица захватила меня целиком и полностью, поэтому школе я уделял какое-то внимание лишь в двух случаях: когда после очередного исключения меня восстанавливали или когда наступали экзамены. В другое время я неделями пропускал занятия. Как ни странно, я все же закончил в Свердловске третий, четвертый и некоторую часть пятого класса.

Устные экзамены я сдавал следующим образом. Узнавал, какой предмет на очереди, прятал учебник под рубашку, выходил к столу экзаменатора, брал билет и садился за парту прямо напротив учителя. Начинались психологические маневры. Я смотрел учителю прямо в глаза, выражая полную уверенность в своих знаниях. Затем, понимая, что этого все-таки маловато, я переводил целеустремленный взгляд на чистый лист бумаги передо мной и, слегка прикрыв его рукой, принимался писать с самой серьезной миной. Так как знания случались в голове не всегда, то, естественно, на бумагу наносился лишь узор из отдельных слов и крючков; потом я снова глядел учителю в глаза, выражая теперь уже нетерпение изложить ему суть билета. Ученики обычно не торопились отвечать: подготовленные старались рассказать как можно больше, а не подготовленные всеми силами оттягивали неприятный момент воздаяния. Короче говоря, те и другие действовали в моих интересах. Наконец, поймав в очередной раз мой красноречивый взгляд, учитель смотрел уже чуть виновато; я понимающе пожимал плечами... После этого учитель нередко поворачивался на стуле прямо к отвечающему. Вот тут-то и наступало время ликвидировать пробелы в знаниях. Левой рукой (правая небрежно держит ручку) я вынимал учебник, устраивал его на коленях и в нижней части парты (чтобы в случае необходимости без рук от него избавиться), открывал оглавление, находил нужную тему и, слегка откинувшись и потупив утомленный взор, переписывал то, что мне было необходимо, одновременно держа под контролем учителя благодаря неплохому пери-

ферийному зрению. Затем следовала самая простая часть экзамена – оставалось пересказать основные положения учебника.

Естественно, учителя попадались в чем-то разные, хотя, к сожалению, единодушные во мнении о моем отношении к учебе в течение года, поэтому общую тактику порой приходилось совершенствовать. Но в целом за три года я помню только единичные срывы. Например, я не сдал экзамен по географии за пятый класс, потому что мне не успели передать учебник, когда я «готовился».

Хотя учились мы тогда отдельно от девочек, это не слишком способствовало укреплению дисциплины. Так, особым шиком у нас считалось во время урока исчезнуть из класса. В классной комнате в стене был небольшой выступ и за ним находились окна. Мы незаметно подбিরались к этому выступу, а затем, выбрав момент, выпрыгивали в окно – благо, класс находился на первом этаже.

Вспоминается и знаменательный дебош, который однажды устроил наш класс. Во время перемены мы забаррикадировали двери партами, привалили к ним доску и со шкафа съезжали по ней вниз. Другие в это время били цветочные горшки и бросались землей, кто-то даже разбил стекло. Третьи сломали еще один шкаф, сделали себе рейки и сражались друг с другом. Стоял страшный шум, какое-то исступление охватило весь класс. Даже маменькины сынки – отличники или, как мы их тогда называли, гогочки – и те старались по мере своих слабых сил не ударить лицом в грязь. Отрезвление стало наступать, когда директор школы с учителями попытались открыть снаружи дверь. Кто-то из нас, еще не остывший, предложил прикрепить палку над дверью так, чтобы она спланировала на первого, кто войдет. Предложение было принято и осуществлено. Первым вошел директор, но, слава богу, сумел увернуться от этого дьявольского орудия.

Дальше было не так интересно. Мы заранее знали вопросы, которые нам зададут, но договориться о том, как каждый будет на них отвечать поодиночке, не успели. И действительно, вопрос директора школы о зачинщиках дебоша, обращенный ко всему классу, остался без ответа. В ход пошел старый как мир способ установить требуемое через «предателей»: всех по одному заводили в кабинет директора. Метод этот, кстати сказать, эффективен в том случае, если кто-нибудь из допрашиваемых способен был выдать товарищей уже до разговора с начальством. Такие неосознательные нашлись среди нас, и в результате несколько ребят, в том числе и я, были исключены.

Перед тем как осчастливить родное заведение, мы подкараулили одного из «предателей» и жестоко избили его, причем били несколько человек одного, и даже ногами. С запоздалым раскаянием вспоминаю чувство торжествующего злорадства, охватившее меня в тот момент, как мы его поймали, и животного сладострастия во время избиения – тогда же мы не задумались о том, насколько правильно поступили. Несправедливость правосудия ощущаешь особенно остро только тогда, когда самому случится побывать его жертвой...

Знакомство с улицей мы начинали с проверки своего мужества, с самоутверждения среди таких же пацанов.

Одной из любимых забав было объезжание трамваев, которые в то время ходили с открытыми дверями. Я весьма преуспел в этом виде «спорта»:

мог на большой скорости вскочить на подножку трамвая, а на ровном месте даже на самой большой скорости соскочить на землю. Любили мы кататься и на так называемом буфере – выступе у заднего вагона. Но высшим классом считалась езда между вагонами на решетке и особенно – прыгивание с нее.

Зимой наш интерес переключался на машины. Доставали коньки («снегурочки»), прикрепляли их к валенкам с помощью веревок и палки, разжигались длинной толстой проволокой с загнутым концом и поджидали на поворотах дорог машины. Когда шофер снижал скорость, набрасывали крюк на задний борт и весело мчались по улице... Было это весьма опасно не только само по себе, но и из-за дурного характера шоферов и милиционеров. Дело в том, что автомобильный транспорт тогда часто использовался для перевозки ценных грузов. Воры использовали «наши» прием, забирались в кузов и сбрасывали груз на дорогу, где «свои» люди его подбирали. Шоферы были с нами безжалостны, не слишком интересуясь, что двигало нами в таком опасном предприятии. Считалось, что лучше попасть в руки милиционеру, чем шоферу. Я это хорошо испытал на себе, когда шофер машины, за которую я зацепил свой крюк, резко затормозил на мосту. Я, конечно, кинулся наутек, но конек попал между досок, слабо запорошенных снегом. В результате я лишился коньков, а приобрел здоровенные синяки. Бывали случаи и похуже, правда не со мной.

«Объезжали» мы и легковые машины, особенно летом, уцепившись сзади за запасное колесо и пристроившись на бампере.

Я был очень горд тем, что за всю свою «спортивную карьеру» ни разу не попался милиционерам, хотя случаев представлялось немало.

Были и «плодовые» похождения, подогреваемые риском встретиться с собакой и соляным зарядом, а также прыжки с высоты, след об одном из которых до сих пор украшает мою физиономию.

Во всех этих милых затеях больше всего в нашем кругу ценилось первенство и презиралась трусость. Помню, один великовозрастный балбес предложил нам показать фокус, который состоял в том, что на шею одевался широкий ремень, а «фокусник» медленно сдавливал его на своей «жертве». Я не знал физиологической стороны этого развлечения, но подозревал, что это нечто похожее на удушение, хотя и не до конца. И действительно, мальчишка, который на это согласился, упал на траву, долго не шевелился, а потом ожил, так, чем вызвал бурный восторг и восхищение всех зрителей.

По мере того как улица поглощала нас, невинные шалости нередко превращались в мелкое хулиганство. Особенно доставалось от нас взрослым, в первую очередь – дворовой интеллигенции.

Самыми безобидными шутками были «гостевые». Забравшись на последний, двенадцатый этаж нашей «колокольни» (в то время самого высокого здания в городе), мы бегом спускались вниз, нажимая попутно на все звонки. Когда это надоедало, придумывали более изощренные забавы. Находили (то есть попросту срезали где-нибудь) толстую веревку, связывали ею ручки противоположных дверей (двери открывались внутрь) и нажимали на оба звонка. Тогда мы уже не убежали, а воочию наслаждались тщетными усилиями жильцов вырваться на площадку. Иногда попутно мы рисовали расхожие лозунги на стенах – как писать, нас к тому времени уже научили в школе, а что писать – на улице.

Еще одним номером нашей «обязательной программы» были дымовые шашки, которые мы подкладывали в урны в людных местах, например в столовых. Пользовались успехом и рогатки, а еще стеклянные трубки, которыми мы разжигались на химическом заводе.

В вечернее время любимым развлечением была игра в кошелек. Доставали потрепанное портмоне, набивали его каким-нибудь сомнительным содержимым и залегали в кустах, выбросив кошелек на тротуар. Появлялся взрослый прохожий («шкетов» мы отгоняли), замедлял шаги по мере приближения к своему счастью, оглядывался по сторонам, наклонялся, тянул руку, а кошелек все уползал и уползал. Наконец в результате проворного движения портмоне обретало нового хозяина. Разочарование наступало так быстро, что мы тотчас отходили на заранее подготовленные позиции (конечно, если жертва представляла собой опасность).

Хотя мы и были основательно подпорченными, но все же детьми, а потому нам были не чужды и игры «нормальных» детей, вроде «казаков-разбойников» и тому подобных, но в нашем репертуаре они занимали место очень скромное (...).

Свердловск во время войны был крупным поставщиком военной продукции и в победоносное окончание войны внес свой весомый вклад. Немцы об этом, естественно, тоже были неплохо осведомлены, и в городе не было недостатка в шпионах и диверсантах. С другой стороны, положение Свердловска – города крупного, удаленного от непосредственных военных действий и налетов авиации – привлекло в него множество спекулянтов, воров, грабителей и тому подобных. Рассказывали, что и знаменитая до войны банда «Черная кошка» орудовала в этом городе. Грабежи, убийства были в то время в Свердловске довольно распространенными явлениями. Вечерами люди предпочитали не ходить в одиночку, особенно по слабоосвещенным улицам.

Мы, двенадцати-, тринадцатилетние дети улицы, находились под сильным влиянием воровского мира, полноправного хозяина уличной жизни; все сильнее мы начинали втягиваться в него. Правда, серьезно на нас эти люди не смотрели, учитывая наш возраст, но нередко использовали в роли так называемых шестерок.

Нашими кумирами были люди, отсидевшие в тюрьме, люди, которых боялись многие порядочные взрослые и, уж конечно, мы сами. Помню среди них человека неопределенного возраста по кличке Чапай – очень маленького роста, незрелого, о котором рассказывали, что он несколько раз бежал из тюрьмы «на ножах». Как-то раз он взял меня с собой за билетами в кино. В кассе было очень много народу, и он пошел без очереди. Высокий и хорошо одетый парень сделал ему замечание. Чапай, не вступая в спор, улучил момент и всадил ему в бок нож. Это было так неожиданно, что только спустя некоторое время люди обратили внимание на упавшего парня. После этого я старался в кино ходить со своими одногодками...

Жестоким волчьим законам этого мира в какой-то степени и мы подражали в своей компании. Так, обязательными считались сапоги («прахаря»), в которых мы носили бритвы, а потом и финки; разговаривали мы между собой только на «блатном» жаргоне. Однажды мы – несколько сопляков – сидели на квартире у одного из наших «патронов» и, не желая упасть в его

глазах, пили водку. Захмелев, стали петь воровские, лагерные песни, втыкать ножи в пол и т. д. Тогда «шеф» определил нам всем под соответствующее место, и очнулся я только спустя несколько часов на берегу пруда в центре города. Так состоялось мое первое основательное знакомство с этим живительным напитком, унесшим немало здоровья и жизни.

Но однажды наши «шефы» все же взяли нас на «дело» – «лепить скачок», но не на «хату», а на склад. Отвели нам скромную роль стоять на «ата-се» и принимать «товар» – прекрасные лыжи с настоящими креплениями. Вышли мы после полуночи, нас расставили по местам, объяснили, что и как делать в случае опасности. Склад находился на территории завода и примыкал к стене с колючей проволокой. Я стоял и дрожал от страха – по разным причинам: первое «взрослое дело», неизвестность и так далее. Думаю, что подобные чувства испытывал и мой напарник Славка. Прошло довольно много времени, раздался условный сигнал, и с крыши сарая из-за забора в снег полетела первая пара лыж.

Когда «дело» было успешно закончено, нам в порядке поощрения выдали по паре лыж, предлагали и больше, но я отказался и, как показали дальнейшие события, поступил предусмотрительно. Пронеся лыжи мимо милиционера, постоянно дежурившего в нашем подъезде, я поставил их в комнате, лег спать, предвкушая обновить их в горах на следующее утро. Но наутро первым их обнаружил Лева, растолкал меня и спросил: «Откуда лыжи?» Я сказал, что мне их подарили. В отличие от матери брат времени даром не терял: оперативно прибил меня и приказал немедленно отнести обратно. Глотая слезы, я взял свои честно заработанные лыжи, портфель (его приходилось брать каждый день, разыгрывая уход в школу), но, поскольку я не мог отнести их в полном смысле слова обратно, то вернул «шефу», в очередной раз заслужив с его стороны презрение.

Все же обычно свои «дела» мы проделывали в нашей компании. Так, мы решали, что нам необходимы деньги, и поставили своей целью добыть их. Говоря по правде, они нам вовсе не были нужны, так как едой мы были обеспечены дома, а зачастую и вовсе обходились без нее, новых вещей покупать нам было нельзя по понятным причинам, в кино мы ходили бесплатно, для чего был изобретен свой способ. (Кстати сказать, в кино мы ходили очень часто. Я помню, что какой-то фильм о советской подводной лодке – кажется, он назывался «Девятый перископ» – я посмотрел восемь раз, каждый раз все сильнее восхищаясь героизмом моряков.) Так вот, способ на нашем языке назывался «протыриваться». Было это просто и в то же время не слишком. Обычно мы выбирали время, когда было больше всего народу (а filmy военных лет пользовались исключительной популярностью), и пристраивались за какой-нибудь фундаментальной фигурой (обычно это была женщина), слившись с ней со спины, хоть и не настолько, чтобы «фигура» это почувствовала. Составляя таким образом для контролера единое целое, мы беспрепятственно проходили в зал. Я не помню случая, чтобы контролер заметил раздвоение «фигуры», правда, сам я шел наверняка и, когда обстановка не была благоприятной, предпочитал перенести культпоход на другой сеанс или даже день.

И все-таки деньги нам были нужны: во-первых, потому что мы видели, какое значение придают им взрослые, во-вторых, марки приобретались не только в обмен, но и за деньги и, в-третьих, деньги были необходимы нам,

чтобы на них играть и их «делать» по известной формуле Д – Д'. В этом последнем я преуспевал довольно успешно, особенно в «пристеночек». В отдельные моменты у меня бывало выигранной мелочи более чем на сто рублей.

Однажды мой дворовый приятель Игорь Зубко – парнишка обычно весьма тихий и скромный – предложил мне загнать на толкучке мамкины туфли, выдвинув при этом совершенно железный аргумент, что у той туфель и так много, пар пять под кроватью валяется. Действительно, если иметь столько обуви, то, значит, все, кроме одной пары, не нужны, а если и нужны, то пропажа одной из них, конечно же, пройдет незаметно.

На толкучке мы быстро продали туфли за триста рублей, то есть раз в пять-шесть дешевле обычного (в то время буханка хлеба «котирировалась» на толкучке в сто рублей, а килограмм масла, например, в тысячу рублей). После этого было решено, что Игорю держать деньги дома небезопасно, и я припрятал их у себя, где они и находились до прихода с работы его матери. Несмотря на изобилие обуви, мать сразу же обнаружила пропажу этой самой несчастной пары, и вскоре вместе с плачущим Игорем они объявились в нашей квартире. Я вернул деньги, и разгневанная женщина поволокла сына домой выбивать из него существенную разницу между действительной ценой туфель и той жалкой суммой, на которую мы ее осчастливили. Впрочем, в своей горькой судьбе в тот вечер Игорь не был одинок...

После этого случая подобный способ добывания денег, разумеется, отпал, как и мой коммерческий партнер.

Но и здесь выручила находчивость Славки. «Знаешь, – как-то сказал он мне, – почему бы нам не продавать папиросы врассыпную? Другие-то продают, а у моего отца папиросами все завалено». (Отец его был ответственным обкомовским работником.) Во время войны основным куревом была махра, папиросы считались роскошью. Мы видели, что спекулянты торгуют не пачками, а поштучно, что, видимо, было выгодней. Правда, и здесь покоя им не давала вездесущая милиция.

И вот – вечер, мы стоим недалеко друг от друга у кинотеатра и, зорко оглядываясь по сторонам, сплавляем свой штучный товар по ценам, складывающимся под влиянием спроса и предложения...

Окрыленные первой удачей, мы неоднократно повторяли наши «гешефты». Деньги плыли к нам в карманы если не рекой, то по крайней мере непрерывным ощутимым ручейком. Легкая нажива порождала легкомысленное же к ней отношение. Часто мы «делились» с нищими, ощущая себя крупными меценатами; филантропия не была нашей главной целью, впрочем, ее вообще не было. Как-то раз зимой в пургу мы возвращались домой с карманами, полными денег, и устроили «танец с деньгами»: пригоршнями доставали их из карманов и швыряли по ветру, сопровождая это хохотом и кривляньем. Опустошенные и очень довольные собой, мы разошлись по домам – рабочий день на этом закончился. Правда, скоро пришел конец и нашему бизнесу.

Мы попали в облаву. Продавая летом у кинотеатра папиросы, вдруг услышали крик: «Атанда, легавые!» Положение было критическое: с одной стороны – вход в кинотеатр, с другой – высокая стена, сзади – тоже стена, а впереди – медленно наступающие милиционеры. Я выбрал среди них одного – высокого грузного мужчину – и резко бросился прямо на него. Тот ши-

роко расставил руки и ноги, собираясь принять меня в свои объятия, но за пару метров я сделал резкий финт вправо, милиционер метнулся влево, и я прошмыгнул мимо него. Догонять меня было уже бесполезно. Я зашел к Славке домой; дома его не оказалось, и с тяжелым предчувствием я вернулся к себе.

Поздно вечером меня позвала тетка Мария Алексеевна, которой все уже было известно. Оказалось, что Славку поймали, привели в милицию и потребовали, чтобы он назвал своего друга, что тот и сделал. Сообщили на работу моей тетке и его отцу.

Я стоял перед ней, опустив голову, слушал неприятные слова о том, что я позорю нашу семью, отца, мать, что если у меня нет денег, то я должен был только попросить у нее и т. д. Мне было стыдно не только оттого, что она говорила правду, но и потому, что Мария Алексеевна нравилась мне больше других родственников отца. Я всегда уважал ее за справедливость, доброту, за преданность делу (нередко она работала по ночам), а потому слушать ее тогда было особенно тяжело.

Так оборвался первый мой бизнес в жизни. Однако забыть о том, что выдал меня друг (так мне по крайней мере казалось), я не смог, что сказалося на наших с ним отношениях.

Было бы несправедливым, рассказывая о своей «пестрой» жизни в Свердловске, забывать о ее светлых моментах.

К ним прежде всего относится мое знакомство с Гризодубовой, которая со своим внуком жила в нашем подъезде. Дочь ее, известная (...) летчица, Герой Советского Союза, была на фронте. Она часто приглашала меня в гости, кормила, рассказывала о дочери и настаивала, чтобы я тоже делился с ней своим житьем-бытьем. В конце концов она уговорила меня поступать в Суворовское училище, и только прорыв блокады Ленинграда и наш предполагаемый отъезд помешали исполнению этого плана.

Очень мне нравилась семья Крутиковых, прежде всего мои одногодки Виталий и его сестра – мягкие, вежливые маленькие люди (...).

Несмотря на редкие посещения школы, я все же умудрился завести себе приятеля и там. Сашка Бовин во многом был схож с Виталием (...). С моей стороны эта «дружба» была меркантильной. Саша исправно посещал школу, был отличником, поэтому я навещал его, как правило, в тех случаях, когда собирался навеститься в школу и когда мне было необходимо «свериться» с его домашними заданиями.

Отец его работал в органах НКВД, об этом он как-то мне сказал, и больше мы к тому не возвращались.

Однажды зимой я засиделся у него допоздна. В квартире не было никого из взрослых – только я, Саша и его сестра. Я уже собрался идти домой, как вдруг Саша зарыдал и бросился в ванную. Ошарашенный его поведением, я поплелся следом. Прошло еще некоторое время, пока он успокоился, и на мои просьбы объяснить, в чем дело, после некоторого колебания и обещания, что я никому ничего не расскажу, показал мне записку на английском языке. Языка мы не знали и прочитать записку не смогли; единственным словом, которое мы смогли разобрать, было *boy*, из чего мы заключили, что речь идет о мальчишке. С его слов я узнал, что органами НКВД в городе обнаружена шпионская организация. Ее предполагаемый резидент жил в доме на самой окраине. Почти напротив этого дома с целью наблюдения

«пристроили» работника органов, связь с которым осуществлял связной. В начале этой глухой улицы был небольшой мост через речку, и дней за десять до того вечером у этого моста связной был убит. Отец Сашки решил на связь послать своего сына. Я излагаю эту историю в таком виде, как она осталась в моей памяти, представляя, сколько недоуменных и скептических вопросов она может вызвать...

Несколько раз Саша успешно выполнял задание отца, но сегодня был день особый – ему предстояло выйти на связь дважды. Днем, проходя по мосту, он услышал щелчок фотоаппарата; он решил, что его засекли. Было довольно много прохожих, и кто его сфотографировал, он не заметил. В тот же день он где-то нашел записку. Дозвониться до отца Сашка не сумел.

Неожиданно для самого себя, без каких-либо предварительных расчетов в уме, я предложил ему пойти вместе. Не знаю, как бы я поступил в такой ситуации теперь. Он приободрился, мы пришли к выводу, что нам нужно захватить пистолет его отца, который лежал в столе, но обращаться с ним мы не умели и сошлись на том, что ножи – дело куда более надежное. Финка при мне была всегда, а Саша взял тяжелый отцовский кинжал.

По мере того как мы удалялись от людного и освещенного центрального проспекта, решимость наша быстро таяла... И вот мы идем узкими темными улочками, по обе стороны навалены огромные неприветливые сугробы, за каждым нам мерещатся злонамеренные люди; в своих тонких детских руках мы крепко сжимаем холодные ножи. Тогда они казались нам надежной защитой, хотя достаточно было бы хорошего щелчка по лбу, чтобы вместе с ножами мы оказались бы в сугробе.

Испытание было серьезное. Каждый шаг давался с трудом, хотя мысли повернуть обратно ни разу не возникло. Мы шли молча, настороженно глядя в темноту выпученными от страха глазами, и за всю дорогу нам не повстречалось ни единого человека. Потом показался мост, сердца наши едва не разрывались. Саша сказал, чтобы я ждал его на этой стороне. Я встал в стороне и видел, как он благополучно перешел мост и вошел во двор дома...

Я мало могу припомнить в моей жизни случаев, когда испытывал такую бешеную радость, как в тот момент, когда мы снова вышли на центральный проспект. Больше ни он, ни я в «операциях» не участвовали. То дело, по словам Шашиного отца, закончилось «благополучно».

Чувство локтя воспитывалось и в таких массовых мероприятиях, как драки камнями «улица на улицу». Памятный знак об одной из них я до сих пор ношу на своем затылке (...).

3

После прорыва блокады в январе 1944 г. вместе с университетом в Ленинград возвратились родители. В сентябре того же года вернулись и мы – «свердловчане». Мать встречала нас на вокзале и со слезами на глазах беспрестанно благодарила взрослых родственников за то, что они меня «сохранили».

Первое время я, Валерий, Ирина и наши матери поселились вместе на улице Чайковского в доме № 10 в квартире, где до нас, как нам сообщили, проживал гроссмейстер М. Ботвинник. Мы – пацаны – этим очень гордились.

Однако вскоре мы с матерью переехали на 16-ю линию Васильевского острова, где нам дали небольшую комнату в коммунальной квартире, в которой, кроме нас, жили еще две семьи. Мать пошла работать секретарем химического факультета в университете.

На другой день после переезда в Ленинград мать уже тащила меня за руку в школу на 13-й линии. Там спросили, сколько я закончил классов, я сказал – пять, и мне поверили (документы я с собой предусмотрительно не захватил). Так в этой школе появился новый шестиклассник, не закончивший, правда, пятого класса. Первое время я пытался применять в отношении учебы славный свердловский опыт, но вскоре понял, что жизнь существенно изменилась.

Как и в довоенное время, мать продолжала жесткий контроль за моей учебой. Ни о каких недельных «каникулах» уже не могло быть и речи, а вместе с тем и о беспечной халтуре при подготовке к экзаменам. Однако и мать понимала, что я уже не тот, и прежних методов воспитания больше не применяла. Впрочем, ее влияние на меня от этого не пострадало.

Мать решила заняться моим эстетическим воспитанием и каждое воскресенье отправляла меня в Театр оперы и балета. Делалось это почти насильно, и у меня возникло стойкое, непреходящее отвращение к тому и к другому. Правда, желая подсластить пилюлю, мать брала два билета и посылала со мной какую-то девочку; но привело это только к тому, что свое отношение к опере и балету я перенес и на нее. Кроме того, мать считала, что я должен знать второй язык, полагая, что один я уже знаю или буду знать непременно. Года три меня безуспешно терзали репетиторы, но, к большому сожалению, из английского языка я до сих пор знаю десяток слов и выражение «я тебя люблю».

В школе все предметы я разделил на две группы: к первой относились те, к которым готовиться было не надо, а ко второй – наоборот, предметы повышенной трудности: алгебра, физика, химия и т. д. Особого расположения удостоились история и география, потому что к ним можно было подготовиться за перемену. Такой сложный дифференцированный подход наглядно отражался на моих оценках. Наконец по одной из «опальных» дисциплин я получил переекзаменовку. Мать хотела было нанять на лето репетитора, но, посоветовавшись с отцом, решила, что будет лучше, если я еще похожу в шестой класс. Так я стал второгодником, и это обстоятельство до сих пор служит излюбленным предметом шуток моих близких.

Впервые за шесть лет я начал вглядываться в лица учителей и даже научился различать их; им тоже предстояли интересные наблюдения – мы словно впервые заметили друг друга. Мне запомнились косые взгляды в мою сторону Бориса Исаевича – учителя математики, нашей «классной дамы». Человек неглупый, он, разумеется, знал о моих мелких проделках в школе, видел мою лень, но все чувство воспитательского долга укладывалось у него в тяжелый, мрачный взгляд. Был у нас и весьма занятный экспонат – старенькая учительница биологии, маленький прихрамывающий человечек, в школьных кругах известный как «Семядоля». Отличительная черта ее характера заключалась в огромном эмоциональном заряде злости, который она и выплескивала на наши ученические головы на каждом занятии.

О большинстве учителей у меня осталось все же самое теплое чувство как о людях, щедро наделявших нас знаниями, добротой, душевным тактом

и строгой любовью. Среди них наш завуч Дарья Михайловна, учительница литературы и русского языка Вера Антоновна, учитель физкультуры и военного дела Юрий Михайлович, общий любимец, и многие другие.

Когда вспоминаешь учительницу черчения Валентину Петровну, женщину уже немолодую, добрую и свой предмет знающую, то невольно думаешь: насколько важно в педагогическом процессе правильное сочетание человечности и профессионализма. Черчением на ее уроках, как правило, занимались три-четыре закоренелых отличника. Другие пели песни, играли в карты или резвились как умели. Чего только ей не доставалось!..

В 1947 г. произошло памятное событие – меня в числе других школьников приняли в комсомол.

Очень сильно увлекался я в те годы футболом, волейболом и баскетболом. По этим видам спорта я входил в сборную команду не только школьного, но и районного уровня. Вряд ли у меня были какие-то феноменальные физические данные, а вот тренировались мы просто самозабвенно, в буквальном смысле слова дневали и ночевали в спортивном зале, гоняли мячи, пока от усталости не валялись на маты. Спорт в то время был для меня тем же самым, чем в Свердловске была улица, и любовь к нему я пронес через всю жизнь.

В школе у нас подобралась теплая компания из четырех приятелей, прозванная «семейством», главой которого был провозглашен Володя Иванов, симпатичный, сообразительный – особенно когда дело касалось увеселений, – веселый и живой парень. Я исполнял роль «матери». Валя Крамарев – «сын» – был примерно на голову выше «родителей», отличался добродушным, веселым нравом (...). Наконец, завершал «семейство» Володя Прозоровский – «племянник», удачно объединявший в себе многие из немногих добродетелей своей «родни». Впоследствии в качестве «друга семьи» к нам присоединился Володя Иваницкий – личность, не понятая мной до конца и до сих пор. Мы все вместе занимались спортом, ходили на танцы, играли в карты и т. д. Учились все так себе, средне, несколько выделялся среди нас Валентин.

Втроем (...) мы были в кино в клубе им. Орджоникидзе. Вовка во время сеанса затеял с кем-то ссору. Я тоже бросил пару теплых слов в его поддержку, чтобы дать понять противнику, что нас по крайней мере двое.

Сеанс закончился, мы двинулись к выходу, и тут нас окружила толпа «ремесленников» (тогда так называли учащихся ПТУ). В то время среди них было немало отъявленного хулиганья, ходившего с ножами, бляхами, бритвами, – с этой категорией учащихся предпочитали не связываться даже взрослые. (В темноте Вовка не разобрал, с кем имеет дело, в противном же случае он вряд ли полез бы на рожон.) В узком проходе на улицу наш «отец» резко рванулся, расталкивая взрослых, выскочил первым и был таков.

Все внимание, естественно, оказалось сосредоточено на мне, и, как только мы вышли на Большой проспект, меня оттеснили с тротуара в сторонку. Их было человек двадцать. Валька попытался сказать что-то в мою защиту, но ему красноречиво посоветовали убираться возможно скорей, и он послушался. Ко мне подошел здоровенный парень в форме «ремесленника» и тоже посоветовал бежать, пока это еще было возможно. Не знаю почему – видимо из-за того же упрямства, – я отказался. Окружив меня плотным кольцом, «ремесленники» сняли ремни, намотали их на руки. Передо мной растяги-

вал удовольствие, очевидно, «главный». Я сжал между пальцев в кармане пиджака бритву, потому что наивно полагал, что основную часть «беседы» придется держать с ним. В это время сзади на мою голову обрушился первый удар металлической пряжки, потом удары посыпались со всех сторон как град. Я прикрыл, насколько это было возможно, лицо и голову руками и не двигался с места. Возможно, их удивило, что я не пытался бежать, а может быть, они просто подустали – удары внезапно прекратились. Я ощупал голову – мокрая... «Главный» опять взмахнул бляхой, но я успел ткнуть ему в лицо кулак, левой рукой оттолкнул еще кого-то, получил несколько ударов вдогонку, но все-таки вырвался из «окружения». И вот только тут я побежал, вероятно ничуть не медленнее, чем это прежде сделал Вовка.

После этого наши отношения с Вовкой стали довольно прохладными, хотя он все еще пытался мне что-то объяснить.

Очень хороши бывали вечеринки, особенно те, что устраивались в узком кругу на квартирах (говорили – «на хате»).

Нередко при этом мы изрядно напивались. Особенно памятным был «бал» по поводу окончания седьмого класса. Собрались одни ребята, купили колбасы, по пол-литра водки на брата, наскоро расправились с тем и с другим. Поиграли в волейбол в парке, а потом отправились на вечер в женскую школу. Первым «сломался» и испортил праздник Вовка Прозоровский, когда рухнул в большую лужу перед самой школой. Учитывая наше состояние, нам пришлось долго вылавливать его оттуда.

Огромное удовольствие при этом получили девочки, которые, бросив танцы, наблюдали за нами из окон. Когда Вовка был спасен, мы уже оказались в таком виде, что идти на вечер было по меньшей мере неразумно. Дружно взявшись под руки, мы устремились по Среднему проспекту к Кировскому дворцу, надеясь слегка отдохнуть в пышной зелени, его окружающей.

Проснулся я среди кустов; было мутрно. Побродил немного, протрезвел окончательно и пошел домой... (...).

В 1946 г. демобилизовался из армии Лев; годом раньше он вступил в партию. Он приехал в Ленинград, и отец уговорил его жить с ним. Брат экстерном закончил десятый класс вечерней школы (причем с медалью) и одновременно занимался на первом курсе экономического факультета ЛГУ.

Жили они в доме во дворе университета, изредка я навещал их. Отец, как правило, справлялся о моих делах, а я распространяться о них не любил. Однажды он обнял меня и спросил: «Что ж ты, сынок, так растешь плохо? Может быть, питаешься плохо, а денег у тебя нет». Я ответил, что деньги у меня есть, но отец заставил меня тогда взять двести рублей на «личные расходы». С тех пор он нередко давал мне деньги. У нас на 16-й линии за эти годы он был всего раза два-три.

Много ярких и приятных воспоминаний осталось у меня от отдыха на летней даче на 54-м километре Приморского шоссе. Красивый дом, который до войны с финнами принадлежал дочери Маннергейма, с 1946 г. стал нашей дачей.

Обычно там жили Лев, я, Валерий, Ирина и их мать, Клавдия Николаевна, а также семья Марии Алексеевны. Напротив нашей дачи находился дом отдыха университета, и поэтому летние каникулы получались особенно интересными, так как отдыхающие все время менялись – одни уезжали, вместо них приезжали другие.

Внешне скромная природа Карельского перешейка обладает своей неповторимой суровой красотой. Эстетическая сторона явлений никогда до того не имела для меня особого значения. Впоследствии мне приходилось бывать во многих частях нашей страны, но нигде природа не казалась мне такой прекрасной, как там, на перешейке, где она вызывала не только восхищение, но и совсем новое чувство радости и восторга от самой жизни.

К тому времени относится и мое знакомство с университетскими студентами – Игорем Горбачевым, Владимиром Хочинским и многими другими интересными людьми. Игорь только начинал свою сценическую карьеру – играл в художественной самодеятельности. Я слушал его всегда с удовольствием; мы вместе занимались спортом, вместе веселились на вечеринках, отношения наши были вполне дружескими, насколько это было возможно, учитывая разницу в возрасте. Как-то раз мы собирались отметить некоторое знаменательное событие, а поскольку Игорь в это время был занят на сцене, то ответственная задача по приобретению вина и водки легла на меня. Я довольно быстро и успешно справился с ней, но в клуб пройти не мог. Игорь из маленького окошка под крышей клуба выкинул мне веревку; один конец ее он держал сам, к другому я привязывал бутылки. При этом мы веселились и хохотали до упаду. Конечно, его расположение ко мне было связано и с тем, что отец всегда создавал условия для творческих занятий и отдыха всем одаренным студентам.

Однако иной раз моя дружба со студентами имела и нежелательные последствия. Как-то отмечался юбилей университета, стояла страшная организационная суматоха, был праздничный концерт, обед и, конечно, буфет. Это последнее-то меня и «сгубило». Вместе со старшими товарищами я стоял возле стойки, у каждого из нас был налит полный стакан водки. Кто-то уже собирался произнести «дежурный» тост, как вдруг на террасу взошли гости во главе с отцом. Вся наша компания застыла со стаканами в руках в томном ожидании дальнейшего хода событий, но отец так же размеренно прошел мимо нас в столовую и только поздоровался с нами. Мы дружно опрокинули стаканы и трусливо разошлись кто куда.

Этот праздничный день, когда университет, многие преподаватели, служащие (...) были награждены правительственными орденами и медалями, вряд ли уже был для отца столь радостным. Я долго не шел домой, боясь повстречаться с ним. Потом все же решился и нашел его сидящим в холле. Отец подозвал меня и дал пощечину. Я сразу же убежал в лес и не вернулся, пока не уехала его машина.

То был первый и последний раз, когда он ударил меня. Лев потом рассказывал, что отец страшно переживал и долго не хотел уезжать, не дождав-шись меня: даже самые умные люди, становясь родителями, вероятно, несколько утрачивают трезвость ума. Если бы мне в этот день досталось и во много раз больше, все равно мое чувство благоговения перед отцом нимало бы не пострадало...

(...) и летом спорт отнимал у меня больше всего времени, особенно волейбол.

Однажды на товарищеский матч к нам приехала команда из Келломяги (теперь это Комарово). Тотчас разнесся слух, что в команде играет сам Руса-

нов – бывший игрок сборной страны. Я же входил в сборную команду нашего дома отдыха (мне было лет пятнадцать), и так как из-за своего небольшого роста нападающим не стоял, то взял на себя роль «железного защитника». Русанова я до тех пор не видел, как он играет, не знал. Ему в то время было лет сорок.

Началась игра. Я стоял на втором номере, Русанов с другой стороны сетки на четвертом. Ему дали пас, он высоко прыгнул; все, в том числе и я, рассчитывали, что удар будет «по ходу» – в зону пятого номера. И вдруг, развернувшись в воздухе, он резко изменил траекторию полета мяча. В результате мяч пошел прямо на меня; я к этому совершенно не был готов, у меня даже руки были опущены. Удар пришелся по открытому лицу. Все опешили; я, правда, на ногах устоял, но некоторое время не мог прийти в себя и стоял, закрыв лицо руками. Первым ко мне подбежал Русанов: «Что с тобой, сынок?» – «Ничего, – ответил я, – поехали дальше». Конечно, мы тогда проиграли, фактически ему одному. Русанову мой ответ понравился, и он пригласил меня играть за юношескую сборную университета, где сам играл в мужской команде. Это был потрясающий игрок: бил одинаково сильно с обеих рук, при относительно невысоком росте (метр семьдесят три, кажется) имел колоссальный подъем – рассказывали, что на одном из первенств СССР до войны он перелетел через верхний край сетки; мощный удар его не знал равных. Так, говорили, что он, подбросив себе мяч в зоне третьего номера, пробивал дно соломенного стула, стоящего в той же зоне на другой стороне сетки (впоследствии он это мне подтвердил). А его техника нападения! Блестящие так называемые русановские развороты, с одним из которых я и познакомился, сводили на нет все усилия блокирующих. Способность целиком отдаваться игре, буйный темперамент – все это в совокупности дает лишь слабое представление о Русанове на площадке. Я видел игру многих выдающихся волейболистов – за исключением, пожалуй, Чинилина, – но никто из них, даже современные игроки сборной команды страны, никто не может сравниться с этим потрясающим феноменом – с Русановым.

4

Вскоре после юбилея университета начались интенсивные переговоры с отцом о переводе его в Москву на должность министра просвещения РСФСР. Насколько мне известно, отец не хотел расставаться с Ленинградским университетом, с которым была связана фактически вся его сознательная жизнь. По признанию многочисленных очевидцев, никто не сделал для университета столько, сколько удалось сделать ему, особенно во время блокады и эвакуации в Саратове. Недаром студенты называли его «отцом». В свое время один из них подошел к отцу и сказал: «Товарищ профессор, после вашей лекции хочется взять дубину и идти громить буржуазию». С университетом же было связано и становление его как ученого, внесшего крупный вклад в развитие политической экономии. Несколько лет тому назад я случайно познакомился с одной из его ранних статей, написанных в начале 1920-х гг.; поразила меня глубина исследования предмета, блестящее его знание, строгий научный характер анализа, сама форма изложения. Невольно я провел аналогию с самим собой – я ведь в двадцать лет был по сравне-

нию с ним совершеннейшим дикарем, слабомыслящим существом, лишь приспособляющимся к окружающим, пусть и нелегким, условиям.

Однако вскоре вопрос о новом назначении отца был решен, и, кажется, в конце 1947 г. он севой переехал в Москву. Некоторое время спустя он пригласил к себе и меня, уговорил мать, и в январе 1949 г. она вновь плакала на перроне вокзала, провожая меня в столицу.

Около месяца мы провели на старой квартире, а затем переехали в так называемый дом правительства, расположенный неподалеку от Кремля у Большого Каменного моста. Квартира была пятикомнатная, две комнаты были в нашем севой распоряжении.

Меня зачислили в девятый класс, и с этим тоже связан особый случай. Нужна была характеристика, и, естественно, о ней запросили ленинградскую школу, где я учился до того. За подписью все того же Бориса Исаевича сей документ прислали в Москву. Прежде чем отдавать его в школу, с ним познакомился не только отец, но и старший брат, который сказал мне, что там, в частности, меня называли трусом. Помню, что это меня взбесило, тем более что у классного руководителя не было ни малейшего основания для таких выводов. Можно было отметить, к примеру, что я ленив и хитер или дурак, в конце концов, – все, что угодно, но только не это. Примечательно, что тогда товарища, как говорится, поправили, и он незамедлительно изменил свое мнение о моих морально-деловых качествах.

Учился в старших классах я вполне сносно. В аттестате у меня оказалось всего три тройки, половину всех оценок составляли пятерки. Разумеется, жизнь и в этой школе была интересна и увлекательна, особенно когда дело касалось развлечений: правда, «репертуар» не слишком отличался от ленинградского.

Я продолжал увлеченно заниматься спортом. Самым большим моим успехом в волейболе было зачисление в юношескую сборную Москвы. Команда у нас была неплохая: на первенстве города, например, мы выступали в первой группе. Большинство игр мы проигрывали мастерам, но были и победы (...).

За то короткое время, которое мы втроем прожили в Москве, не было случая, чтобы отец отказывал в чем-нибудь нам с братом; можно сказать, что у нас даже почти никогда не возникало каких-либо конфликтов (...).

1949 год – такой трагический для нашей семьи... Николай Алексеевич был выведен из состава Политбюро и освобожден от всех занимаемых им государственных должностей. Некоторое время после этого он жил на своей даче, работая над крупной монографией «Политическая экономия коммунизма».

Еще до этого, однажды, когда мы были в «Соснах», нас пригласили приехать к нему на дачу. Он прислал за нами свою машину. Я вспомнил, что своего дядю за всю жизнь видел раза два, когда он приезжал в Свердловск. Родственные связи по линии отца вообще поддерживались в нашей семье очень слабо.

Мы подъехали к высокому забору, нас пропустила охрана, и мы очутились на огромной территории дачи. За ужином отец разговаривал с братом и с его женой Марией Андреевной, красивой и, как мне показалось, строгой дамой; Лев беседовал со старшей дочерью Николая Алексеевича Майей.

Поскольку собеседник из меня был неважный, то свое внимание я безраздельно уделял напиткам, в богатом выборе стоявшим на столе. Это привлекло внимание дяди, и он что-то заметил отцу. Улыбаясь, отец связал это как-то с наследственностью, что, впрочем, ничуть не удовлетворило Николая Алексеевича. После обеда мы перешли в другой дом, где смотрели иностранные фильмы, переводила Мария Андреевна. Потом нас повели в (...) оранжерею, около часа гуляли мы и в парке, пока отец и Николай Алексеевич не наговорились вполне. Кажется, это была последняя их встреча перед самыми трагическими событиями в их жизни.

В середине лета того же года отца освободили от работы в министерстве. Мы жили тогда на даче в Кунцево. Последние месяцы отец ходил озачиненный и молчаливый. За несколько дней до снятия его с должности он, гуляя с Левой в саду, сказал ему:

– Запомни, сынок, что твой отец ни перед партией, ни перед Родиной ни в чем не провинился.

Если бы он и не сказал этого, думали бы мы так же – отец, мы верили, был из тех людей, для которых измена идее равносильна смерти.

Затем отец уехал отдыхать на юг, где на второй день отдыха был арестован, так же как Николай Алексеевич и их сестра Мария Алексеевна, работавшая в то время секретарем райкома партии в Ленинграде.

В ту памятную ночь к нам пришли с обыском, который продолжался до утра. Ничего инкриминирующего, естественно, найдено не было. Вспоминаю, как один из «сотрудников», увидев иностранные ордена отца, спросил: «Где он раздобыл такие штучки?» – на что я, не сдержавшись, ответил: «Очень просто, он их заслужил». Было выражено также удивление, что у нас дома не оказалось никаких драгоценностей.

Нам с братом оставили одну комнату, а остальные опечатали. Жили мы главным образом тем, что продавали вещи, которые нам оставили.

Брат, учившийся тогда на четвертом курсе экономического факультета МГУ, проделал поистине титаническую работу по спасению отца. Он рассылал всем членам Политбюро (кроме Берии и Маленкова) и другим известным людям письма, в которых излагал свое и мое мнение об отце и просил обеспечить объективное ведение следствия по его делу. Но не всякая, пусть даже и титаническая, деятельность дает желаемый результат.

Часто мы ходили на Петровку в приемную КГБ, пытаясь что-либо узнать о судьбе отца, но каждый раз новости ограничивались тем, что «следствие идет».

Проснувшись однажды утром, брат сказал мне:

– Знаешь, я видел сон, что 21 октября 1950 года в нашей жизни произойдет что-то исключительно важное. Наверное, освободят отца.

Мы не верили в вещие сны, но дату эту я запомнил. До нее оставалось еще четырнадцать месяцев...

5

Шло время, я закончил десятый класс. Надо было решать, куда поступать учиться дальше. Раньше родители в разговорах со мной иногда намекали на Высшую дипломатическую школу, но это было вряд ли серьезно, а если бы и было, то я, возможно, отказался бы от такой карьеры, потому что

был равнодушен к своему будущему. Я пребывал в состоянии той неопределенности, которая естественна для многих окончивших десятилетку.

Я сказал брату, что хотел бы попробовать поступить на юрфак в МГУ. Он посоветовался со своими знакомыми, которые сошлись на том, что при сложившихся условиях поступать мне туда нецелесообразно. Тем не менее документы я подал. Меня вызвал председатель приемной комиссии и осторожно заметил, что он тоже не советует мне поступать на юридический. Я решил сдавать экзамены.

Из пяти экзаменов четыре были устными, и я получил по ним пятерки, а по сочинению, в котором я был просто уверен, неожиданно схватил тройку. Следовательно, я набрал двадцать три балла при чистом проходном балле двадцать четыре. С большим трудом мне удалось достать свое сочинение, и, просматривая его, я обратил внимание на две жирные пометки на полях против моих же исправлений. Догадываясь, что мое сочинение будет проверяться особенно внимательно, в двух случаях, где буквы были недостаточно четко написаны, я аккуратно исправил их, зачеркнув и поставив над ними новые. За эти-то две «ошибки» я получил такую оценку, благодаря чему не добрал одного балла. Преподаватель, которая работала в предметной комиссии по русскому языку, сказала, что она читала мое сочинение и, на ее взгляд, и по содержанию, и по грамматике оно было достойно высшей оценки. Правда, тут же она попросила, чтобы я никому об этом не говорил.

Я не стал больше ни с кем спорить и забрал документы, усвоив, что мнение старших не следует игнорировать. Единственный вуз в Москве, который еще принимал документы, был Институт советской торговли. С невеселыми чувствами я снова сдал документы в это единственное, пожалуй, учебное заведение, в котором при самых худших обстоятельствах учиться я не рассчитывал.

На обратном пути на глаза мне попалось объявление, из которого следовало, что прием продолжается и в финансовом институте. С большим трудом я забрал свои несчастные документы из МИСТА, досдал математику в финансовом и подал заявление на факультет... международных финансовых отношений. Трудно сказать, что руководило мной при этом – подсознательная попытка реализовать мечты родителей или дух протеста против дискриминации на юрфаке.

Настал день прохождения мандатной комиссии. По полученным оценкам я мог рассчитывать на зачисление в числе первых. Однако перед дверью кабинета ректора института ребята, с которыми я познакомился, смотрели на это весьма скептически. Действительно, пессимисты нередко оказывались правы. Не был зачислен, например, парень, который мальчишкой был на оккупированной территории; другой имел неосторожность родиться в Харбине и т. д. Настала моя очередь, я вошел в кабинет, где за длинным узким столом сидело множество ответственных и полуответственных людей. Ректор института профессор Н. Н. Равинский внимательно посмотрел на меня и сообщил, что принять меня на факультет МФО не может. Затем подумал и, как будто что-то вспоминая, обронил:

– Да, я знал Вашего отца. – Потом, оглянувшись на кого-то за столом, уточнил: – Встречались в министерстве.

– Вы не можете принять меня потому, что я полгода ел хлеб своего отца? – спросил я.

Один из присутствующих, на которого ректор оглядывался, зло выкрикнул:

– Если ты так ставишь вопрос, то тебя нигде не примут!

Я обратился к ректору с просьбой зачислить меня на финансово-экономический факультет, если он найдет это возможным. На этом разговор со мной был закончен.

В списке зачисленных в институт через несколько дней я нашел свою фамилию.

Начались первые неповторимые дни учебы, знакомство с преподавателями и студентами. Не знаю почему, но группа выбрала меня комсоргом; кроме того, я сразу же был включен в сборную института по волейболу – здесь выбор был более оправдан. На лекции я ходил исправно, на семинарах выступал одним из лучших, в общем, числился в неплохих студентах.

Прошло чуть больше месяца, мне предложили собрать комсомольское собрание группы. На повестке дня был один вопрос – освобождение меня от обязанностей комсорга. Аргумента «надо» группе показалось недостаточно. Претензий ко мне у группы не было, посыпались вопросы. Толково объяснить, почему же «надо», не смог даже специально приглашенный представитель райкома. Группа не согласилась. Через день опять было проведено собрание, и опять с тем же результатом. Впоследствии я не раз с теплым чувством вспоминал об этом, в общем-то незначительном событии, своеобразном проявлении гражданского мужества.

Наступил день 20 октября 1950 года. Днем не случилось ничего особенного, а ночью в дверь позвонили товарищи «из домоуправления». Предъявив ордер, «домоправители» приступили к обыску, длившемуся несколько часов. Я обратился к майору, которого запомнил еще с первого обыска: «Почему всех берут, а меня оставляют?» – на что он ответил: «Ты еще маленький, подрасти, успеешь...». Лев был немного растерян, или мне только так казалось; самому мне было весьма неловко. Мне захотелось его подбодрить, и, когда его уводили, я бросил хрестоматийную фразу, в которую уже сам мало верил:

– Если есть справедливость, мы ее добьемся.

На другой день я пошел в институт, а вечером (...) позвонила Майя, дочь Николая Алексеевича, и весьма иносказательно, как ей казалось, сообщила, что арестовали ее мать. Я «утешил» ее, что то же самое «получилось» и слевой, (...) и лег спать. Заснул. И вдруг словно меня электрическим током ударило. Я вздрогнул и проснулся с абсолютно ясной головой. Слышу шаги на лестнице. Звонок. Не спрашивая, открываю дверь. Краткий диалог:

– Собирайся.

– Бумажка есть?

– Есть.

Собрал чемодан. Внизу нас ждала легковая машина. Я (...) сел на заднее сиденье.

Сон оказался вещим, и в моей жизни начался новый этап.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

...Привезли меня на Лубянку, во внутреннюю тюрьму МГБ.

Ввели в камеру, приказали раздеться. Я смотрел, как тщательно, буквально по сантиметру, прощупывали мою одежду.

– Снимай кальсоны!.. Нагнись! Больше! Еще больше!..

Исследовав все, что ему было положено исследовать, не найдя ничего криминального, надзиратель разрешил мне выпрямиться. Потом он вышел из камеры и вызвал дежурного офицера. Последний обещал посадить меня в карцер, но, возможно, пожалел и отправил вместо этого в душ, где для начала мне обрили голову, а затем приказали скрестить руки сзади и повели по длинным коридорам. Неожиданно прозвучала команда «к стенке!» – мимо меня кого-то провели. Меня удивила система сигнализации – шелканье языком сопровождающих. Надо отдать должное: система изоляции арестованных была поставлена неплохо. За несколько месяцев, которые я провел в московских тюрьмах, я не видел ни одного арестованного.

Несколько часов я провел в одиночке, затем снова шел по коридорам, пока не очутился в комнате, сплошь заставленной какими-то аппаратами. Приказали сесть, повернуться в одну сторону, затем в другую, встать и т. д. Я с трудом понял, что меня фотографируют с разных позиций. Намазали пальцы на руках какой-то дрянью и на многих листах запечатали их отпечатки. В другой комнате меня усадили за стол напротив офицера, который, разглядывая меня, как археолог – только что найденный скелет динозавра, долго что-то записывал. Мне это даже нравилось – сравнительно с томлением в одиночной камере. В конце концов стало ясно, что заполняется картотека моих внешних физических данных: глаз, носа, ушей и других известных частей тела, которыми Бог наделил человека. На вопрос об «особых приметах» я отвечал отрицательно, преступно скрыв от следственных органов родимое пятно на левой стороне шеи и еще на одном месте, которое в картотеке почему-то даже не числилось. Скажу в свое оправдание, что вспомнил об этом, уже будучи в камере.

Прошли сутки, и простодушное любопытство к тюрьме, которое я испытывал в первые часы своего пребывания в этом занятом заведении, улетучилось с неожиданной быстротой. На третий день меня наконец-то вызвали на допрос, посадили в угол комнаты, где солидный дядя задавал вопросы, ответы на которые должен был бы знать заранее: фамилия, имя, отчество, когда родился, кто бывал у нас дома, на даче и т. д. Затем я еще сутки сторожил свою одиночку, размышляя, в частности, над тем, что выяснить эти детали моей биографии можно было бы и в другой обстановке...

Ночью меня бросили на первый этап. Вывели во двор, посадили в «черный ворон», весьма занятно устроенный – он состоял из маленьких одиночек, в одну из которых даже я влез с трудом. Сидеть пришлось согнувшись, но слева от меня в глазке для надзирателя поблескивало его недреманное око.

Ехали мы, по-моему, несколько часов. Наконец машина остановилась, открыли «мышеловку», и меня выпустили в тюремный двор. Это была режимная Лефортовская тюрьма. Меня поразила в ней радиальная система коридоров и этажей с сетками между ними. На первом этаже с флагом стоял

охранник и, как регулировщик на перекрестке, махал своим инструментом, распоряжаясь, очевидно, перемещением арестованных. Открыли камеру, я вновь оказался в одиночке с железной кроватью, тумбочкой и «парашей». Надзиратель загребел засовом, кинул тряпку и велел мне тереть кран «до потери пульса». Пульс я, правда, не потерял, но кран потер.

Начались длинные, жуткие дни моего одиночного заключения в режимной тюрьме.

Утром, часов в шесть-семь звучала команда «подъем!» – надо было встать, заправить койку, и ложиться уже запрещалось. Давали завтрак – суп, хлеб, чай. В обед к этому полагалась каша.

Один раз в день выводили на прогулку. Делалось это так: вызывали в коридор, один надзиратель становился спереди, другой – сзади («руки назад», разумеется), выводили во двор, разделенный на прогулочные боксы, в один из которых загоняли. Площадь бокса составляла метров семь на семь. Наверху на стыке нескольких боксов была сооружена площадка, на которой дежурил охранник (надзиратель при этом неотрывно наблюдает в глазок двери). Наконец, эту стройную пирамиду бдительности увенчивала вышка с охранником. Невольно думалось: «Если я в девятнадцать лет представляю такую опасность для государства, не успев совершить ничего антигосударственного, то что бы было со мной, если бы я действительно что-нибудь совершил?...». Еще вспоминались аналогичные ситуации из патристической литературы, в которых жизнь политзаключенных по сравнению с режимом Лефортовской тюрьмы казалась мне курортом. Минут двадцать-тридцать я толкался из угла в угол в этом каменном мешке, а затем таким же порядком меня водворяли обратно в камеру.

Но и это было ничто по сравнению с психологическим давлением одиночки. Я никогда не думал прежде, что мозг так нуждается в обновлении мыслей. На воле иногда приходило в голову, что не бывает минуты, чтобы не думать о чем-то. Здесь же в первые дни я вспомнил всю свою короткую жизнь, все немногочисленные анекдоты, которые знал, пропел все известные песни (разумеется, про себя), проделал все это несколько раз и вдруг почувствовал страшную пустоту в голове, которая, как железный обруч, стала давить на психику.

Прошла неделя, другая, месяц, начался второй – я понял, что если не найду никакого занятия, то рискую сойти с ума. Тем более что соображение это неоднократно подтверждалось: время от времени в тюрьме раздавались душераздирающие вопли, которые, правда, скоро обрывались. Особенно запомнились жуткие крики недалеко от моей камеры. Надзиратели стояли рядом с дверью, и я понял из их разговоров, что «рехнулся» какой-то профессор...

Все же я придумал себе занятие: сидел на кровати (что, слава Богу, все-таки разрешалось) и плевал на стенку напротив, устраивая состязание плевкам – какой из них первым стечет к полу. Эта забава меня некоторое время здорово развлекала; но и она была довольно однообразной. Тогда меня выручала пуговица, случайно не срезанная с моего пальто. Я оторвал ее и устроил своеобразный баскетбол: большим пальцем одной руки нажимал на ободок, пуговица прыгала, а задача состояла в том, чтобы попасть в «кольцо» из пальцев другой руки. Все это необходимо было проделывать между ежеминутными появлениями в глазке надзирателя, совмещающего таким образом свои прямые обязанности с обязанностями судьи в моей игре: если

бы я только перестал соблюдать регламент, то игра неминуемо и немедленно была бы остановлена. Через несколько дней у меня сильно заболели пальцы, и я решил прекратить это развлечение. Для этого я сел несколько боком к двери и перестал обращать внимание на глазок. За дверью воцарилась тишина — за мной старательно наблюдали; так прошло минут пять, а потом резко распахнулась дверь и в камеру ворвались несколько надзирателей во главе с офицером. Я сделал вид, что меня застали врасплох. Выхватив пуговицу, они все по очереди ее перещупали, понюхали и, порыскав по камере, удалились. Это как-то приятно скрасило тот день.

Вновь пустота в голове стала физически подавлять меня. Я вызвал дежурного офицера и сказал ему, что, во-первых, у меня есть деньги — как и все вещи, они были сданы в камеру хранения — и что я бы хотел, чтобы мне принесли курить; во-вторых, чтобы дали что-нибудь почитать; а в-третьих, чтобы сказали в конце концов, в чем меня обвиняют. Первое желание мое было удовлетворено, я самозабвенно предался курению. Затем мне принесли книжку о приключениях некоего Жилия Блаза, проглотив которую я почувствовал еще большую пустоту и тоску. Третье пожелание, очевидно, оказалось тогда еще неисполнимым.

Подходил к концу второй месяц. Я чувствовал себя все хуже и хуже, как вдруг меня вызвали на первый допрос.

Я сидел в углу на привинченной к полу табуретке. Передо мной заплывшая жиром физиономия с полковничьими звездами, сосущая конфеты (берег свое здоровье — бросил курить, вероятно). Спросил мою фамилию. Я назвал себя, физиономия удовлетворенно записала что-то; потом последовали вопросы, разоблачающие мою подрывную деятельность: как зовут, когда родился и т. д.

И вдруг я насторожился. Внизу, под комнатой, где мы находились, сквозь толщу пола я услышал экспансивный разговор и узнал голос брата. То ли заметное волнение выдало меня, то ли следователь сам был не промах, но он вышел из комнаты и вскоре внизу воцарилась тишина: брата перевели в другую комнату. Следователь вернулся (как потом выяснилось, это был старший следователь следственной части по особо важным делам полковник ГБ Еломаев) и возобновил допрос. Из всего разнообразия вопросов, заданных мне и не имеющих никакого отношения к моему пребыванию в тюрьме, один только был «по делу»: меня спросили, почему я, зная о преступной деятельности отца, не заявил на него. Я отвечал, что знал о многогранной деятельности отца, но быть не может, чтобы она была преступной.

— Но твой отец — преступник, враг народа! — заорал Еломаев.

— Желаю быть каждому советскому человеку, члену партии таким, как мой отец, — твердо заметил я в ответ.

Тогда следователь быстрыми шагами подошел ко мне и протянул бумагу.

— Читай.

В бумаге было сказано, что проведенным следствием установлено, что мой отец виновен по указанным статьям закона (шел длинный список статей, под которые якобы подпадали действия отца) и что как враг народа он приговаривается к расстрелу.

Только в камере дошел до меня в полной мере величайший трагизм случившегося: человек, отдавший всю свою жизнь служению интересам народа, расстрелян как его враг. Я не знал тогда и не понимал многих вещей,

связанных с этой трагедией, коснувшейся не только нашей семьи, но и многих других, как не знал и о методах ведения следствия. Однако внутренне я чувствовал, что мои переживания по сравнению с теми, что выпали на долю отца и подобных ему, совершенно ничтожны.

Прошло еще около месяца. Я все глубже впадал в состояние какого-то идиотского забытья.

Однажды за мной пришли и провели к новому полковнику в маленькую комнатку. «Прочитай и распишись», – сказал он мне. Из очередной бумажки я узнал, что Особое совещание при МГБ СССР под председательством министра Абакумова признало меня виновным по статье 58-1 «А» и приговорило меня к восьми годам заключения с содержанием в лагерях особого режима. «А зачем нужна моя подпись?» – «А ты распишись, что знаешь». Так, одну из своих первых подписей в жизни – а может быть, и самую первую – я поставил под собственным приговором. Впоследствии мне объяснили, что моя подпись под ним означала не то, что я «знаю», а то, что я согласен с ним. Утешает то, что практически значения мои согласие или несогласие не имели.

Сидя в камере, я думал: неужели скоро увижу людей, буду жить с ними, работать, что-то наконец делать – ведь не так важно что... Неужели я расстаюсь со своей каменной могилой?..

Через несколько дней меня этапировали. Везли по вечерней Москве, на этот раз в демократичном «воронке». Через решетку я жадно всматривался в московские улицы, смеющихся людей, женщин, огни рекламы...

На вокзале меня загнали в «столыпинский» вагон – опять в одиночку за железную решетку, с особой охраной. Рядом в камерах располагались бытовики: воры, спекулянты, убийцы, мародеры. Деля у них перекличку, надзиратель спрашивал о сроках заключения. Слышалось: «Год, два, четыре, пять», не больше. Как я завидовал этим подонкам!..

Мне выдали сухой паек – пару буханок хлеба и одну рыбину, правда, на какой срок, я не знал и, как только тронулся поезд, почти сразу все съел, а кость от рыбы закинул под нижние нары. Уже на следующий день я пожалел об этом: хотелось есть, причем так, что, когда наступила ночь, я даже не мог уснуть. Но и это были «цветочки»; утром на вторые сутки пути начался уже настоящий голод: я отыскал под нарами в пыли и грязи легкомысленно брошенную кость и, едва не визжа от радости, раздробил ее зубами и высосал. Всю дорогу у меня не возникло никакой другой мысли, кроме как о хлебе, именно о хлебе, а не о курицах, индюшках, картошке и т. п. Его величество Хлеб настолько прочно засел в мозгу, что к концу третьих суток я вызвал начальника охраны и попросил его из тех денег, что должны были оставаться среди моих вещей, купить хлеба. Он вернулся через некоторое время и дал мне полбуханки хлеба, которую я сожрал – вот честное слово, сожрал! – как мне тогда показалось, секунды за три. Не помню, стоял ли в то время вагон на какой-нибудь станции или был в пути; не знаю, купил ли он этот хлеб или нет. Думаю, что просто пожалел меня и дал часть того, что имел сам или охрана.

Мы остановились на какой-то большой станции, наш вагон отцепили, мне приказали выйти. Посадили в персональный «ворон» и повезли по большому заснеженному городу. Оказалось, что это был Киров.

В тюрьме я снова угодил в одиночку. Зашел надзиратель и распорядился вымыть в камере пол, на что я с радостью согласился.

В конце концов меня довели до Воркуты и прямо из вагона пересадили в открытую бричку. Кроме возницы в форме, со мной шел веселый майор. Речь его заключалась главным образом в непрерывном мате, в котором угадывались нотки юмора. Мы ехали мимо зон, опутанных колючей проволокой, с вышками, с часовыми, пока не остановились возле одного из лагерей. Майор весело сказал: «Ну, вот твой дом на восемь лет», — на что я ответил: «Может быть, я и раньше с ним распрощаюсь».

В осеннем пальто и с чемоданом я вступил в свой первый лагерь.

2

Меня провели к начальнику лагеря и главному «куму» — старшему оперуполномоченному. Должность и фамилию последнего я даже запомнил — это был капитан Воронин, мрачный мужчина, грозно заключенных. Офицеры с интересом разглядывали меня (и неудивительно — фамилия-то была известная), о чем-то меня порасспросили. Правда, практически ничего из того, что им было интересно, я не знал. Видимо, бумаги мои задерживались, и меня решили в лагерь пока не выпускать, а упрятать в БУР — барак усиленного режима, говоря проще — в лагерную тюрьму. Сопровождал меня офицер; было темно, мела пурга. Мимо нас протянулась сгорбленная фигура в телогрейке и бушлате (та же длинная телогрейка, только с матерчатым воротником). Не удержавшись, я спросил у офицера, кто это был.

— Каторжанин... — равнодушно отвечал тот.

«Неужели я на каторге?!» — мелькнула отчаянная мысль.

В БУРе меня загнали в одиночку — грязную маленькую камеру, жарко натопленную. Наверху в углу тусклым пятном мерцала лампочка. Мне предложили чаю, принесли большую кружку. Я присел на нары, но так как чай был горячий, поставил его рядом поостыть. Когда через несколько минут я взял кружку и сделал глоток, то почувствовал во рту что-то живое. Оказалось — клоп. Меня передернуло от отвращения; внимательно осмотрев стены, я увидел полчища жирных кровавых клопов, деловито расхаживающих вверх и вниз и даже по потолку. Было их так много, что вступать в борьбу казалось совершенно бессмысленно. Насекомые гроздьями сыпались с потолка, летели, кружась, перед глазами... Чай я решил все же выпить и, выловив несколько штук из кружки, успешно с ним справился.

Ночь я провел в какой-то полудреме, полусне, полубодствовании. Я был доволен, что попал в лагерь; наконец-то, думалось мне, я начну отбывать свой восьмилетний срок; буду работать как бешеный, чтобы заслужить досрочное освобождение. А если даже досрочно освободиться и не удастся, то все равно в двадцать семь выйду на свободу, поступлю в институт и в тридцать один получу высшее образование.

Утром меня разбудил громкий шум: заключенные собирались на работу. Я услышал такой мат, по сравнению с которым все, что мне было известно еще по воле, было детским лепетом. Ни одно предложение, ни одно слово не обходилось без мрачных метафор и эпитетов; в обычном предложении слов становилось в три-пять раз больше, и для того, чтобы уловить в нем основной практический смысл, требовался определенный навык. Речь, которую я слышал по пробуждении, отличалась потрясающим цинизмом, своей политической направленностью и даже юмором.

Меня вновь отвели к начальству, где было решено в шахту меня пока не отправлять, а определить на работу в баню, что находилась в жилой зоне. Я просил, чтобы мне все же объяснили, как классифицировано мое преступление. Начальник спецчасти – милая приятная женщина – сказала, что я осужден по статье 58 – измена Родине. Я уточнил: «Значит, я – изменник Родины?» – «Да», – подтвердила она, чуть улыбнувшись. Удовлетворенного ответом, меня повели в баню. Когда мы проходили по лагерю, на меня с любопытством глазели заключенные, я, в свою очередь, – на них; меня поразило обилие номеров, пришитых и намалеванных на их одежде: у каторжан номера были на спине, на шапке и на бедре, а у заключенных, к которым принадлежал и я, – на левом рукаве и на правом бедре.

Меня привели в комнату заведующего баней Ивана Васильевича Самохвалова – маленького плотного человека с хитрыми бегающими глазками, обладающими способностью к мгновенным метаморфозам: от выражения властного до угодливого и преданного. Принял он меня хорошо, из каптерки принесли лагерное обмундирование, нарисовали на нем мой номер. Отныне я стал полноправным заключенным – зеком, и номер 1А-101 сопровождал меня с тех пор всюду, даже на кровати была прибита дощечка с его изображением.

Прибытие нового человека – тем более с воли – всегда событие в лагере с его отупляющей однообразной жизнью. Весть о моем прибытии облетела многотысячный лагерь с массой удивительных, порой даже фантастических подробностей.

Впервые за несколько месяцев я лег спать в белье, а не в пальто.

На следующий день Иван Васильевич весьма подробно расспрашивал меня о моей жизни, отношениях с отцом и т. д., намекая одновременно на трудности лагерной жизни. Сам он получил срок за сотрудничество с оккупантами – был бургомистром.

Меня отвели к первому рабочему месту в моей жизни – в гладильную – и поставили на один из самых ответственных участков – складывать выглаженные кальсоны и рубашки. У меня обнаружилось несколько «коллег». Именно здесь начались мои многочисленные знакомства с каторжанами и зеками, с их трагическими судьбами, нередко отражавшими следственный и судебный произвол. Из работавших вместе со мной в гладильной мне запомнился Василий Лиховидов – высокий, интересный, с интеллигентным лицом мужчина, фамилия которого на редкость соответствовала его жизни. Войну он начал офицером Красной Армии, участвовал во многих боях, в одном был тяжело ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. То, что проделывали фашисты с пленными, является ярким отражением их идеологии и политики, кошмарнейшей из всех существовавших и существующих. В лагерях они создали не только изощренную садистскую систему психологического надругательства над пленными, но и фактически создавали условия для полного их физического истребления. Нельзя без содрогания было слушать рассказы о зверствах и лишениях, выпавших на долю этих несчастных людей. Были, например, случаи, когда для того, чтобы выжить, пленные собирали горстями вшей с тела, давили их в кружке и пили кровь...

В концентрационные лагеря приезжали вербовщики для армии генерала Власова. Конечно, разными мотивами руководствовались те люди, кото-

рые откликались на эти призывы, но одним из них было стремление вырваться из нечеловеческих условий содержания в плену.

В один из таких приездов согласился вступить в армию Власова и Лиховидов. Несколько месяцев он служил в агитационной части, а после окончания войны попал в лагерь для интернированных, где было много и русских – бывших военнопленных.

Приезжали советские представители, нередко седые заслуженные люди, звали вернуться на Родину-мать, обещая не применять к ним никаких репрессий. Призывы не проходили даром: многие тысячи русских возвратились. В Одессе, куда прибывали пароходы, в порту их ждали автоматчики...

Лиховидову срок был определен в двадцать пять лет каторжных работ.

За нумерованными одеждами и равновеликими сроками стояли разные люди с далеко не одинаковыми заслугами перед государством и преступлениями против него. Безжалостный нож гильотины рубил, вовсе не считаясь с этим обстоятельством. Минимальный срок каторжных работ был определен в пятнадцать лет, максимальный – в двадцать пять. В эту «вилку» умещались все: и бывший гестаовец, принимавший участие в массовых убийствах в еврейском гетто, мужик, спросонья сунувший кринку молока бандеровцам, горожанин, в порядке разовой мобилизации пару часов патрулировавший улицы оккупированного города, не вполне понимавший, с какого конца стреляет его винтовка... Все эти люди считались изменниками Родины, и расправлялась с ними все та же пятьдесят восьмая статья. Это всеобщее равенство перед законом, такое внешне заманчивое, приводило к неслыханному произволу, к вопиющей несправедливости в определении меры наказания.

Честно говоря, мне было даже неудобно за свой срок – восемь лет. «Такой срок, – говорили мне, – можно на параше пересидеть». Впоследствии оказалось, что все было как раз наоборот. Каторжанин, отсидев срок, мог надеяться на освобождение. Я же, осужденный Особым совещанием – «тройкой», как его называли, – такой надежды не имел. Было много случаев, когда людей, осужденных таким же образом и отбывших свой срок, приглашали к оперу лагеря и просили «расписаться еще на десять лет».

Я в то время был, кажется, самым молодым среди зеков в этом лагере. Наверное, потому вначале ко мне все отнеслись очень неплохо.

«Ты не отчаивайся, сынок, что не закончил института, – говорил мне пожилой каторжанин, – здесь пройдешь академию жизни». Я думал: «Какая тут, к дьяволу, академия, когда каждый день одно и то же. Работа, жратва, нары – вот и все». Впоследствии я понял, в чем он был прав: за внешней простотой, одуряющей размеренностью заключения скрывалась яростная, глухая, ожесточенная борьба не только за саму жизнь, но и за место под солнцем в этой странной жизни.

Я попал в лагерь в то время, когда жизнь в них была, по выражению старожилов, «курортом» по сравнению с 1944–1948 гг. – периодом форсированного освоения Воркутинского угольного бассейна силами заключенных. Люди в те годы гибли как мухи, хотя, говорили, жратва была даже лучше нынешней. Связано это было главным образом с произволом, творившимся в лагерях, и с безраздельным господством в них «блатного мира».

Железная дисциплина, неписаный воровской «кодекс», иерархия внутренней власти, верховенство «королей» с их охраной, ножи и кастеты, в то

время как даже надзиратели не имели права носить оружие в зоне, незаурядная, отчаянная смелость и жестокость – вот то, что успешно обеспечивало привилегированное положение «бытовиков» в лагерях. Жизнь человека, как говорили, ничего не стоила: убивали за самокрутку махорки и в худшем случае расплачивались за убийство несколькими сутками изолятора. Причем, чтобы распрощаться с жизнью, совсем не обязательно было что-то совершить. Иногда было достаточно быть проигранным в карты (особым шиком считалось играть на жизнь вольнонаемных: надзирателей, офицеров и даже начальников лагерей; не отдавшего свой «долг» самого ждала смерть).

Вместе с тем постоянные распри, поножовщина между «суками», «ворами в законе», работавшими нередко по заданиям администрации лагеря, и «честнягами» – ворами, соблюдающими свой «кодекс», ослабляли в целом нерушимое воровское лагерное «товарищество». Один вор, говоря о междоусобице в их среде, сказал мне, что это предвидел еще Ленин, отметивший, якобы, что «воровской мир сам себя уничтожит». Когда я спросил этого «интеллектуала», стал бы он воровать, если бы материальные условия жизни позволяли всем жить в полном достатке, он ответил: «Конечно, при любом строе и в любых условиях».

После грандиозной резни среди воров в 1948 г. в бухту Ванина был отправлен большой этап, и в Воркутинских лагерях стало значительно спокойнее, однако не настолько, чтобы это как-то ощутили покаянуло господство этой категории заключенных среди всех прочих, тем более что к ним постоянно прибывало пополнение с воли. Хотя политические на зоне были отделены от «бытовиков», но на практике ограбление, скажем, ларька, принадлежащего воинской части, или убийство с целью ограбления военнослужащего в то время квалифицировалось как преступление политическое.

Основную массу политических заключенных в лагерях составляли малообразованные люди из сельской местности, попавшие туда не по идейным разногласиям с Советской властью, а волею судеб военного времени (за исключением, пожалуй, прибалтов). Интеллигенция – по крайней мере у нас – была представлена незначительной группкой людей; печально вспомнить, что эти люди с точки зрения нравственности нередко вели себя значительно непорядочнее так называемых простых мужиков. В основном из интеллигенции формировалась лагерная «придурня» – лица, работающие в жилой зоне в различных вспомогательных службах (в бухгалтерии лагеря, каптерках, магазинах, банях, ОКСах, культурно-воспитательной части (КВЧ), библиотеках и т. д.). При этом многие «придурики» были и лагерными «стукачами» – своеобразной агентурой администрации, за исключением, пожалуй, административно-технического персонала шахт. В какой-то степени это касалось даже известных художников, музыкантов, артистов и т. д.

Говоря об артистах, я невольно вспомнил, как в первые месяцы, не зная законов лагерной жизни, я согласился участвовать в самодеятельности, и так как женщин не было, а я был еще весьма юным шкетом, то меня попросили сыграть роль одной дамы. Я, естественно, отказывался, но в конце концов согласился. Был на нескольких репетициях, даже не генеральной. Потом мне кто-то сказал, что дам на зоне играют обычно педерасты, и служение искусству я на этом прекратил.

Самое гнусное событие, о котором я до сих пор вспоминаю с чувством стыда, произошло тоже примерно в это время. Мы познакомились с земля-

ком, бывшим партийным работником, который проходил по известному «ленинградскому делу», в результате которого были уничтожены лучшие руководящие кадры города. Этот человек, сам по себе вполне приличный, посоветовал мне написать жалобу на незаконное заключение, и я, находясь еще во многом под впечатлениями «вольной жизни», в частности, веря в справедливость, в то, что мой честный труд откроет дорогу к досрочному освобождению, согласился. С его помощью я написал жалобу, в которой излагал суть дела с омерзительной фразой в заключении о своем желании честно трудиться, чтобы искупить вину, если уж считается, что я действительно в чем-то виноват. Таких жалоб в течение года я написал штук пять (правда, в последних не распространялся уже о моих желаниях, а писал в более резкой форме, что не виноват, родившись сыном своего отца). На мои жалобы приходили стандартные ответы, из которых следовало, что осужден я совершенно справедливо. Тогда очень многие писали жалобы и неизменно получали на них подобные ответы. В конце концов я бросил это неблагодарное дело и в дальнейшем уже никогда и никуда не обращался.

Тогда же я познакомился и с другими интересными людьми. Одним из них был пожилой американский еврей, проживший несколько десятков лет в США и переехавший в СССР перед войной. До своего ареста он работал корреспондентом ТАСС. Как-то я спросил его, действительно ли в Америке существует сегрегация. Он подтвердил это, сказав, что она составляет одну из негативных черт жизни в Америке. Правда, заметил он, причиной тому служат исторические обстоятельства и специфический неприятный запах, который якобы исходит от кожи негров.

Рассказывал он много интересного и для меня нового (например, о сексуальной революции и проституции).

Занятым человеком оказался и Костя Тамбилов – заведующий вещевой камерой хранения. Веселый, общительный, знающий массу интересного, он был для меня настоящим кладезем знаний. Во время оккупации он жил в Одессе, содержал ресторан, был в приятельских отношениях с Лещенко, получившим впоследствии, как и он, срок за сотрудничество с фашистами. Почти каждый вечер у него собирались приятели; разговорами дело не ограничивалось: как правило, у него курили опиум-анашу (или, как говорили в лагере, «план»). «Баш» анаши стоил в лагере пятьдесят рублей – деньги немалые, так как в то время за работу в лагере еще не платили; правда, и достать «план» было делом нелегким. В его-то компании и я впервые попробовал опиум, хотя и не привязался к этой заразе. Садились кругом, делалась одна большая самокрутка махорки, перемешанной с «планом», и, поочередно затягиваясь, передавали ее друг другу. На меня опиум действовал своеобразно (может быть, именно потому, что я серьезно не пристрастился к нему): не тянуло, как других, на еду, и веселья особенного не ощущалось, зато голову дурманило, как от водки.

Благодаря этим знакомствам мало-помалу для меня проявлялся мрачный «кодекс» законов лагерной жизни.

3

В первые же дни пребывания в лагере я написал две открытки: одну – Ирине в Ленинград с просьбой узнать, что с матерью, а другую, разумеется, Тане (любимой девушке автора. – *Л.В.*). Ей я написал, чтобы она меня не

ждала, так как из заключения я никогда не выйду, и жила бы так, как считает нужным; чтобы она мне не писала – я отвечать не буду. Последнее решение не было скоропалительным – воспоминания о наших отношениях в условиях лагеря особого режима тяжелым грузом давили на сердце. Послал я открытки не по почте, а «левым» путем, через вольнонаемных.

Примерно через месяц от Иры пришел ответ. Она писала, что была у нас на 16-й линии, из чего я понял, что мать тоже арестована. Я был очень благодарен сестре – для того, чтобы написать в то время «врагу народа», надо было иметь настоящее мужество (...).

В бане я проработал месяца полтора и мог бы, вероятно, работать и дальше, если бы не мой дурацкий характер.

К тому времени я уже знал, что Иван Васильевич – провокатор номер один в лагере. Как-то мы повздорили с ним из-за ерунды, и старое раздражение против него дало себя знать: разговор закончился для него весьма плачевно. Он, в свою очередь, тотчас же пожаловался начальству. На этот раз меня не посадили, но списали на работу в шахту (тем более что при комиссовке – медицинском осмотре – мне дали шахтерскую категорию). Так я распрощался с самым «блатным» местом в лагере.

4

Благодаря нарядчикам – людям, от которых многое зависело в лагере, – направили меня не в шахтерскую бригаду, а в электроцех. Фактически я был подсобным рабочим, так как в электротехнике разбирался меньше даже, чем в вопросах юридических.

Получив шахтерское обмундирование, осветительный аккумулятор – тяжелую железную «бутылку» с загнутой ручкой, я впервые в своей жизни спустился в шахту. Перед входом с эстакады нас обыскали – нет ли махорки: шахта была в категории взрывоопасных, потом мы вошли в клеть, и она ухнула в бездну. Наша шахта – «Капитальная» – имела несколько горизонтов, с первого на второй по уклону ходили два железных вагончика.

Моя задача была в том, чтобы таскать кабели – толстенные тяжелые «кишки» сантиметров по семь-восемь в диаметре. Работа осложнялась тем, что выполнять ее приходилось в отработанных пластах, закрытых для других, где не было вентиляции и все пространство было заполнено метаном – ядовитым взрывоопасным газом. Эту работу я никогда не забуду. Снимать кабели в этих местах приходилось иногда по пояс, а то и по грудь в вонючей воде, в густом тумане. Если это была и не адская работа, то по крайней мере очень к ней близкая. Я отработал там, кажется, месяца полтора. Как-то раз меня встретил знакомый нарядчик и спросил: «Ну как, пацан, дела?» Я сказал – хреново, уж больно тяжелым оказалось электричество. Он засмеялся, и вскоре меня перевели на телефонную связь, где провода были потоньше, да и работа почище.

Там я работал недолго, но исправно. На «Капитальной» я не халтурил на любой работе, все еще надеясь на досрочное освобождение.

Затем я попал к маркшейдерам, таскал теодолит и разноцветную линейку, не особенно, правда, понимая назначение того и другого.

Из маркшейдеров меня перебросили в службу движения, где я помогал стволowому «качать» груз и порожняк, а затем стал кондуктором. В этой службе такая работа считалась самой «блатной»: в мои обязанности входило обслуживание перевозки работяг с первого на второй горизонт. Происходило это следующим образом: работяги рассаживались по вагонам, я следил, чтобы их инструменты не высывались наружу, сам садился в вагон и давал сигнал к отправлению с помощью особого железного рожка. Так я и катался вверх-вниз; в начале смены мы спускали работяг, а после работы поднимали их наверх. В остальное время я бездельничал, подметал что-нибудь или занимался чем-то подобным.

Из знакомых этого времени мне запомнился Николай Черников – бывший моряк, мужчина с интересным волевым лицом, рослый, обладавший недюжинной силой.

Историю его я слушал буквально с открытым ртом: ничего более интересного я никогда не читал и не слышал. Правда, с тех пор прошло больше двадцати лет и всех подробностей я не помню, но мне она показалась настоящим гимном мужеству.

Служил он на подводной лодке и участвовал во многих боевых операциях. За предпоследнюю – самую успешную – Черников был представлен к званию Героя Советского Союза. Последняя операция закончилась неудачно: лодку потопили немецкие корабли, а экипаж расстреляли на воде. Он же, будучи раненым, был подобран немцами. Жизнь его в плену тоже была во многом необычна. Неоднократно и безуспешно он бежал, но, несмотря на это, головы перед фашистами он не склонил, что принесло ему известность и уважение не только среди пленных, но и среди врагов. Не помню, за что получил он свои двадцать лет каторги, и в этом нет ничего удивительного – в лагерях, как это ни может показаться странным, отношение ко многим вещам граничит с равнодушием. Что касается Николая Черникова, то вполне достаточно было факта его пребывания в плену у немцев. Тем более что довольно широко были известны высказывания Джугашвили-Сталина, этого «демократа № 2 в Европе», о том, что в Советском Союзе пленных нет.

Появлялся вопрос: если пленных у нас нет, то кто же все-таки попадает в плен? Ответ напрашивался сам собой – изменники Родины...

Одно из немногих приятных воспоминаний о шахте «Капитальная» связано у меня с Александром, бывшим кадровым разведчиком. Одно время мы с ним жили в одном бараке на втором «этаже», то есть на верхних нарах. Внешне он был совсем неприметным: невысокий рост, бесцветные глаза, простенькое лицо. Но когда мы разговаривали, я видел перед собой совершенно другого человека: умного, дерзкого, решительного и расчетливого. Эта противоположность маски, которую он носил для других, и его настоящего лица производила сильное впечатление. Как-то в шахте он показал мне маленькую толику своего профессионального мастерства. На расстоянии примерно двенадцать – пятнадцать метров он предложил мне сделать на стойке шахтного крепления отметку. Метнул кинжал правой рукой – он впился точно в отмеченное место, то же самое он проделал левой рукой. На мой восхищенный вопрос, как он добился такой твердости руки, он отвечал, что добиться этого очень просто: нужно только начать тренироваться лет с шести-семи.

Я дружил с ним чуть больше полугода и, вспоминая теперь это время, не могу не отметить его внутренний такт в обращении со мной, его вниматель-

ность и заботу. Благодаря его стараниям я никогда не чувствовал существенной разницы между нами в возрасте – лет пятнадцать, и мне всегда было с ним интересно. Как-то он мне сказал: «Знаешь, мне нравится даже, как ты ходишь».

Именно Александра я считаю своим первым другом – понятие, к которому я отношусь до болезненности педантично и придирчиво, когда применяю его к отдельным людям. По крайней мере друзьями я могу назвать за свою жизнь лишь считанных знакомых, и меня всегда неприятно удивляла та легкость, с которой люди на словах считаются друзьями. По-моему, это понятие – одно из самых святых, принятых между людьми.

В связи с этим вспоминается любопытная история, рассказанная мне одним заключенным – Леонидом Карпинским, начальником ламповой шахты.

С раннего детства он дружил с мальчишкой из соседнего дома, его однокласском. Вместе они прошли значительную часть жизненного пути, начиная с яслей и заканчивая высшим инженерным учебным заведением. Практически в одно и то же время обзавелись семьями, которые были дружны между собой, как были дружны и семьи их родителей. Короче говоря, Леонид считал этого человека более родным и близким, чем своих собственных братьев и сестер. После окончания института они вместе работали на военном заводе.

Однажды Леонид высказал своему другу несколько крамольную мысль, за которую люди расплачивались тогда по большому счету. Каково же было его удивление, когда в скором времени в органах НКВД ему воспроизвели те самые сказанные ближайшему другу слова. На допросах он отказывался от всего до тех пор, пока на очной ставке не встретился... с человеком, который был ему ближе родных братьев. Леонид был настолько поражен случившимся, что и после десяти лет заключения в лагерях, когда я его встретил, все еще находился под сильным впечатлением.

В службе движения «дурака с дудкой» я валял не долго. Меня перевели на должность «плитового» (кажется, так называлась эта работа, если мне не изменяет память). Это был самостоятельный и довольно сложный участок. Я должен был принимать грузы – вагонетки с углем, отправлять их по уклону на верхний горизонт, затем принимать порожняк и т. д. Физически это было нелегко, потому что все приходилось делать одному, в том числе и устанавливая сошедшие с рельс вагоны, подгонять их. Однако в промежутке между составами у меня было свободное время, и я, поудобней устроившись в своем «кабинете» – нише, вырубленной в стене штрека и имеющей деревянное сиденье, – дремал либо предавался размышлениям о бренности жизни.

Все более поражало меня отношение каторжан и заключенных к своему труду. Регулярно перевыполнялись нормы выработки, нередко с риском для жизни, например когда производилась вырубка угля в лаве. Что интересно, любой работающего имел за плечами срок лет в двадцать, никаких форм поощрения – ни материального, ни морального – тогда не было, заработной платы не выдавали, «жратва» – одно название; на обед, как правило, давали овсяный суп, овсяную кашу, овсяный биточек... Шахтерам, правда, полагались еще так называемые горячие пирожки – черно-коричневые хлебцы, в длину не более ладони, с начинкой из какой-то белой вонючей рыбы. Я думал, что если эти люди действительно враги Советской власти, то хотя бы с идейной точки зрения они не должны были бы так вкалывать.

Начальство в шахте, обычно бывшие инженерно-технические работники, такие же каторжане и заключенные, демонстрировали нам столь добро-совестное отношение к делу, какого отнюдь не наблюдалось у многих вольнонаемных. Шахты систематически давали прирост угля. «Ведь в конце концов, – думал я, – можно было бы и не изнурять себя таким трудом, хотя бы на каторге: «шевели ушами» потихоньку, не посадят же, если, положим, норму будешь выполнять на семьдесят процентов, все и так сидят. Ну, уменьшат чуть пайку – без хлеба и баланды все равно не оставят...». Я был свидетелем того, как в лаве устанавливали рельсы. Голые по пояс (это в воркутинских-то шахтах, где без постоянного движения замерзнешь и в двух телогрейках), по пояс в грязной вонючей воде, каторжане работали в бешеном темпе. Стоял дикий мат, которым поминалась среди всего прочего и власть, за которую или против которой большинство сражалось с оружием в руках и на которую теперь все работали. Такое самоотверженное отношение к труду, как ни странно, было почти нормой. В то же время я встречал многих заключенных и каторжан без рук или без пальцев. Оказывалось, что почти во всех случаях они становились калеками сознательно, лишь бы не работать в шахте. Проще всего было подложить руку под тяжелую вагонетку с углем. Конечно, это был не единственный способ избавиться от шахты: некоторые курили сахар, вызывая тем самым туберкулез и соответственно избегая шахтерской категории, и т. д.

Не раз я был свидетелем такой картины: раннее утро, нас – пронумерованных людей – нарядчики гонят из жилой зоны на шахту по широкому коридору из рядов колючей проволоки с вышками (а если расстояние от жилой зоны до шахты не было «окультуривовано» проволокой, то обязательно и с собаками). Навстречу тянется повозка, на которой в санчасть везут очередного погибшего или придавленного работягу...

Но в целом труд был поистине героическим; тогда это вызывало у меня только недоумение. Понимать что-то я начал много позже.

А какой порядок поддерживали на рабочих местах, боясь не столько вольнонаемного начальства, сколько «своего»!..

Как-то раз к нам на шахту приехала большая комиссия из управлений «Воркутуголь» и «Воркутлаг». Подготовка была самой основательной: чуть ли не поминутно наведывались начальники всех рангов, проверяя, все ли в порядке. Наконец прибывшее начальство (в составе которого были и две женщины) приступило к непосредственной проверке в шахте. Пробежал один «шеф», затем другой: «У тебя все нормально?» – «Да, вроде все». Из-за какого-то внутреннего протеста против всего этого лизоблюдства – а может быть, и не только из-за него – на самом видном месте я оставил прислоненной к стене штрека здоровенную дубину. Вниз спускалось целое созвездие головных аккумуляторов (начальство, разумеется, бутылочных не носило). Поглядели по сторонам, равнодушно посветили на меня и пошли было дальше, как вдруг начальник шахты капитан Прискоко спросил:

– А что тут у тебя за палка стоит?

– Хрен ее знает, – флегматично отвечал я.

– Фамилия?! – заревел «гражданин начальник».

Я назвался; вопреки ожиданиям, ничего особенного не произошло, комиссия двинулась дальше.

Тогда такое вопиющее непочтение к высокой комиссии мне сошло с рук, но это было в первый и последний раз.

С течением времени во мне все больше зрел мой внутренний протест, я все больше ожесточался; все чаще возникала мысль о побеге.

5

Шел второй год моего заключения.

Я работал в службе контроля, где на втором уровне должен был вести учет угля, отгруженного с верхнего бункера. В паре со мной трудился Николай Самсонов – бывший бургомистр где-то в Могилевской области. Когда бункер был пустой и делать нам было нечего, я слушал его бесконечные рассказы о «золотых деньках» городского головы. Иногда он отпускал меня туда, где «качали» скип – вагон с углем; там мы иной раз играли в карты и курили. Когда работы бывало много, я помогал Самсонову и лесогонам.

В этой службе работали несколько латышей, двое из которых были очень дружны между собой. Старший – Сергей – бывший эсэсовец, «специалист» по еврейским гетто, имел срок «на полную катушку». Лицо у него было – разве что в кино еще встретишь: хищное выражение, большие светлые немигающие глаза, узкий лоб, стальные коронки на зубах – настоящий типаж убийцы. Другой, Гундабс, высокий парень лет двадцати, звал Сергея отцом и буквально боготворил его, в основном за его прошлое. Сам он в шестнадцать лет организовал из таких же молодых парней банду, они раздобыли оружие и грабили советские объекты. В семнадцать он все-таки угодил под суд и получил двадцать пять лет заключения в лагерях строгого режима. Короче говоря, оба знали, в отличие от меня, за что сидят. Гундабс часто получал из дома посылки – в этом отношении они, как почти все прибалты, жили с Сергеем неплохо. Я сошелся с ними, потому что было очевидно, что на них можно положиться в трудную минуту, – в лагере к людям свои требования...

Как-то раз мы с Гундабсом сидели в шахте, курили и играли в очко. Вдруг позвонили и передали, что наш начальник спустился в шахту и ищет Гундабса. Тот стремглав помчался на рудный двор, где должен был дежурить, а я скатился к себе и с утроенной энергией взялся за то, что даже и не обязан был делать.

Приехал электровоз – привез порожняк, и машинист сказал, что на руддворе Гундабса избили. Оказывается, их земляк Стасис, здоровенный латыш, всегда почтительно раскланивавшийся с любым начальством, позвонил на поверхность и доложил, что Гундабс ушел с работы. Когда последний прибежал на руддвор выяснять отношения, Стасис одним ударом свалил его с ног и избил. Я схватил железный штырь, соединяющий вагоны, и через несколько минут был на руддворе. Гундабса там не было, за столом сидел, развалившись, Стасис, который, нагло улыбаясь, спросил: «Может быть, и ты того же хочешь?» Остановил его только штырь у меня в руках. Гундабса я нашел у ствола, он чистил вагоны, и только белые борозды на его черном лице свидетельствовали о недавних событиях.

Вечером, отдыхая после смены втроем в сушилке барака, Сергей воспитывал своего «сына», я тоже принимал в этом посильное участие. Оба мы дрожали от бешенства и злости на Гундабса, который вел себя в этой исто-

рии «как баба». «Стоящий мужик, – орал я на него, – обязан был ответить ударом на удар любому, даже если тот окажется чемпионом мира по боксу! Пусть он тебя убьет, но ты умрешь как человек, а не как тварь!»

Сергей предложил завтра «прихватить» земляка втроем, но я отказался, сказав, что сделать это должен Гундабс, если он не «баба», а мы в случае чего поможем.

Утром мы спустились в шахту первыми, взяли штыри и, спрятавшись в ответвлении штрека, следили за проходившими. Стасис шел в группе шахтеров, оглядываясь по сторонам. Мы немного подождали, затем Гундабс выскочил первым и быстро пошел за группой. Метрах в тридцати шли мы. У развилки «земляку» пришлось свернуть к рудвору. Он видел Гундабса, но не придал этому особого значения, так как они часто ходили вместе, тем более что «пацан» был один.

Гундабс был все ближе к Стасису, держа руку за пазухой, и только бие-ние металлического номерка о штырь выдавало его агрессивные намерения. Сергей научил его, что бить нужно сбоку по шее, тогда «свалится любой слон». Гундабс так и сделал, но Стасис только присел, потом выпрямился и резким ударом в лицо отбросил Гундабса к стойкам штрека и на рельсы, а сам прыгнул к нему, готовясь использовать бутылочный аккумулятор не по прямому его назначению. Не знаю, какая сила за несколько секунд перенесла меня по воздуху (ведь я был в двух телогрейках и двух ватных штанах). При свете тусклой лампы я увидел перекошенное страхом лицо Стасиса, взмахнул рукой, направляя свое оружие в его голову. В какую то долю секунды тот успел увернуться и бросился бежать по штреку. Я попытался было догнать его, но мои ватные «доспехи» мне сильно мешали. Я метнул штырь ему вдогонку, а мимо меня пролетел Сергей в легком парусиновом костюме. Догнав Стасиса, он направил яркий свет головного аккумулятора ему в лицо, ослепил его и косым ударом в голову повалил.

После этого мы разошлись по своим местам, ожидая развития событий. Приехал под бункер машинист и сообщил новость, что окровавленного Стасиса вывезли на поверхность.

Когда вечером мы в сушилке обсуждали случившееся, Гундабс был возбужден и доволен, что оправдал наше доверие и не оказался «бабой». Тут за ним пришел вохровец и повел его к «куму» – оперуполномоченному. Как выяснилось позднее, Гундабс признался, что нападение на Стасиса – дело его рук. Стасис же, когда несколько пришел в себя, назвал Гундабса и добавил, что были «еще двое», но кто именно он, дескать, не знает. Конечно, «других двоих» он прекрасно знал, но что-то, видимо, сделало его на тот момент забывчивым. «Кум» пытался восполнить пробел, причем довольно действенными методами, но Гундабс нас не назвал. Отсидев десять суток в «центrale» – центральной тюрьме лагерей, – он вновь вернулся в лагерь.

Несмотря на то что я работал в другой службе шахты, все это время наша дружба с Александром не прерывалась. Я поделился с ним своими соображениями о побеге. Оказалось, что он сам об этом уже подумывал, более того, знает верный выход из производственной зоны.

Эта идея все более овладевала мной. Постоянно терзала мысль о своем рабском подчинении окружающим условиям. Я становился все более несдержанным; от моего оптимизма мало что оставалось. Кроме того, меня

просто корбило от угодливого отношения заключенных к своим тюремщикам. Стоило, к примеру, какому-то восемнадцатилетнему сопляку в погонах войти в барак, как все вскакивали со своих мест и подобострастно «ели глазами» гражданина начальника, а разговаривая с ним, срывали с бритых голов шапки. А он, снисходительно и презрительно улыбаясь, позволял себе заметить седовласому каторжнику, у которого дети уже давно были взрослыми: «Ну что, фашистская морда, опять, б... старая, у тебя номер хреново написан?»

Конечно, не все «вохры» так себя вели с заключенными, как и не все каторжане и зеки пресмыкались перед начальством, но как тех, так и других исклечений было не так уж много.

Побеги в условиях Крайнего Севера были делом чрезвычайно сложным и опасным. Голая тундра на сотни километров вокруг, морозы градусов под сорок – пятьдесят, тщательно продуманная система охраны, лагерные осведомители, постоянные «шмоны» – обыски, ежедневные проверки – все это существенно затрудняло побег, а те редкие, что все-таки случались, заканчивались, как правило, неудачно. Бежавшие в лучшем случае отделялись избиением, карцером и новым сроком, нередко же их просто убивали, привозили на вахту того лагеря, из которого они бежали, и бросали голые трупы с биркой на ноге на снег (а иногда еще раскраивали им черепа деревянным молотком), наглядно демонстрируя бесполезность и печальные последствия попыток бежать.

Мы начали подготовку к побегу, приблизительно наметили дату. Когда до нашего побега оставалось месяца полтора, наш лагерь был взбудоражен побегом каторжанина и заключенного. Я немного знал этих людей. Один из них, Сероштанов, был бригадиром бригады, работавшей в производственной зоне и изготавливавшей какие-то изделия из карельской березы, которые потом вагонами отправлялись за зону покупателям. Другой, Саблин, интеллигентный мужчина с мягкими манерами, работал нормировщиком.

Им удалось залезть в вагон с готовой продукцией и в нем выехать из зоны. Возможно, помогли работяги из бригады Сероштанова.

Думаю, что весь лагерь относился с симпатией к людям, осмелившимся бросить вызов казенным правилам внутреннего распорядка. Наутро первый вопрос, который вертелся у всех на языке, был: «Что с беглецами?» К сожалению, эти мужественные люди были схвачены на третий или четвертый день своего побега за сотни километров от Воркуты, когда все поездные составы были тщательно проверены. К сожалению – я говорю потому, что мужество, как таковое, независимо от того, как оно проявляется, всегда достойно восхищения; тем более что с мужеством в подлинном понимании этого слова в условиях мирного времени встречаться приходится довольно редко. Я и сам готовился бежать и в какой-то мере надеялся на счастливый исход нашего предприятия, потому особенно остро чувствовал неудачу Сероштанова и Саблина.

Их привезли в лагерь, когда я был на работе. Рассказывали, что, раздетых по пояс, закованных в наручники, их долго водили по лагерю, а затем посадили в централ.

Мы продолжали готовиться к побегу, когда совершенно неожиданно меня вызвали и заперли вместе с другими в отдельном бараке, своеобразном пересыльном пункте, для подготовки к этапу.

Когда нас выводили из зоны, Александр сумел подойти ко мне, сунул мне какой-то еды, и мы простились.

За воротами нас построили в колонну, начальник конвоя прокричал обычную «молитву»: шаг вправо, шаг влево конвой считает попыткой к бегству и применяет оружие без всякого предупреждения. Потом нас пригнали к железнодорожным путям, загнали в вагоны, и мы тронулись в путь, конечный пункт которого знало лишь начальство.

6

Я попал в лагерь шахты N 6 все того же «Воркутлага».

Несколько дней мы провели в отдельном закрытом бараке. Запомнился «визит» к нам в барак нарядчиков. С ними был мужчина, щегольски одетый (разумеется, в лагерном понятии: кожаные куртка и шапка, хорошие брюки, не ватные, конечно, хорошие сапоги). На вопрос: «Люди есть?» – к нему подошли двое, один из них был выпущен в лагерь, а другой – посажен в БУР.

Таким способом выяснялись отношения в воровском мире, в зависимости от того, кто держал верх в данном лагере – «суки» или «честняки». Чтобы предупредить резню, начальство выпускало в зону из новоприбывших тех, кто соответствовал «господствующему классу», а прочих отправляло в БУР для дальнейшей перезаправки.

Меня всегда поражала потрясающая информированность среди воров. Они всегда знали, кто придет из «людей» (то есть из воров, по нашим понятиям) по этапу в лагерь, кто, предположим, «ссучился», кто, где, когда и кого «заложил», даже если это происходило в лагерях за тысячи километров.

В новом лагере мне повезло: нарядчики (также весьма осведомленная категория) уже кое-что слышали обо мне благодаря, конечно, одной моей громкой фамилии и устроили меня в плановый отдел.

Ежедневно я должен был выходить на шахту, переписывать данные о выходе на работу, выработке в бригадах для начисления заработной платы (к тому времени шахты стали переводиться на хозрасчет, работягам начислялась заработная плата, часть которой – кажется, сто или двести рублей – выдавалась на руки, и ее можно было тратить на товары в лагерных магазинах; остальные деньги зачислялись на лицевые счета).

Из лагерей, в которых я побывал, этот был для меня самым спокойным, тем более что вскоре после начала работы я получил почти двухмесячный «отпуск».

Территория между жилой зоны и шахтой была открытой, расстоянием чуть более километра. Охрана, которая водила нас туда и обратно, попалась «веселая». Я обычно занимал последнее место в колонне, шли ли мы в жилую зону или на шахту. Это было не слишком разумно, так как последняя шеренга была объектом развлечений для «вохры»; тем не менее другого места я не хотел. «Не отставать!» – гремело сзади, хотя никто и не думал отставать, и собаки с бешеным лаем заливались у самых наших ног. «Быстрее, еще быстрее, фашистские твари, души сифилисные!» И так далее, ругаться эти «малыши» у лагерников научались быстро. В общем, ансамбль «вохровцев» и их собак подобрался такой слаженный, что различать их друг от друга, находясь к ним спиной, удавалось не всегда.

Иногда, когда колонна проходила через лужу, вдруг раздавалась команда «ложись!» – и все дружно валились в грязь... Правда, этим «вохра» занималась, когда меня еще не было в лагере. Рассказывали, что однажды, когда все легли, остался стоять один заключенный – некий Рыбальченко, начальник механического цеха и бывший заслуженный мастер спорта по велоспорту, первым в Союзе среди велосипедистов получивший это почетное звание. Пули летели над самой его головой – Рыбальченко стоял. Говорили, что именно после этого случая «вохры» обратились к другим формам развлечений.

Как-то раз, когда мы подходили к зданию управления на территории шахты, где конвой нас уже не сопровождал, «вохра» проверяла вагоны, груженные углем. Делалось это так: на вагон залезал «вохровец» и стальным шупом с острым концом методично протыкал всю толщу угля до самого дна (бывали случаи, когда беглецы, прикрытые железными решетками, ложились на дно вагона, а сверху их засыпали углем). Вагоны осматривались и снизу «вохровцами» с собаками. Когда мы обходили последний вагон, группа «искателей» стояла возле него. Один из них решил позабавиться и в нескольких метрах от проходящих работяг приспустил поводок собаки; все быстро отбежали, а я продолжал идти, как и шел, поскольку никаких инструкций не нарушал. Охранник направил собаку прямо на меня, и она с видимым наслаждением мертвой хваткой вцепилась мне в левую ногу. Я откинулся назад, думая лишь о том, чтобы ноги не показалось бы собаке мало. Потом несколько минут двое «вохровцев» разжимали собаке зубы. В конце концов это им удалось, а я захромал в управление, где из резинового сапога вылил «лишнюю» кровь. Прокус был такой глубокий, что в санчасти я провалялся более полутора месяцев.

В этом же лагере произошла и первая проверка моей сознательности лагерным начальством, или, как мы их называли, «чекистами». В зоне не было слова более ругательного и унижительного; в «вольном» смысле это слово у нас вовсе не употреблялось.

Меня вызвали в оперчасть и предложили сотрудничать, то есть, проще говоря, «стучать». Я отвечал примерно так: «Мой отец расстрелян вами, мать, брата и меня вы загнали в лагерь. Я думаю, что общей темы для разговоров у нас нет». И в том лагере со мной согласились...

Постепенно меня стали выделять в числе наиболее опасных лагерников. Впервые я удостоился чести быть посаженным в БУР на праздник 1 Мая – на праздники туда обычно направляли рецидивистов, «бегунов», «королей» и тому подобных, надеясь обеспечить хоть на время в лагере более или менее спокойную обстановку.

С каждым месяцем заключения я становился все ожесточенней и нетерпимее, несмотря на юридическую теорию, по которой должен был катастрофически исправляться.

Однажды пришел новый этап. Я сидел в столовой один за маленьким столом, когда привели этапированных. Те шумно расселись за столами. В тот день давали «камсу» – маленькую плюговую рыбешку, в которой, кроме костей, по-моему, ничего больше не было. Рядом со столом, за которым сидел я, расположились четверо из вновь прибывших, судя по разговору и поведению – интеллигенты в известном смысле слова: трусы, живущие под нарами при наличии хотя бы одного «блатняка», с подбиванием охаживающие

любого «человека с погонами», хамье – по отношению к так называемым простым людям. Они рубали «камсу», громко разговаривали, вспоминая мягкотелого своего брата на воле и в лагерях. Между делом обглоданная рыба переполняла большую алюминиевую миску. Один из них – самый говорливый, – увидев, что миска наконец полна, переставил ее на мой стол (где свободного места было, конечно, значительно больше). Ни слова не говоря, я схватил миску и запустил ее в несчастного интеллигента. Тот схватил табуретку, завязалась драка, которая так же неожиданно оборвалась. Подскочил некий Мишка-цыган, подхватил обидчика «под грудки» и с двух рук стал охаживать его почем зря. Тот сразу же скис – не столько потому, что Мишка был поопытней его, сколько из-за того, что Мишка был одет, как «урка». «Да ты знаешь, – орал он, – что это за пацан? Да тебе за него в лагере мозги сразу же вынут!» (Кстати, Мишку я знал по «Капитальной»; он не был «уркой», но всегда находился среди воров главным образом потому, что хорошо пел и играл на баяне и гитаре. Пение его мне тоже нравилось, хотя он не был даже моим приятелем.)

Отношения между людьми на зоне значительно откровенней, чем на воле, а потому понять их обычно проще. В лагерях были и предатели, и убийцы, и мародеры, и воры – кого там только не было! Но вместе с ними встречались и совершенно исключительные по своим качествам люди, перед которыми я и сейчас готов снять шляпу.

Нашлись интересные типы и на шестой шахте.

Прежде всего мне вспоминается некий Михаил Гаевой. Невысокого роста, крепко сбитый мужик с пронзительными большими черными глазами, крупным носом картошкой, с крутым волевым подбородком – таков был этот Гаевой внешне, но в его наружности легко виделся сам человек.

Восемнадцатилетним юношей он добровольно пошел на фронт, был летчиком. Прошло около года, ему дали на выучку двух пацанов, еще моложе его самого. Как-то раз после вылета он сидел с ними и говорил о боевых качествах самолета, на котором он летал. При этом он сказал, что по каким-то качествам немецкий «хейнкель» превосходит соответствующий тип советского самолета. Один из его «учеников» тотчас же заложил его, и Гаевой получил свой первый срок.

В тяжелых условиях лагерной жизни 1943–1947 гг. он объединился с двумя бывшими моряками и выжил, как он мне сам рассказывал, «на ножах». Несколько раз он совершал побеги из тюрем и лагерей, в результате которых его неизменно ловили и добавляли срок. Когда я его встретил, общий срок у него исчислялся более чем сорока годами.

На шестом ОЛПе (отдельном лагерном пункте, по-официальному) Гаевой был «королем» шахты, что уже само по себе было явлением чрезвычайным. Это звание досталось ему в жестокой борьбе с «ворами». Когда те «прихватили» его однажды – для «воров» он все же был «мужик» или «фраер», то есть человек отнюдь не первый в лагере, – его спросили: «Ты что, вор?» Гаевой ответил: «Нет, я хуже чем вор». И своими делами он доказал, что он действительно «хуже» и что в его присутствии никто, даже сами «воры», не могут претендовать на «королевский трон».

Боялись его не только лагерники, но и само начальство, зная его бешеный, крутой нрав и презрительное отношение к любым погонам (за ним числились и бунты в лагерях).

Он был бригадиром, ходил в кожаной куртке и кожаных сапогах. На шахте у него даже была вольнонаемная «баба» – привилегия хотя и не официальная, но исключительная.

Но как, вероятно, у всех сильных личностей, у него были свои слабости, в первую очередь – футбол. Летом, которое в Воркуте длится всего месяц-полтора, он собирал из шахтеров команду, главной целью которой было обыграть команду лагерных «придурков». При этом сам Мишка играл центрального защитника в шахтерской команде; играл, по-моему, средне, но азартно, как и все, за что брался. На матчах присутствовали не только лагерники, но и начальство лагеря, «вохровцы» и т. д. В день матча Гаевой освобождал шахтеров от работы.

Был случай, когда он освободил двоих немцев. Поскольку это делалось не официально, а посредством его влияния, какой-то немец из той же бригады выразил свое возмущение. Я сидел с Гаевым в бараке, когда он узнал об этом. Михаил отправился в барак, где проживала «бунтующая» бригада, нашел критически мыслящего немца и завел его в сушилку. Немец оказался здоровенным парнем, но Гаевой ударом в лицо сбил его с ног, а затем приказал встать на колени и молиться «богу Сталину». После этого никаких инцидентов с освобождением футболистов не было.

Однажды какой-то майор на разводе пошутил над страстью к футболу Гаевого. Тот в присутствии работяг своей бригады обматерил майора, и... ему сошло это с рук только потому, что это был «сам Гаевой».

Ко мне он относился с какой-то отечески грубой заботой, вероятно, потому, что я неплохо играл в футбол в его команде, сначала в роли нападающего, затем – вратаря. Когда я приходил к нему, он всегда спрашивал: «Сынок, жрать хочешь?», а так как я действительно всегда хотел «жрать», то он угощал меня из своих обильных запасов. Один раз под рукой ничего не оказалось, и мы пошли на кухню, куда вообще лагерникам ходить запрещалось (разумеется, кроме тех, кто на кухне работал). «Здравствуй, Миша», – слышалось со всех сторон. «Здорово, бандеровские морды», – отвечал Миша: на кухне работало много западных украинцев. «Ну-ка, накормите моего пацана, дайте ему полную миску котлет». Пока я уплетал котлеты, Михаил не забывал и своих интересов. Вызвал шеф-повара: «Ну что, так растак твой потрох, масло есть?» – «Нет, Миша, но обещали скоро привезти». – «Нерусская твоя морда! – орал Мишка. – А ну, неси масло!» И указывал при этом место, где по «агентурным данным» Гаевого шеф-повар хранил масло. Трясущимися руками, сетуя на свою память, повар нес требуемое. Мишка величественно удалялся, а все облегченно вздыхали.

Памятный диалог произошел у нас однажды в отношении книг. Я увидел у него на тумбочке книгу рассказов Джека Лондона.

– Ты прочитал? – спросил я Мишку.

– Нет.

– Зря, там такие сильные люди.

– Слушай, сынок, когда второй червонец разменяешь, знаешь, до чего тебе любая книжка будет?..

В том же бараке жил еще один человек, который вызывал к своей личности повышенный интерес, – Ян Григорян, «медвежатник», известный в определенных кругах в масштабе всей страны. Срок его, как и у Гаевого, исчислялся десятками лет. Дела его на воле были, правда, довольно однооб-

разными и обычно исчерпывались ограблением сейфов. Меня поражало в нем детское, восторженное отношение к музыке, особенно к итальянским песням и романсам, а среди них, в первую очередь, к романсу «Как светит ярко солнце после бури». Какими нежными, мечтательными, добрыми становились глаза Григоряна, видевшего в жизни «черт его знает что и даже несколько больше», когда он слушал этот романс!..

Был я знаком и с другим «королем» лагеря – Алексеем Закалинским. Человек этот не вызывал у меня никаких симпатий, но как личность был весьма незауряден.

К тому времени он сидел в лагерях непрерывно уже более двадцати лет и через несколько месяцев должен был выйти на волю. Звание «вора» совсем не соответствовало его внешности: это был высокий, представительный седовласый мужчина с умными, пытливыми глазами; он скорее походил на какого-нибудь ученого, исследователя, но только не на «урку». Перебывал он за эти двадцать лет во многих лагерях Крайнего Севера, Сибири, юга. Первый срок у него был невелик, но впоследствии «оброс» новыми из-за неудачных побегов. Мне запомнился один из его рассказов о побеге из лагеря на Дальнем Востоке. С собой они взяли молоденького парня, искренне верившего, что побег принесет ему столь желанную свободу. В действительности же «урки» прихватили его, чтобы в условиях таежной жизни использовать «на мясо», если положение будет безвыходным. Рассказывал он об этом совершенно бесстрастным голосом, как о чем-то само собой разумеющемся; в сочетании с его стальными жесткими глазами и хищным носом это производило впечатление человека, у которого в жизни нет ничего святого.

Когда Закалинский освобождался, я был на работе. Он вышел на свободу с гордо поднятой величественной головой и... с моим красивым желтым чемоданом, который он прихватил в каптерке. Все, что к тому моменту у меня оставалось с воли, было тоненькое синее одеяло. В лагере говорили, что месяца через два после этого Закалинского снова посадили, причем «заслуженно».

Говоря о людях, с которыми познакомился на шестой шахте, не могу не вспомнить моего хорошего товарища Женю Мазура, работавшего бригадиром и жившего в том же бараке, где и Закалинский. Добрый, спокойный и уравновешенный, он выгодно выделялся среди «руководящего состава» лагерников.

Запомнилась мне и еще одна незаурядная встреча с «коммунистом». Так иронически называли в лагере одного пожилого человека, сколачивавшего своеобразную партийную ячейку. В лагерях я встречал немало людей, которые не только на воле были настоящими коммунистами, но и продолжали оставаться ими в заключении. Ни один из них никогда не одобрял массового произвола и нарушения законности в нашей стране. Исключение составлял этот человек.

Однажды он разыскал меня и попросил разрешения поговорить. Мы вышли с ним из барака. Было лето, светило солнце, бежали ручейки, а по обочинам канав молились и пели верующие: православные, баптисты, суботники и другие. Мы медленно шли по лагерю, он говорил о великих идеях

коммунизма, об идеалах, о том, что необходимы шаги служения им и в лагерных условиях. Я долго слушал молча, потом мне это изрядно надоело, и я нарочито резко спросил:

– Значит, вы полагаете, что будущее, когда у каждого человека будет висеть над головой жирный кусок сала и две пары хромовых сапог, оправдывает смерть, горе, несчастье миллионов людей, то есть великая цель оправдывает грязные, омерзительные, антигуманные способы ее достижения?

В ответ он начал говорить что-то не очень вразумительное, но явно с попыткой оправдания «способов».

Мы расстались, унося с собой не слишком лестные мнения друг о друге.

В этом лагере я провел шесть или семь месяцев, затем меня этапировали на Ячегинские шахты для работы по строительству электростанции.

7

Начался третий год моего заключения.

Все более зрела во мне мысль об отказе от любой работы. Я решил твердо, что в шахту уже не поеду ни при каких условиях, исходя из следующих соображений: «Я ничем перед Советской властью не провинился, искупать мне, стало быть, нечего; пусть там, в шахте, работают те, кто за собой вину чувствует». И я начал демонстрировать свое халтурное отношение к работе.

На ТЭЦ мы сначала разрушали кирками и ломали какую-то скалу, отвозя на тачках то, что нам удавалось у нее отвоевать. Затем меня послали рыть траншеи, где я неожиданно встретился с Гундабсом. Мы с ним объединились в весьма дружный коллектив и с трудом выполняли одну норму на двоих. На землекопных работах имелась масса возможностей «довыполнять» норму за счет всякого рода приписок вспомогательных работ. Например, увеличение метража переноса земли давало возможность сократить ее разработку и т. д. Благодаря подобным уловкам мы с Гундабсом среди отстающих не были.

В то же время на ТЭЦ прибыл по этапу земляк – бывший крупный партийный работник из Ленинграда, имевший к тому же и инженерную специальность. Через своих знакомых я помог ему избежать шахты и устроиться на компрессорные установки на ТЭЦ. С этим же земляком у меня связано и еще одно интересное наблюдение.

Прошло месяца два, нас гнали с ТЭЦ в лагерь, и я в колонне узнал своего «протезе». Когда нас «обшмонали» и пустили в зону, работяги с гиканьем ринулись через футбольное поле к столовой. В числе первых в этом неофициальном состязании к пищеблоку стремительно мчался и он. Правда, возраст дал о себе знать, и к финишу он пришел далеко не первым. Когда же я вошел в столовую, то меня поразила следующая картина: расталкивая «мужиков», мой земляк рвался к раздаче с миской и ложкой в руках. Вид у него был при этом самый решительный и целеустремленный. Мне стало неловко за него, а вместе с ним и за всю социальную прослойку, к которой он относился. Думалось: «Ну ладно, я на воле фактически ничего собой не представлял. Но ведь он-то вершил судьбы многих тысяч людей! Как же можно опуститься до того, чтобы вести себя хуже простых «мужиков»? Добро бы еще, если бы жрать давали только первой сотне. Нет же, всем дадут, даже последнему...»

Тема интеллигенции в лагере поистине неисчерпаема. Однажды перед работой я стал свидетелем такого случая. Вышли из конторы покурить двое – один из планового отдела, другой из бухгалтерии. Оба пожилые, оба каторжане. Был день 7 ноября 1952 г. И вдруг, обращая друг к другу на «вы», по имени-отчеству, они схватились в рукопожатии, поздравляя друг друга с великим праздником. Помимо всего прочего, их роднило и то, что оба были лагерными провокаторами. Им в равной степени было все равно, поздравлять ли друг друга с 7 Ноября или с днем рождения Гитлера – в зависимости от окружающих условий они были готовы на все. Сам же описанный факт я объясняю для себя холуйской сущностью этих нравственных уродов, которая въелась в них настолько глубоко, что, даже когда начальства не было поблизости и демонстрировать свои верноподданнические чувства было некому, механизм подлости срабатывал автоматически. Я поражаюсь и их отличной памяти: служа стольким господам за свою «интеллигентную» жизнь, они все же не путали ни их самих, ни их праздники. Кстати сказать, именно им впоследствии главным образом и удалось издать книги о жизни в лагерях. В подобных воспоминаниях почти все – ложь, особенно то, что касается нравственного климата в лагерях.

С ТЭЦ месяца через два меня перевели работать на шахту. Однако я сказал нарядчикам, что под землю не полезу. Тогда меня для начала перевели работать на кухню, где я дня два пытался чистить картошку, хотя гораздо больше времени проводил в лагерной студии одного художника – человека своеобразного и интересного настолько, что на «беседы» к нему заходили не только заключенные, но и «вохры». Моя профессиональная непригодность к работе на кухне была столь очевидна, что через несколько дней меня определили в разнорабочие, в бригаде которых я сумел продержаться несколько дольше – целую неделю.

Как-то раз во время сильной пурги нас выгнали на шахту убирать территорию. Я долго сидел в теплом помещении, а затем все же решил выйти к месту работы, прихватив лопату чудовищного размера. Было темно, сильный ветер залеплял снегом все вокруг. Я отошел в сторонку и, засунув обе руки в рукава бушлата, обхватил лопату так, что она полностью закрывала голову от снега и ветра, и долго ходил, напевая про себя, пока бригаду не погнали обратно в зону.

Выгнали меня и оттуда и направили на лесосклад, где я сделался учетчиком. Работа тоже не больно тяжелая, тем более что завскладом оказался земляком, принадлежал к лагерной элите и считался преуспевающим дельцом, насколько это вообще было возможно в лагере. На общей кухне он не питался и ходил в офицерской дубленке, хотя срок имел не менее пятнадцати лет.

Произошло у меня в это время и первое объяснение с начальником Ячегинских шахт, человеком нрава весьма крутого. Я сидел в шахтоуправлении перед работой один на лавке и курил самокрутку. Мимо быстро прошел начальник шахт. Видимо, он торопился, но все же вернулся и рывкнул: «Встать!» Я по-прежнему сидя курил, делая вид, будто не вижу его вовсе. «Встать!!». Сижу. «Встать!!!» – заорал он так, что все присутствующие шахтеры быстро потянулись к выходу из здания заводоуправления. Я сидел.

– Пойдем со мной, – приказал он.

Зашли в его кабинет. Я встал у двери, он снял трубку телефона.

– Я тебя научу уважать советского офицера, – обещал он и вызвал конвой. Потом, уже взяв себя в руки, спросил мою фамилию, где учился. Его прорвало на воспитательные разговоры.

– Вот ты – студент. Знаешь, чем человек отличается от обезьяны? – Так как я молчал, то он сам и ответил: – Тем, что человек трудится.

«Университетов» я тогда не кончал, но уже тогда мне казалось, что главное отличие этих двух близких явлений природы заключается в способности мыслить. Разубеждать, правда, я его не стал.

Пришел конвой.

«Руки назад» – американские наручники захватили мои кисти... Наручники устроены таким образом, что при малейшем движении две стальные пластины хищно вгрызаются в тело.

За свое непочтение к советскому офицеру я получил десять суток БУРа. Посадили меня в камеру с югославом, от него я впервые услышал песню «Санта Лючия», которая пришлась мне очень по душе. Десять суток мы тянули эту песню на два голоса, благодаря чему время пролетело довольно быстро. На пятые или шестые сутки меня вызвал начальник БУРа и начал тонкий разговор о том, что в лагере среди зеков и каторжан много всякой сволочи и что долг каждого честного человека помогать их разоблачать. Я быстро разочаровал его, сказав, что, действительно, сволочи хватает, но со мной на эту тему уже говорили. Меня отправили обратно в камеру.

Меня всегда удивляли предельно простые отношения между лагерниками: сказал, что хотел сказать, не ломая голову; ударил, если в том была необходимость, или даже убил, если это по силам. Последнее было затруднено с 1953 г., когда каждый лагерник расписался в ознакомлении с Указом Президиума Верховного Совета СССР, общее содержание которого сводилось к тому, что «за смерть – смерть». Правда, «урки» продолжали и после резаться.

Мне вспоминается такой эпизод. Однажды я отправился в бухгалтерию лагеря узнать, начислена ли мне зарплата за те несколько месяцев, что я отработал на лесоскладе. Перед входом в здание ждала зарплаты длиннущая очередь работяг. Я подошел без очереди и хотел открыть дверь, но кто-то прижал ее ногой; я рванул дверь сильнее, и вдруг сзади мне кто-то ощути-мо вlepил в ухо. Я обернулся и ударил в свою очередь. Раз пять-шесть мы обменялись «любезностями», потом мне все же удалось пройти в бухгалтерию. Там мне сказали, что зарплата мне еще не начислена, и я ушел. За все это время между мной и людьми, стоящими в очереди, не было произнесено ни единого слова. Если бы зарплату мне начислили, то я непременно встал бы в очередь. Да, столь «естественные» отношения возможны были только в тех условиях...

...После БУРа меня вызвал к себе начальник лесосклада и в форме дружеской беседы стал учить, как мне теперь следует жить. Он сказал, что упор-ственную я совершенно зря и что если буду продолжать в том же духе, то меня попросту заporют. Я возразил, что для того, чтобы человек не превратился в скотину, необходимо придерживаться каких-то принципов, независимо от окружающих условий. В общем, разговор не получился, и мы расстались каждый при своих прежних взглядах на жизнь.

Этот лагерь запомнился мне также и тем, что именно там я пережил первый острый приступ язвенной болезни, постоянно возобновляющейся в последствии.

Там же впервые я встретился с людьми, которые были в заключении с моим братом. Мне рассказывали, что Лева сначала был на Карагандинских шахтах, где его хотели резать бандеровцы, а затем в Кузбассе. Последние к 1953 г. все выше поднимали голову в лагерях в связи с «потерей позиций» воровского мира. Создавались внутрилагерные националистические группировки, ставящие перед собой прежде всего целью упрочение положения землячества в лагере. Особенно это касалось западных украинцев, которых в то время в лагерях оказалось больше, чем какой-либо другой национальности.

Зная интеллигентный (в приличном понимании этого слова) характер брата, я боялся за него: мягкий с людьми, вежливый и честный, слабый физически – что он мог противопоставить железной руке «закона»? Он и драть-ся-то, по-моему, не умел толком, даже ругань матерная и то ему «не шла»...

8

Событие, которое в большей или меньшей мере потрясло всех: смерть Джугашвили-Сталина. Заключенные радовались, вольнонаемные горевали. И тех и других можно было понять. Первые с этой фигурой связывали всю мерзость их поломанной жизни, трагедию личную и своих семей. Другие же, десятилетиями привыкнув поклоняться ей, естественно, отождествляли все успехи Родины с деятельностью узколобого «корифея всех наук». Конечно, это весьма упрощенное объяснение, но в принципе верное. Интересно заметить, что именно в лагерях я впервые узнал от старых коммунистов о Джугашвили как о человеке. В частности, рассказывали о не опубликованном до того времени письме В. И. Ленина, предостерегавшего от назначения «друга всех детей и народов мира» на пост генерального секретаря¹. Чем больше я узнавал, тем более складывалось впечатление о нем как о жестоком, трусливом и подлом человеке, у которого нет ничего святого в жизни и который в течение тридцати лет держался благодаря узурпации власти, массовому террору и созданному им мощному репрессивному аппарату.

В час похорон нам всем приказали встать и стоять, пока будут гудеть гудки. Моя ненависть к «лучшему другу железнодорожников» была столь велика, что мне было плевать на все указания, и я демонстративно направился в туалет, не исключая, что могу получить с вышки пулю.

Никаких перемен в этой связи в нашей жизни не произошло. Тогда заключенные решили изменить эту жизнь сами.

¹ На самом деле В. И. Ленин предлагал «обдумать способ перемещения Сталина с этого места». Такая неточность отражает, скорее всего, уровень тогдашних изустных рассказов о «Письме к съезду», ставшем широко известным лишь в 1956 г. Другие неточности – например, номер пункта 58 статьи, по которой был «осужден» ныне покойный автор, – связаны с тем, что он не имел возможности сверить свою память с закрытыми архивными документами. Однако подобные «сбои» с тексте крайне незначительны и не меняют его сути, а поэтому и не оговариваются в настоящем издании.

Однажды – это было летом 1953 г. – по лагерю пронесся слух, что шахтеры нескольких ОЛПов не вышли на работу. Это было событие совершенно неожиданное и далеко идущее по своим последствиям для всех политических заключенных в стране.

После десяти лет покорной жизни в лагерях (если не считать восстания в двух ОЛПах Воркуты в 1948 г.) работяги вдруг точно проснулись. Практически на всех шахтах были остановлены работы, наш лагерь не был исключением. Эта всеобщая забастовка носила сугубо политический, но не антисоветский характер. Требование было выдвинуто одно: немедленно прислать комиссию ЦК, которой предполагалось изложить просьбу о пересмотре дел.

Весь лагерь жил напряженной жизнью, жадно прислушиваясь к любым новостям, поступающим из других лагерей. Всюду поддерживался обычный порядок, не было никаких анархических выступлений. В рукописных листовках требование бастующих заканчивалось здравицей в честь К.Е.Ворошилова.

Через несколько дней из Москвы прибыла комиссия, в состав которой входил и Генеральный Прокурор страны, ныне Герой Социалистического Труда Руденко.

Побывала эта комиссия и на нашем ОЛПе. За зоной были выстроены войска, мы собрались на футбольном поле. В зону вошли несколько человек, среди которых я неожиданно узнал своего соседа по московской квартире генерал-полковника МГБ Масленникова (через год, когда и до него «дошла очередь», он застрелился).

Масленников заявил, что могут выступать все желающие и свободно говорить то, что считают нужным. Никаких репрессивных мер к ним применять не будет.

Выступило всего семь или восемь человек. Правда, выступления были впечатляющие. Мне запомнилось одно из них. Говорил про себя школьный учитель. Он пошел на фронт добровольно, дослужился до офицерского звания, имел несколько правительственных наград. В одном из боев, будучи тяжело раненным, он попал в плен. Прошел через всевозможные муки, несколько раз пытался бежать. Из плена его освободила Советская Армия, чтобы затем отметить его заслуги двадцатью годами каторжных работ.

Все выступавшие подчеркивали, что отсидели уже по десять лет и только просят пересмотреть их дела. Если окажется, что человек действительно виновен – пусть сидит, если не виновен или вина его окажется незначительной, то он должен быть освобожден.

Масленников выслушал выступавших и покинул зону.

На другой день большая группа заключенных собралась у БУРа; из-за проволок на нас были направлены пулеметы и автоматы. Кое-кто попытался завязать разговор с солдатами, и вдруг раздались выстрелы. Рядом со мной упал каторжанин с развороченным черепом и выплывшими мозгами.

Мы разбежались кто куда, но несколько человек были убиты. В тот же день настоящая трагедия произошла на сороковой шахте, находившейся недалеко от нашего лагеря.

Основные силы были стянуты туда, и через колючую проволоку было расстреляно несколько сот человек в присутствии Руденко. Затем на территорию зоны въехали пожарные машины и смыли кровь. Остальных подвер-

гли «чистке»: кому добавили срок, кого отправили в штрафные лагеря, других разбросали по разным ОЛПам.

При распределении у стола каждого опера сидели лагерные провокаторы и условными знаками показывали, кого из заключенных направлять в ту или иную группу.

В нашем лагере на следующий день состоялись похороны убитых.

Перед гробами на футбольном поле прошел весь лагерь. Назавтра все бригады вышли на работу. Выступавшие перед комиссией были посажены в БУР и затем их куда-то этапировали.

Началась чистка и у нас. Вместе с бригадой пошел на развод и я. Однако при проходе через пропускной пункт меня изолировали. Таких, как я, наиболее опасных элементов, по соображениям лагерного начальства, отобрали человек двести, вывели за зону и приказали сесть на землю. Кругом, со всех четырех сторон, выстроились солдаты с автоматами, расставили пулеметы. Пронесся слух, что нас расстреляют. Потом подогнали крытые машины, погрузили нас в них. По-разному вели себя люди: одни плакали, другие причитали, что не виновны, третьи молились; большинство просто настороженно молчало.

Ехали мы несколько часов. Наконец машины остановились, нам приказали выходить. Привезли нас в несколько необычный лагерь, в котором бараки были отделены друг от друга ограждениями и имели самостоятельную систему охраны. В один из таких барачков загнали нас. Несколько дней мы просидели взаперти с одной прогулкой под усиленной охраной. У одного зека оказался «план», и мы изрядно «подкурили». Я лежал на нижних нарах, было темно, и у меня начались галлюцинации: на темном фоне возник вдруг скелет кошки со светящимися глазами, потом кошка стала собакой и т. д.

Потом в барак вошел какой-то начальник, все построились. Он внимательно оглядел нас и вдруг неожиданно спросил:

– Мужики, работать хотите?

– Конечно, гражданин начальник! – дружно и радостно отвечали мужики.

Нас снова рассортировали и развезли кого куда, я же попал в особый – штрафной – лагерь неподалеку от шахты «Капитальная». В штрафняке я твердо решил отказываться от каких бы то ни было работ, и из семи или восьми месяцев, что я там находился, шесть провел в БУРе и карцерах.

Вначале меня определили в шахтерскую бригаду. Когда за мной пришел нарядчик, я отказался выйти на вахту. «Умных» по лагерю набралось десятка два. Прямо с вахты их закрыли в БУРе, где «вохровцы» провели с ними первую профилактическую «беседу». Меня посадили к ним только наутро, благодаря чему «беседы» я избежал.

Прошло два дня. Нам, «отказчикам», предложили выйти на работу. Предложение было встречено с энтузиазмом – очевидно, аргументы «вохры» с первого раза показались вполне убедительными.

Ежедневно нас выводили на работу за зону, где мы рыли какие-то траншеи у поселка вольнонаемных. Я в этом, правда, не участвовал, но присутствовал, и несколько дней мне сходило это с рук.

Обычно я садился у костра, кирку или лопату бросал рядом, грелся и часами наблюдал за жизнью поселка. В нашу бригаду попал «урка», видимо «сука», а поскольку по их «кодексу» он мог работать только старшим над

«мужиками» (у «честняг» – наоборот) или не работать вообще, то он составил мне компанию.

Лето уже проходило, но было еще довольно тепло, кое-где зеленели кустики и хилая трава. Свобода была рядом и в то же время бесконечно далеко. Я думал: «С каким наслаждением прошелся бы сейчас по тундре без «вохры» и без собак! Какую радость может доставить эта блеклая, невыразительная природа!»

Интересно, что чем тяжелей условия жизни, тем отчаянней, как правило, человек борется с ними, тем острее ощущает красоту этой жизни в таких проявлениях, которых «на воле» и не замечает... Иногда мне казалось, что любовь к жизни во всех ее самых обыденных проявлениях наиболее полно и быстро может быть «привита» в лагере. Вероятно, если бы каждый прошел через это, прошел в виде хотя бы полуторамесячной «стажировки», то меньше было бы пустых трагедий и самоубийств из-за склочных соседей, отсутствия детей, ссоры с любимой или любимым и т. д. Ведь даже простая ветка зелени без орнамента из тюремных стен, без охраны и без алчущих сожрать тебя собак может доставить потрясающее нравственное и физическое наслаждение!.. Подобные мысли не покидали меня на всем протяжении тех лет, что я провел в заключении.

Однако особенно острыми, на грани сердечной боли, становились горькие размышления, когда вблизи от места нашей работы вдруг появлялась вольная женщина. Интересно, что, независимо от внешних данных «дамы», все тотчас же бросали работу и глазели на нее, пока не теряли из виду. Обычно в таких случаях долго молчали или восхищались, горестно вздыхая, и только потом, как своеобразная реакция на вопиющее несоответствие желаний и возможностей, начинались разговоры о том, что все бабы – стервы и т. д.

...Был обычный день: работяги трудились, мы с «уркой» сидели у костра; зато конвой подобрался сознательный. Обычно «вохры» считали, что если в зону возвращалось столько же человек, сколько утром уходило на работу, то свои обязанности они выполнили. Этот же конвой тем не ограничился: то ли скучно им стало, то ли надоели двое лоботрясов у костра, но, как бы то ни было, они сообщили о нас в ОЛП.

Мы заметили, как из вахты шахты быстро вышло несколько солдат во главе с офицером и направилось в нашу сторону. «Урка», прихватив свою лопату, скатился в траншею. Вверх стремительно полетели комья земли, так что минут за пятнадцать он сделал больше, чем за несколько предыдущих дней.

Я продолжал сидеть у костра. Офицер подошел к начальнику конвоя, что-то спросил, и тот недвусмысленно показал на меня.

– Иди сюда!

Я взял кирку в руки и пошел прямо на него. Когда нас разделяло метров десять, офицер крикнул:

– Брось кирку!

Я отбросил кирку через себя – офицер сделал при этом шаг назад.

– Повернись! Руки назад! – И наручники, будто соскучавшись и проголодавшись, жадно охватили мои запястья.

Толчок в спину. «Пошел, фашистская морда! Мы тебе, б..., сейчас веселую жизнь устроим!» Я обернулся к солдату и спросил: «Послушай, а ты знаешь, кто такие фашисты?»

Ответ был по существу: «Ты что мне тыкаешь?» – «А ты что мне тыкаешь?». На этом наша содержательная беседа прервалась, и меня ввели в производственную зону.

Я был поставлен пред ясные очи начальника БУРа. Когда меня поставили перед его столом, он читал какую-то книгу. Начальник мрачно взглянул, встал и подошел ко мне сбоку, засучив рукава. Я сделал вид, что совершенно не обращаю на него внимания, а сосредоточенно якобы смотрю в книгу на столе. Он резко замахнулся, и только тогда я быстро перевел взгляд. Мне было уже на все наплевать: я заранее решил, что если он ударит, то и я, хотя бы ногой, его достану. Что со мной сделают потом, меня не волновало. Получилось иначе: он опустил руку, выматерился и распорядился запереть меня в одиночку.

После того мне дали месяц содержания в БУРе без вывода на работу, и меня снова прихватил приступ язвенной болезни, который я в БУРе и перенес. Единственное, что нас спасало в этом заведении, были бесконечные разговоры о женщинах: кто, где, когда и как «осчастливил» какую-либо из них. Ни о политике, ни о том, кто и за что сидит, никогда не велось разговоров – это просто вовсе никого не интересовало (...).

Когда-то, в середине сороковых годов, у заключенных в этом отношении были значительно более благоприятные возможности. Бывало, что они жили в одной зоне с женщинами-заключенными и, несмотря на известные трудности, могли все же убедиться в том, что женщина и в зоне остается женщиной. Иногда они даже трудились вместе. Известно, что в тяжелых лагерных условиях того времени, когда смертность среди заключенных была очень высока, женщины переносили физические лишения и нелегкий труд лучше, нежели мужчины.

Конечно, и здесь нравы были весьма простыми. «Выламываться» было ни к чему, да и некогда, все было проще, чем, вероятно, даже при первобытно-общинном строе.

Впоследствии все изменилось в связи со строгой изоляцией заключенных мужчин от заключенных женщин. В женских лагерях процветали онанизм и лесбиянство, в мужских – все противоестественные формы полового удовлетворения: все, что летало, прыгало, плавало и передвигалось, – все годилось в качестве объекта этих устремлений (...).

Я уже не говорю о том, что педерастия считалась среди лагерников почти нормальным явлением.

На «штрафняке» я довольно близко сошелся с ворами. Сошлись мы по многим причинам: во-первых, это были люди в основном смелые, а смелые люди мне всегда нравились; во-вторых, так же как и я, они ни перед кем не заискивали, а в-третьих, так же плевали на работу.

Была и еще одна причина. Во время одной из отсидок в БУРе я повздорил с «руководителем» бандеровской группировки, и если бы не могучий двухметровый венгр, с которым я подружился в камере, то мне пришлось бы плохо: в камере было большинство бандеровцев. Однако меня предупре-

дили, что, как только я выйду в лагерь, меня заперют. Незадолго до этого в лагере как раз была небольшая резня и, несмотря на Указ, были убиты два человека.

Обстановка в зоне была довольно накаленной, и мы заблаговременно изготовили длинные стальные шила с деревянными ручками.

Конечно, те воры, что оказались в «штрафняке», не были «королями» в известном смысле, то есть людьми вооруженными, имеющими личную охрану, собственную шестерню и т. д. Один из таких «королей» мне запомнился по Ячегинским шахтам.

На нарах, как «фраера», он не жил – в бараке у него была собственная кровать; работой он себя не утруждал и на общей кухне не питался. Работяг никогда не трогал, а быть каким-то начальником ему запрещал «кодекс честных воров».

Однажды новенький молодой «вохровец» пришел в барак, где он жил. Все вскочили со своих мест, за исключением, разумеется, «короля», который продолжал возлежать на кровати. «Вохровец» начал было какое-то правоучение, но тот рывкнул так, что охранник с трясущимися губами выскочил из барака.

Когда через некоторое время в барак вошли человек десять надзирателей во главе с офицером, вор сидел за столом, опустив руки. Как только солдаты приблизились к нему, он быстро вскинул обе руки с ножами. Воткнул ножи в стол перед собой: «Ну что, б..., сразу всех пороть или поодиночке?» Офицер, знавший, с кем имеет дело, стал уговаривать «короля» добровольно сдать оружие, обещав при этом, что ему «ничего не будет». Тот согласился, они мирно прошли в БУР, где на вора надели смирительную рубашку.

Вспоминается еще один небольшой пример. Производилась инспекция лагерей комиссией «Воркутлага» во главе с генералом. Проходя мимо строительного участка, члены комиссии обратили внимание на двух праздных воров, сидевших у костра. Генерал приказал им встать. В ответ на это один спокойно заметил: «Знаешь, начальник, где я тебя видел?» Генерал выхватил пистолет и застрелил зека. Затем навел пистолет на другого: «Ты что, тоже меня видел?» Этот вор упал на колени и стал просить о пощаде.

9

Наступил четвертый год моего заключения.

Мысль о побеге я все не оставлял, и в «штрафнике» у меня вскоре нашелся единомышленник. Впрочем, наши планы не были столь серьезны, как некогда на «Капитальной», так как здорово мешали мои регулярные отлучки в БУР и карцеры.

Перед последней отсидкой я примерно неделю болтался в жилой зоне. Как-то днем я зашел в столовую пообедать. Народу было мало. На второе, как всегда, давали кашу. Я подошел к раздаче, и здоровенный югослав кинул мне в миску ложку каши, а «масло» – темную жидкость неизвестного происхождения – положить забыл. Я было напомнил ему, но тот только послал меня куда подальше, прибавив нечто уже совсем обидное. Я рванул дверь в поварскую, но дверь была заперта.

Вечером, перед проверкой, я разыскал железную палку и, спрятавшись за бараком, ждал, когда надзиратель вернется. Его долго не было, в барак уже прошел надзиратель, и мне пришлось зайти за дежурным.

Пока будили рабочих и стаскивали их с нар для построения, югослав вернулся, прошел на свое место и сел, заложив ногу за ногу. Я подошел к нему и спросил: «Ты кого, нерусская твоя рожа, послал?» Он нагло посмотрел на меня и небрежно бросил: «Тебя». В тот же момент снизу вверх я ударил его в подбородок. Он стукнулся головой о стенку, вскочил, и началась драка. Услышав шум, надзиратель направился в нашу сторону, и мы разошлись.

На следующий день в столовой я получил тройную порцию «масла»...

В тот же день был еще любопытный момент: один каторжанин сказал, что видел меня во сне в желтых ботинках и что, значит, вскоре я выйду на свободу. Я только улыбнулся.

Наутро меня вызвал кум лагеря. «Работать будешь?». Я прямо ему сказал, что отказываюсь вообще от какой-либо работы.

Мне «выписали» месяц БУРа. Я отсидел. Затем снова вызвали, и снова спросили, не передумал ли я. На этот раз я получил уже десять суток карцера.

В маленькой камере на голом цементном полу с выбитым окошком, благодаря чему воркутинская зима ощущалась во всей ее прелести, нас сидело несколько человек. На день оставляли только нижнее белье и штаны, а на ночь выдавали телогрейку. Кормили тоже не лучшим образом: в день пару мисок воды и небольшой кусок хлеба.

На четвертые или на пятые сутки заключенный, мывший в коридоре пол, шепнул в камеру: «Вознесенского на этап». Я даже обрадовался, так как в «штрафнике» сидел «глухо».

Действительно, вечером перед проверкой меня выпустили, и я вернулся в барак.

Началась проверка, пришел новый надзиратель, только что прибывший в ОЛП. Нас построили, я стоял в первом ряду.

– Вот вы, б..., фашисты, – обратился он к нам, – все, суки, лаете Советскую власть, а сегодня одного вашего освободили.

Новость была совершенно потрясающей. Такого не помнили даже старые заключенные и каторжане. Иногда, правда, по амнистии освобождали «бытовиков» – воров, убийц, спекулянтов; политических это никогда не касалось.

У всех на губах был один вопрос: кого освободили? Надзиратель, поморщив лоб, сказал:

– Да хрен его знает... фамилии не помню. Молодого пацана, который все в БУРе сидит.

Ему тут же назвали мою фамилию, и он подтвердил, что имел в виду именно меня. Я не поверил, опасаясь какой-нибудь провокации, и сказал:

– Начальник, не пудри мозги! Если тебе меня посадить надо, то сажай.

– Да нет, – убеждал он меня, – я тебе правду говорю...

В голове все перемешалось, я стоял ошалевший. После проверки он взял меня с собой, и мы зашли в дежурную, где было полным-полно надзирателей – сверялись результаты проверки по лагерю.

Я вошел, ни с кем не здороваясь. Ко мне подскочил детина в погонах и, замахнувшись, заорал: «Сними шапку!». Я стоял молча и не глядя на него, и вдруг из соседней комнаты послышался чей-то голос:

– Не тронь его, он уже вольный...

Спалось мне в ту ночь плохо. Я далеко не был уверен в том, что меня вот так просто освободят – в глазах местного начальства я был законченной «контрой» и в то же время думал об угрозах со стороны бандеровцев.

На другой день мне зачитали бумагу о том, что Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело по моему обвинению, признала отсутствие состава преступления, а потому я считаюсь реабилитированным. При пересмотре дел, начатом с 1954 г., в первую очередь были реабилитированы так называемые «чэсээры» – члены семьи репрессированных, так как беззакония в их отношении были наиболее очевидны.

Прошли сутки, вторые, третьи, а меня все никто не вызывал, и я целые дни болтался без дела по лагерю.

Как-то в зону неведомыми путями пробрался олененок, и от скуки я стал за ним гоняться. Это увидел начальник лагеря и приказал привести меня к нему. Как только я вошел, начальник начал по привычке орать. Я же его далеко-далеко послал. «Как так?» – опешил он. «А так, – говорю, – вольный я». Довод был, видимо, столь убедительный, что он замолчал и задумался. И тут я, воспользовавшись неожиданной встречей, спросил у него, почему, несмотря на решение Военной Коллегии, меня все еще не выпустили. Он ответил, что по моему делу «Воркутлаг» разговаривает с Москвой. Видимо, уж очень не хотелось местным властям со мной расставаться.

Тогда я попросил его, чтобы меня посадили в одиночку, пока все не выяснено, поскольку в лагере мне из-за угроз бандеровцев находиться небезопасно. «Как же я могу тебя посадить?» – удивился начальник. – Ты же вольный!». Вольный-то вольный, да больно странная моя воля получается: прошу посадить – не сажают, выпустить прошу – тоже не выпускают...

В таком двусмысленном положении я находился еще несколько дней. Спал, подложив под руку шило.

Наконец мне предложили «собирать вещи». Собрался я довольно быстро, поскольку вещей, за исключением того самого синего одеяла, у меня не было. Хотели было мне дать денег, но бухгалтерия предоставила справку, что я не только не заработал ни копейки денег, но еще и остался должен за свое пребывание в лагерях. Заключенным я оказался совершенно нерентабельным и даже подрывающим устои хозяйственного расчета.

Прощались со мной хорошо: лагерники, вероятно, потому, что мое освобождение связывали с близкой «всеобщей свободой», а начальство... Тут я теряюсь в догадках. Предлагали остаться, обещали даже работу, но я вежливо поблагодарил и отказался.

Мне выделили отдельный конвой и переправили на соседние шахты 9–10. Там я проболтался еще сутки. Меня приятно поразило теплое отношение ко мне заключенных и каторжан в этом лагере: собрали на дорогу денег (хотя я и отказывался), а доктор Тульчинский – тоже ленинградец, добрейший человек, по характеристике лагерников, – дал мне свою лохматую шапку из непонятного зверя.

Последнюю ночь я почти не спал, размышляя уже о будущем. Я твердо решил, что если освобожусь, то уеду в самый глухой колхоз, наймусь ноч-

ным сторожем, возьму за себя бабу потолще и буду валяться с ней целыми днями на печке. Я искренне думал, что так оно и будет, да и мысли подобные не были оригинальны. Я знал немало людей, рассуждавших таким же образом. Более того, бывали случаи, когда некоторые заключенные, отсидев свой срок, отказывались выйти на свободу. Длительное заключение, потеря семьи, привычка к размеренному ритму жизни в лагере, гарантированная пайка, клеймо «врага народа», неприспособленность к «вольной» жизни – вот, думается, главные причины таких труднообъяснимых поступков.

Наутро мне замазали черной краской номера на телогрейке и на ватных штанах и в таком виде вывели за ворота. Там меня ждали два автоматчика, которые под конвоем же повели меня в управление «Воркутлага», находившееся в городе.

Я невольно вспомнил пророчество майора перед воротами «Капитальной» и слова старого каторжанина об «академии жизни». «Академия» действительно выдалась на славу. И язва, и первые седые волосы – все ерунда по сравнению с приобретенным взглядом на жизнь. Впоследствии я никогда не жалел об этом, потому что это, наверное, не самая лучшая, но все же форма познания жизни – самого стоящего и прекрасного, чем природа одарила человека.

Вспомнился и спор о принципах с моим земляком. Через ненависть к «грязи» жизни, подлости, предательству и трусости, злобе, жадности и хамству я вынес твердые убеждения о красоте жизни и любви к свободе, честности и мужеству, о настоящей доброте и скромности. К ним я пришел не умственным путем – эти убеждения были выстраданы в моральной и физической борьбе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

В управлении мне лучезарно улыбалась женщина, в которой я узнал начальника спецчасти лагеря шахты «Капитальная». Она выдала мне временное удостоверение о том, что я содержался в тюрьме, а теперь освобожден.

– Так что, я больше не враг народа? – спросил я.

– Ладно, ладно, хватит трепаться, – ответила она. – Иди-ка лучше сфотографируйся и принеси мне фото.

В поисках срочной фотографии я набрел на пивную, где выпил стакан водки. Жизнь показалась мне еще краше; я уже позабыл о пределе мечтаний – стать ночным сторожем в колхозе, а думал о том, как бы скорее добраться до Ленинграда, где у меня была мать.

Когда я принес фотографии, в том же управлении я повстречал притихшую и измученную женщину. Как выяснилось, ее тоже освободили, сидела она как жена одного партийного работника, осужденного по «ленинградскому делу». Вещи у нее были еще в лагере, и я предложил ей помочь их перенести.

На вокзале мы взяли билеты, причем с ее билетом оказалось что-то не в порядке. До отхода поезда оставались считанные минуты, когда я побежал на станцию к кассиру.

Перед кассой оказалась большая очередь, все билеты продавал один кассир, и я попросил разрешения задать вопрос без очереди. Вместо согласия мне дали по физиономии, пришлось отвечать тем же; я сразу оказался у кассы, выяснил, что было нужно, потом успел посадить женщину на поезд, сел сам. Правда, при этом я потерял свой багаж, состоявший из одеяла, но это только окончательно развязало мне руки.

Я забрался на верхнюю полку и уснул... Ночью меня разбудил военный патруль. Рядом стоял бдительный проводник. Я протянул свое удостоверение, и больше меня никто не беспокоил до самого Ленинграда.

В Ленинграде первым делом помчался на Васильевский остров к матери. Вид у меня был импозантный: бритая голова, огромная мохнатая шапка, старая телогрейка и ватные брюки, в которых я провел несколько месяцев в лагерях и тюрьмах. Костюм довершали лагерные ботинки. Соседка, Софья Ефимовна, милый и добрейший человек, как и вся ее семья, встретила меня очень радушно. Они рассказали, что мать арестовали в том же 1950 году, и с тех пор от нее нет никаких вестей. Мне предложили всяческую помощь, но было неудобно их стеснять – они и так вчетвером жили в одной комнате. Я поблагодарил их и пошел к тетке, которая тоже жила на Васильевском. И там меня хорошо встретили и всячески обласкали, но и там было отменно тесно.

Я вышел от них, раздумывая, что же делать дальше и куда мне податься.

Решил пойти к своему школьному приятелю, «племяннику» Володе Прозоровскому. Там я был встречен так тепло, что до сих пор не могу забыть этого приема. Мне было непонятно, как можно было принимать такое участие в судьбе практически чужого человека. Чтобы не повторяться, замечу, что такое отношение ко мне обнаруживалось всюду, куда бы я ни приходил по своим неофициальным делам. Конечно, обязан этим я часто был прежде всего светлой памяти о моем отце.

Несмотря на мое сопротивление, Володя отдал мне свой костюм, пальто и ботинки. Мы собрали все «семейство» и решили отметить встречу в ресторане «Москва».

Все было бы очень неплохо, но случилась драка – не по нашей вине, подрались вначале «дамы», а нам уже потом пришлось принять участие в конфликте. Мне ни в коем случае нельзя было попадать в милицию, поскольку там могли бы сделать далеко идущие выводы обо мне как о только что освобожденном из заключения. Нам удалось исчезнуть только перед самым прибытием наряда.

За несколько дней, которые я провел в Ленинграде, побывал я и в семье одного академика, дочь которого была хорошо знакома со Львом и которая, как выяснилось позже, помогала ему во время заключения. Потом пришла телеграмма из Горького от (...) сестры матери – Лидии Васильевны, добрейшего, умнейшего и вообще замечательного человека – о том, что Льва тоже освободили и он едет в Горький.

Я сразу же выехал (...).

Приехал брат. Целый вечер мы провели вместе, пересказывая друг другу пережитое за эти годы. Я вспомнил, что слышал, как его допрашивали в

Лефортовской тюрьме. Оказывается, горячий спор касался отца. Лев выразил твердую убежденность в его невиновности, на что следовательно, взорвавшись, закричал:

– Твой отец тоже смеялся нам в лицо в течение полутора лет, когда мы называли его врагом народа!..

Там же Лев, пытаясь привлечь внимание к судьбе отца, разрезал руку и кровью написал письмо Сталину. Результаты известны...

Через день мы с братом выехали в Москву.

Еще через неделю его восстановили в партии, в университете и дали комнату в общежитии на Стромынке. Меня же в течение двух месяцев в институте не восстанавливали, а предлагали с начала нового учебного года поступать на общих основаниях. Все это время я жил у разных знакомых брата (...).

По распоряжению ЦК партии я был восстановлен на первом курсе финансового института. За полтора месяца я сдал семнадцать экзаменов и зачетов и был переведен на второй курс.

В это же время я совершенно случайно встретил жену Николая Алексеевича – Марию Андреевну. Она меня узнала, я ее – не сразу, потому что она сильно поседела и выглядела пожилой женщиной. Она рассказала, что ее тоже реабилитировали.

Наш общий день рождения в апреле мы с братом отметили в его общежитии. Лев практически не пил, я же «нагрузился» весьма основательно и решил ехать к себе в общежитие – в город Бабушкин, находящийся недалеко от Москвы. Каким-то образом я сумел сесть в автобус и сразу же уснул на последнем сиденье.

Проснулся я от того, что почувствовал, как с меня снимают новенькие часы и одновременно чья-то рука лезет в карман, где были деньги.

Я открыл глаза. Передо мной – четверо парней. В автобусе пусто, мы ехали уже за городом, а кондуктор ушла к шоферу.

Незадолго до того времени «бытовикам» была объявлена амнистия, и жизнь в Москве стала значительно беспокойней.

Я понял, что имею дело «с урками». «Здорово, дети, – жизнерадостно приветствовал я их, – что, на дармовщинку напали?»

Мне предложили выйти. Они остановили автобус, и мы вышли на безлюдное шоссе. Один из них изящным жестом вынул из бокового кармана финку.

– Ну что, потолкуем?

И тут я его удивил.

– Слушай, сопляк! Когда ты, кусок педераста, сифилисная твоя душа и пр., и пр., придешь к себе домой, покажи своей бабке эту пику – она точно лапки кверху поднимет. Часы и деньги возьмишь, когда меня запорешь!

Короче говоря, они узнали во мне «своего», мы перекинулись парой фраз, этим все и закончилось. Больше всего удивило моих новых знакомых, что я, оказывается, еще и студент. Последнее, по их мнению, было совершенно несовместимо с моими относительно обширными познаниями о лагерной жизни. При этом я вовсе не пытался представить себя вором (или, как говорят, хилить за уркагана).

В первые месяцы после освобождения у меня удивительным образом напрочь отсутствовало чувство страха. В то время мне казалось, что человек, не знающий тюрем и лагерей, не представляет для меня ни малейшей опасности, даже если он не один. Я смело ходил повсюду, забирался в самые опасные места, где теперь бы, честно признаться, оказаться не пожелал бы.

Вскоре нас с братом вызвали в Военную Коллегию, где сообщили, что пересмотрено дело по обвинению нашего отца в измене Родине и что в связи с отсутствием состава преступления он посмертно реабилитирован.

Позднее, в 1954 г., мы были приглашены в Центральный Комитет партии, где нам рассказали о поведении отца во время следствия. Показали более девяносто талонов на отправление его в карцер и сообщили некоторые другие подробности.

Ничто не могло сломить воли отца, погибшего с гордо поднятой головой...

Решения о реабилитации были приняты и в отношении Николая Алексеевича и Марии Алексеевны.

Когда в 1950 г. Николая Алексеевича вместе с другими государственными и партийными деятелями «судили» в Ленинграде, то некоторые измученные морально и физически признавали себя английскими, французскими, любыми другими шпионами¹. Николай Алексеевич был одним из немногих, кто своей «вины» не признал.

С первых дней пребывания в Москве мы с братом начали хлопотать об освобождении матери. Сложность была в том, что она формально была осуждена не как «чэсээр», а по другой статье. Лишь месяца через три после нашего освобождения мать вышла из заключения совершенно больной. Надо знать ее, чтобы представить, как – не за страх, а за совесть – она работала эти годы на самых тяжелых работах, в том числе и на лесоповале.

В Ленинграде матери предоставили комнату. Лев сказал, что кто-то из нас должен жить с матерью. Так было решено, что я переведусь в Ленинградский финансово-экономический институт. Уговаривать меня и не нужно было, так как города лучше Ленинграда для меня не существует (...).

Я никому ничего не рассказывал, но еще целых десять лет почти ежедневно сны возвращали меня в прошлое. Сюжет, как правило, был один и тот же: я бегу, за мной погоня, меня ловят. Днем я был на воле, ночью возвращался в лагерь, и своей реальностью и однообразностью эти сны здорово выматывали душу.

Летом 1954 г. я с женой переехал жить к матери в Ленинград, и нас зачислили на второй курс Ленинградского финансово-экономического института, которому впоследствии было присвоено имя Николая Алексеевича. Нам помогли – выдали деньги, мне предоставили бесплатную путевку в санаторий на юг, назначили пенсию за отца на время учебы в институте.

В том же году состоялся суд над бывшим министром Госбезопасности Абакумовым и старшими следователями следственной части этого министерства. Суд происходил в Доме офицеров на Литейном проспекте – в здании, где только четыре года назад они судили Н.А.Вознесенского, А. А. Куз-

¹ Редкий пример существенной ошибки автора, порожденной недоступностью архивов во время создания его воспоминаний: *таких* обвинений им на так называемом процессе не предъявлялось.

нецова, Я. Ф. Капустина и других партийных и государственных деятелей, проходивших по «ленинградскому делу».

Ни один из этих законников, включая самого министра, не имел даже среднего образования. Самый «образованный» из них закончил семилетку.

Но высшей категории дипломы могли быть выданы этим людям как профессиональным убийцам, палачам, изуверам. Свидетели (например, бывший Главный маршал авиации Новиков, назначенный в тюрьме клопомором) приводили такие факты ведения «следствия», по сравнению с которыми опыт немецких фашистов казался детской забавой. От своих учителей не отставала и мелкая шушера. Еще в лагерях я не раз слышал о крылатой фразе следователей: «А хрен с тобой – виноват ты или нет. Мне главное – звезду получить. Раз попал, значит, уже не выйдешь».

Для того чтобы «попасть», нужно было совсем немного.

1972

* * *

Март – месяц рождения моего отца. В марте 1990-го Ленинградский университет отметил девяностолетие со дня его рождения. В зале заседаний Ученого совета, где проходило это мероприятие, на сцене стоял большой портрет отца, красивого седого человека, блестящего лектора (по словам его современников), бывшего декана экономического факультета, затем ректора университета. Ко мне подходили люди, выражавшие сочувствие, и я невольно думал: «А каково было моему отцу во время нахождения в тюрьмах, где он провел более года своей жизни?» Моя жизнь по сравнению с жизнью отца и его родственников – ничто...

Место, где отец был расстрелян (или замучен), нам неизвестно по сей день.

Через год мне уходить на пенсию. И хотя до сих пор мне удалось выпустить в свет пять научных монографий, я никогда не волновался так, как сейчас, когда эта рукопись находится в издательстве. Я думал, что издание ее возможно только не в нашей стране. Однако, как я отмечал в начале, времена меняются. И я считаю, что моя жизнь завершена, если сумею издать эти записки, потому что они будут небольшим памятником моему отцу, светлой памяти которого я их посвящаю...

1990

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОМ¹

С. М. Фирсова, профессор

МОЙ ГЛАВНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Есть привычное понятие – Первый учитель. Он у большинства из нас в памяти. Это тот, кто вводил нас в чудесный мир знаний, учил основным навыкам: читать, писать, понимать прекрасное. Но сейчас, когда я вспоминаю об Александре Алексеевиче Вознесенском, мне приходит другое определение – Главный учитель. Это мой самый Главный учитель, воздействие яркой личности которого я испытываю всю жизнь.

Нравственные и этические позиции А.А.Вознесенского, его поведение, особенно в труднейшие, трагические периоды жизни, были для меня образцом. Я часто соотносила свои поступки с тем, как поступал или как поступил бы в аналогичных ситуациях Александр Алексеевич. Иногда я ловлю себя на мысли, что проецирую его возможные оценки на себя.

А.А.Вознесенский ушел из жизни очень молодым, еще полным сил и ума. Его 50-летие тепло, искренне, по-дружески отмечалось в университете. Он был назначен министром просвещения РСФСР и уезжал в Москву, мы его провожали. С ним прощались его соратники и ученики, прошедшие рядом годы войны, ленинградской блокады и послевоенного восстановления. Никто не думал тогда, что мы прощались с ним навсегда. А через два года он трагически погиб. Сегодня я намного старше его, но и сейчас я смотрю на него как на мудрого, умного, видящего дальше, понимающего и знающего больше, доброго и отзывчивого человека.

Александр Алексеевич был человеком исключительного обаяния. Стройный, красивый, скромно и со вкусом одетый, с добрыми глазами и приветливой улыбкой, он всегда был готов помочь в работе, делах, беде. Это притягивало к нему людей разного возраста и положения – от сотрудников кафедры политической экономии ЛГУ, которой он заведовал с 1939 по 1948 г., до студентов.

А.А.Вознесенский был по-настоящему демократичным. Его посещения общежитий или занятий, осмотры помещений, в которых работали, учились, жили студенты университета, не были формальными, не нагоняли страху в ожидании последующих мер и не вызвали стремления приукрасить истинное положение вещей. Это были посещения человека, желавшего увидеть подлинную ситуацию и в случае необходимости готового помочь, направить, принять непосредственное участие, чтобы изменить ее к лучшему. Потому-то столько людей обращалось к нему со своими нуждами и текущи-

¹ Предлагаемые воспоминания написаны авторами в 1988 г. для книги «А. А. Вознесенский – ученый, государственный и общественный деятель, человек». По стечению обстоятельств, книга, уже подготовленная издательством ЛГУ к печати, в свет не вышла. Публикуются впервые.

ми делами, уверенные, что Александр Алексеевич поймет, поможет, найдет выход из затруднения.

Впервые я увидела А.А.Вознесенского в 1938 г., когда стала студенткой исторического факультета Ленинградского университета. Тогда политическую экономию мы начинали изучать с первого курса. В аудиторию вошел подтянутый, седеющий, но моложавый человек, с мужественным и добрым лицом. Уже внешним видом он привлек к себе внимание. А когда начал читать лекцию, мы прониклись еще большим интересом и уважением к нему.

Лекции по политической экономии читались для всего курса (это более 300 человек) в лектории истфака, расположенном амфитеатром. Лектора отлично было видно и слышно с любого места, и лектору мы все были видны хорошо. На лекциях – тишина. Читал А. А. Вознесенский очень увлеченно. Четко, понятно и доступно излагал он основные положения «Капитала» К.Маркса. И мы, первокурсники, постигали логику этого великого произведения. Александр Алексеевич объяснял, что познание общественных явлений идет от частного к общему, от явления к сущности, и что К.Маркс излагает предмет политической экономии от сущности к внешнему явлению, от простого к сложному.

Его лекции были пронизаны страстной увлеченностью марксизмом, теорией пролетарской революции. И он показывал нам, как нужно защищать марксизм от любых посягательств, как важно распознать и дать отпор идеологическим противникам марксизма. Делать это А. А. Вознесенский умел артистически, очень убедительно, и я думаю, что большинство преподавателей политэкономии, прошедшие его школу, не могут оставаться равнодушными и вступают в бой с любым отходом от марксизма.

Лекции по политической экономии были для нас праздником. Интересно было следить за развитием мысли лектора, захватывала открывающаяся возможность понять стройную экономическую теорию Маркса. Манера излагать материал, интонации, увлеченность самого А. А. Вознесенского, во время брошенная шутка держали студентов два часа лекции в неослабевающем напряжении, и нам не хотелось отвлекаться. Мы вслушивались, старались усвоить и записать все как можно подробнее. Записи этих лекций очень ценились студентами, сохранялись многие годы. Их брали у нас даже студенты пятого курса для подготовки к госэкзаменам по политической экономии.

А. А. Вознесенский был прекрасным педагогом, обладал отличной методикой. И многие мои сокурсники, оставшиеся в живых после Великой Отечественной войны и ставшие преподавателями политической экономии, использовали в своих лекциях приемы, манеру и примеры А. А. Вознесенского.

К концу второго курса, в 1940 г., на историческом факультете ЛГУ объявили о создании двух отделений: философского и экономического (впоследствии они превратились в самостоятельные факультеты). Увлеченных политической экономией после лекций А.А.Вознесенского было так много, что деканат имел широкие возможности для отбора студентов. На экономическое отделение большинство из нас шло с энтузиазмом, сохранив этот энтузиазм и в дальнейшем.

При организации экономического факультета Александр Алексеевич был назначен деканом. Это был очень активный декан. Мы часто видели его в аудиториях и общежитиях, беседующим со студентами в перерывах между занятиями, интересующимся, как поступает литература в факультетскую

библиотеку и каковы условия для работы в кабинетах. Проблемы дисциплины, т.е. посещаемости и опозданий, тогда не было. И не только потому, что мы учились с большой ответственностью. Мы жили в довольно трудных материальных условиях, очень нуждались в стипендии, а ее давали при наличии 75% «отличных» и 25% «хороших» отметок.

Декан А.А.Вознесенский приучал нас к самоуправлению: общественные организации самостоятельно решали многие вопросы жизни студенческого коллектива и на факультете, и в общежитии, касающиеся и учебы, и организации досуга. Сам же Александр Алексеевич занимался организацией новых кафедр, постановкой новых курсов, привлекал крупных специалистов-экономистов, руководил учебой и выпуском высококвалифицированных кадров экономистов. Мы, студенты, очень любили и гордились деканом, его авторитет был для нас непререкаемым.

В первые дни войны А.А.Вознесенский был назначен ректором университета. Естественно, что экономическому факультету он смог уделять меньше внимания, но оставался заведующим кафедрой политической экономии и читал курс лекций.

Недюжинные организаторские способности Александра Алексеевича, его активность, большое чувство ответственности ярко проявились на должности ректора. Он был вездесущим и вникал во все важнейшие вопросы, стоявшие перед университетом, и в то же время оставался демократичным руководителем, доступным для любого сотрудника, любого студента. Если возникали трудности, которые, казалось, мог решить только ректор, студент записывался к нему на прием в уверенности, что в назначенный день он будет принят и в случае необходимости ему помогут. Из этого вовсе не следует, что А.А.Вознесенский был таким «добрым дядюшкой». Он был очень строгим и требовательным руководителем. Но все знали – он строг и справедлив – и шли к нему безбоязненно, веря, что истина и человечность для него важнее всего.

В годы Великой Отечественной войны А.А.Вознесенский был не только сильным руководителем большого и сложного коллектива, но и его душой. Зимой 1941/42 г., которую университет провел в Ленинграде, его ректор вникал во все вопросы жизни и быта университетского коллектива, начиная от организации занятий оставшихся в городе студентов и кончая созданием так называемых «стационаров», где поддерживали уходом и питанием ослабевших от голода сотрудников и студентов. Универсанты, сражавшиеся в воинских частях внутри кольца блокады, чувствовали близость университета. С ними поддерживали связь, сотрудники вязали носки, варежки, посылали их солдатам, всегда вместе с подарками фронтовики получали приветы от ректора. В здании университета, несмотря на отсутствие тепла, а часто и света, сохранялись порядок и чистота. Большое внимание уделял ректор восстановлению студенческих общежитий. Несколько из них было разбомблено, необходимо было дать приют оставшимся без жилья студентам. Все это находилось в поле зрения ректора.

В конце февраля 1942 г., когда было принято решение об эвакуации университета из Ленинграда, А.А.Вознесенский во главе штаба по эвакуации решал сложные вопросы, связанные как с отправкой эшелонов на Большую землю, так и обеспечением сохранности университетских лабораторий, организации жизни и быта остающихся сотрудников. Он был главным организа-

тором всей этой работы и всюду успевал. В Ленинграде он провожал эшелоны с эвакуирующимися студентами и сотрудниками университета, а в Саратове, куда мы прибыли после многих дней пути, А.А.Вознесенский встречал нас на перроне вокзала.

Саратовцы проявили исключительное внимание и доброту к ленинградцам. Но и в Саратове роль А.А.Вознесенского в организации работы, жизни и быта коллектива университета была огромной. Здесь он вникал во все дела: обеспечение жильем и топливом, организация питания, получение дополнительных пайков для ослабленных сотрудников и студентов, устройство в больницу и т. д. Неизвестно, когда он отдыхал. С раннего утра до поздней ночи его можно было застать на «объектах», принадлежащих университету. Я была в 1942–1943 гг. председателем студенческого профкома ЛГУ и поэтому особенно близко наблюдала Александра Алексеевича в работе, его стиль, его отношение к людям.

Много времени прошло с тех трудных военных лет, но некоторые случаи, характеризующие человечность, доброту, великолепные организационные способности нашего ректора, свежи в моей памяти и сегодня.

В Саратове студенты жили в нескольких удаленных друг от друга общежитиях, которые город смог предоставить эвакуированному коллективу ЛГУ. И вот как-то зимой 1943 г. поздно вечером поступило сообщение, что в одном из общежитий с утра вышло из строя паровое отопление, а мороз 40 градусов. Ректор тотчас же с нами – представителями студенческих организаций – поехал в общежитие. Убедился, что скоро отопление не починить, поломка серьезная. И на месте принял решение: немедленно переселить замерзающих студентов в другие общежития, уплотнив проживающих там. Другого выхода не было. Нужно было спасать людей, в лютом холоде оставлять их было невозможно.

Или вот другой случай. Поздно вечером выяснилось, что у студента-химика тяжелейшие боли в желудке, температура – почти критическая. Звоним в больницу, отвечают: машин нет, чтобы выслать за больным. Узнав, что А. А. Вознесенский находится в обкоме партии, мы по телефону разыскали его и едва сообщили, в чем дело, как он сказал: «Высылаю свою машину». В больнице оказалось, что у студента был заворот кишок и буквально минуты решали вопрос его жизни и смерти. Впоследствии этот студент кончил аспирантуру, а потом стал профессором одного из ленинградских вузов.

Вспоминается и такой эпизод. В сентябре или октябре 1942 г. А. А. Вознесенский встретил в здании университета девушку, одетую в платье из белой мешковины и босую. Это была Айта Ильвес – крупная высокая эстонка с размером обуви 41 – 42. Может быть, поэтому никто из нас не мог отдать ей свою обувь, хотя и мы донашивали остатки, сохранившиеся после бомбежек и эвакуации. А. А. Вознесенский расспросил Айту, кто она, где учится, почему босиком. Узнав, что она биолог и что у нее родители и все близкие погибли, он в тот же день дал распоряжение выделить для Айты из крайне ограниченного ректорского фонда талоны на обувь, платье и т.п.

Бедственное положение эвакуированных студентов было очень серьезным, и через саратовские партийные организации А.А.Вознесенский добился, чтобы университетскому коллективу выделили большое количество обуви и теплой одежды. Что это была за обувь и одежда! Сейчас смешно вспомнить, да и тогда мы потешались друг над другом. Это были чеботы на дере-

вянной подошве с белым брезентовым верхом, ватные штаны и ватники – достаточно удобные, теплые и легкие, но... белого цвета! Однако ближе к зиме мы оценили эти ватные костюмы.

Когда зимой 1942/43 г. в здании университета из-за отсутствия топлива заниматься стало невозможно, было принято решение перенести занятия в общежития. Перегруппировали живущих в них студентов, на ходу изменили расписание, и занятия продолжались без перерыва. В другом случае, когда снова возникли трудности с дровами и нечем было отапливать общежития и здание университета, А.А.Вознесенский договорился с городскими организациями, что наш коллектив разгрузит баржи с дровами, поступающими для города, и за это мы получим топливо. Разгрузкой барж с энтузиазмом занимались все – от студентов до профессоров.

В годы эвакуации университет жил как одна семья, и главой ее был ректор А.А.Вознесенский. Для студентов, оторванных от дома и близких, ничего о них в то время не знавших, он стал самым родным человеком. Его называли отцом, и даже песня у нас была такая: «Наш папаша – ректор Саша». Александр Алексеевич помог нам сохранить оптимизм, веру в победу, научил не бояться трудностей, помогать друг другу и, главное, быть патриотом своей страны, университета, прекрасного города Ленинграда. «Мы – ленинградцы, а это значит, что не страшны для нас ни горе, ни беда...» – таков был наш гимн.

В конце января 1944 г., когда наступило счастливое время – снятие блокады, я попала в первую бригаду из 15 человек, направленную в Ленинград для подготовки университета к возвращению коллектива из эвакуации. Мы вместе с оставшимися сотрудниками произвели осмотр и учет зданий и общежитий, занимались ремонтом разрушенных помещений. Вскоре прибыл первый эшелон из Саратова. Сразу же было организовано обучение строительным специальностям, и после занятий все работали на восстановлении университета и общежитий. Было создано и большое подсобное хозяйство, где по очереди трудились также все. Я не помню отлынивающих от этих работ, ведь за время эвакуации мы сплотились в очень дружный коллектив. А об отношении к учебе или работе фронтовиков нечего и говорить: они всегда были впереди.

В восстановительный период вставали новые задачи. Университет расширялся, создавались новые факультеты. Душой и организатором всех этих дел оставался ректор А. А. Вознесенский. И хотя у него было очень много работы, его деятельность в Ленинграде вышла далеко за пределы университета, он по-прежнему был человеколюбивым, строгим, добрым и доступным руководителем, сильным, требовательным, преданным своему делу хозяином. Я до сих пор помню, например, какой порядок был в зданиях и во дворе университета при А. А. Вознесенском. Он и в этот период работал с раннего утра до позднего вечера.

Вспоминая об А. А. Вознесенском, хочется подчеркнуть, что его отличало умение не только организовать работу коллектива, нацелить его на выполнение важных, ответственных и нелегких задач, но и привлечь для их решения весь арсенал средств, в первую очередь – силу общественных организаций, энергию студенческого самоуправления. Работавшие под его руководством учились инициативному, требовательному и ответственному отношению к своим обязанностям, учились организованно и продуманно вы-

полнять порученное дело. Похвала А.А.Вознесенского, как и его недовольство плохо выполненной работой, надолго запомнились.

Светлый образ А.А.Вознесенского – истинного коммуниста и руководителя государственного масштаба остался со мною навсегда. Его жизнь, его отношение к трудностям, честность, мужество, вера в победу истины, справедливости и добра помогали мне постоянно. Я благодарна судьбе, что мне довелось жить и работать под руководством такого незаурядного человека.

Н. М. Волюнкин, профессор

ПРЕВОСХОДНЫЙ РЕКТОР

Жизнь подарила мне радость встреч и общения со многими выдающимися представителями нашей культуры – учеными, художниками, актерами, режиссерами. Каждая такая встреча глубоко откладывалась в моем сознании. Однако воспоминания о Ленинградском университете мне особенно дороги, ибо они связаны с молодостью, со временем становления гражданской и профессиональной зрелости. Я горжусь, что окончил университет, и окончил его тогда, когда ректором его был Александр Алексеевич Вознесенский – человек огромного организаторского таланта, высоко требовательный и безгранично влюбленный в университет.

Студенты гуманитарных факультетов хорошо знали и любили профессора А.А.Вознесенского как блестящего лектора, чьи лекции обычно собирали полный Актный зал университета. Глубина изложения и яркая, образная форма подачи материала захватывали всех, делали его лекции понятными и доступными. Нам, молодежи, импонировали и внешние данные Александра Алексеевича: его подтянутая фигура, молодое интересное лицо и седые волосы. И когда, уже в условиях начавшейся Великой Отечественной войны, стало известно, что А. А. Вознесенский назначен ректором, это было встречено студенчеством с большим одобрением.

Нам, оставшимся и университете, продолжавшим учебу и работу в трудной обстановке осени и зимы 1941/42 г., приходилось наблюдать и чувствовать, сколько инициативы, сил, времени отдавал ректор, чтобы обеспечить деятельность коллектива в блокированном городе. Тем, кому довелось трудиться с Александром Алексеевичем, известно, что он обладал огромной работоспособностью и уходил из своего кабинета уже глубокой ночью. В связи с этим мне хорошо запомнился один курьезный случай. В октябре 1941 г. в университете была организована ночная вооруженная охрана, в которую вошли как студенты-юноши, по разным причинам не призванные в ряды Советской Армии, так и девушки. Каждый вечер между 18 и 19 часами им выдавались охотничьи ружья и разводились караулы. И вот как-то в ноябре поздно ночью А.А.Вознесенский шел через проходную (пост 1) во двор университета, где была его квартира, и, видимо, хлопнул дверью будки. Это испугало задремавшую девушку-часовую – и раздался выстрел, но заряд, к счастью, попал в потолок. Почему у дежурной оказались курки взведенными, она не могла объяснить. Конечно, это было ЧП. Наутро я, как начальник вооруженной охраны, предстал перед ректором и получил заслуженный выговор.

Из моей памяти никогда не изгладится все, сделанное ректоратом, парткомом и общественными организациями университета для сохранения профессорско-преподавательского состава и студентов. Глубоко убежден: и я остался жив только потому, что получил возможность пробыть 10 дней и стационаре, который был развернут на биологическом факультете ЛГУ. А один из экзаменов в январе 1942 г. я сдавал Н.Г.Сладкевичу в гостинице «Астория», где в стационаре находилась большая группа профессоров и преподавателей университета. Это был общегородской стационар для работников культуры и искусства.

Голод, холод, артиллерийские обстрелы и бомбежки не могли остановить научную, учебную и общественно-политическую жизнь университета. И в этом большая заслуга ректората и партийной организации. Занятия, заседания Ученого совета университета и советов факультетов, защита диссертаций поддерживали рабочий ритм, поднимали жизненный тонус, отвлекали от тягот, вселяли чувство уверенности в торжество нашей победы.

Особое значение имело открытое заседание Ученого совета университета, посвященное 50-летию со дня сдачи В.И.Лениным государственных экзаменов за юридический факультет Петербургского университета. Проходившее 2 декабря 1941 г. в Актовом зале, оно собрало представителей не только профессорско-преподавательского состава и студентов, но и широкой общественности города. А.А.Вознесенский выступил на нем с докладом «В.И.Ленин и защита социалистического Отечества», в котором глубоко раскрыл роль В.И. Ленина в строительстве вооруженных сил молодой Советской Республики, создании Красной Армии как армии нового типа, состоящей из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов. В докладе была показана роль В.И.Ленина в разгроме интервенции и внутренней контрреволюции в период Гражданской войны. Особенно А.А.Вознесенский подчеркнул необходимость для всего коллектива университета в условиях военного времени работать в полную силу, не считаясь ни с какими трудностями, вопреки им.

Высокую деловитость, организованность, необычайную теплоту и заботу о сотрудниках и студентах проявил А.А.Вознесенский в период эвакуации университета. Его понимание общих задач учебных и научных коллективов нашего и Саратовского университетов способствовало их успешной совместной работе. Как руководитель-коммунист, он хорошо сознавал значение общественных организаций в жизни коллектива и с большим вниманием и уважением относился к их представителям. Пишу об этом потому, что, будучи в 1943–1946 гг. председателем профкома ЛГУ, я имел возможность довольно часто общаться с Александром Алексеевичем.

В годы войны студентам, кроме учебы, приходилось заниматься самой различной работой. В связи с этим ректор часто давал нам с секретарем комсомольской организации Н.Н.Фирсовым задания, советовался, как лучше провести в жизнь то или иное дело. Несмотря на огромную занятость ректорскими обязанностями, а также общественной и пропагандистской работой, Александр Алексеевич всегда находил время для бесед с руководителями студенческих общественных организаций, и мы видели в нем коммуниста, старшего товарища, стремившегося передать нам, молодежи, частицу своего незаурядного организаторского таланта. Лично мне это общение дало очень много. Впоследствии, будучи проректором Института им. И.Е.Репина

и ректором Института театра, музыки и кинематографии им. Н.К.Черкасова, я часто вспоминал стиль и методы работы А.А.Вознесенского.

С конца января и в феврале 1944 г. настроение в университете было приподнятым. Мы с радостью узнали о разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом, праздновали 125-летие основания университета и награждение его орденом Ленина. В выступлениях А.А.Вознесенского с этого времени звучит уверенность в скором возвращении в Ленинград и ставятся задачи по восстановлению университета и активному включению в общественно-политическую жизнь города. Незадолго до эвакуации Александр Алексеевич собрал у себя руководителей общественных организаций и призвал их сделать все, чтобы переезд в Ленинград профессорско-преподавательского состава сопровождался наименьшими трудностями. В связи с этим комитет комсомола и профком создали специальную бригаду, которая в день отъезда принимала во дворе гостиницы «Россия», где жили сотрудники университета, багаж, погружала его в багажные вагоны, а в Ленинграде доставляла на квартиры.

Можно было бы привести немало примеров заботы и внимания, которые проявляли ректорат и партийное бюро университета по отношению к профессорам, преподавателям и студентам. Вспоминается такой случай. В 1944 г. университет принимал абитуриентов в Ленинграде и Саратове. В январе 1945 г. саратовский набор прибывал в Ленинград. За несколько часов до прихода эшелона, ночью, я был срочно вызван из университетского общежития на пр. Добролюбова к ректору. А.А.Вознесенский сказал, что в общежитии на ул. Стахановцев начинает замерзать отопительная система, необходимо к 3.30 утра собрать студентов для ликвидации происшествия. К указанному времени было подано два трамвая. Прибыв на место, студенты горячей водой отогрели трубы и предотвратили аварию. А утром на Московском вокзале мы встречали саратовский эшелон. Приехавшие студенты были размещены в общежитии на ул. Стахановцев.

В период широко развернувшихся восстановительных работ А.А.Вознесенский не довольствовался тем, чтобы сделать, как было раньше, а смотрел вперед, учитывая рост коллектива и те задачи, которые ему предстоит решать. Это касалось и оборудования лабораторий, и вопросов материально-бытового обеспечения сотрудников и студентов. Например, когда местком и профком поставили вопрос об улучшении медицинского обслуживания коллектива, он сразу же подхватил эту идею, и вскоре при активном участии строителей-студентов развернулись работы по созданию вместо довоенного медпункта поликлиники университета, которая и по сей день успешно обслуживает не только универсантов, но и заведующих кафедрами и профессоров высших учебных заведений города.

А.А.Вознесенский неоднократно указывал, что наша обязанность с такой же самоотдачей и самоотверженностью, с какой мы восстанавливали университет, работать по реконструкции района и города. И на этом участке универсанты показали себя с наилучшей стороны. Так, в считанные дни по заданию районного штаба коллектив университета должен был разобрать доты на спусках к Неве от Дворцового моста до 1-й линии Васильевского острова. А.А.Вознесенский возложил руководство этим делом на профком. А работать приходилось вручную. Надо было разбить доты, разобрать, погрузить все в машины. Задание было выполнено в срок.

Летом и осенью 1944 г. очень остро встал вопрос об обеспечении топливом города и университета. Партийное бюро и ректорат предложили общественным организациям совместно с деканатами создать отряды для направления на лесозаготовки. Перед отправкой отрядов А.А.Вознесенский интересовался, как одеты и обуты студенты, как будет организовано их питание. За это внимание и любили его студенты, сочиняли о нем песни и распевали их на отдыхе под руководством студентки исторического факультета Жени Миллер.

Никогда не изгладятся из моей памяти радость и торжество, связанные с Великой Победой. Утром 9 мая митинг на Менделеевской линии открыла секретарь парткома Р.С.Мнухина. Мне поручили читать акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Затем с пламенной речью выступил А. А. Вознесенский. «Мы гордимся тем, что являемся сынами нашей могучей и прекрасной Родины. Слава нашему великому русскому, советскому народу!» – так закончил он свое выступление.

Нельзя не отметить слаженности в работе А. А. Вознесенского с руководителями партийной организации – сначала с В.И.Легким, а затем с Р.С.Мнухиной. Было бы ошибкой полагать, что по всем вопросам и всегда они были единодушны. Но каждая из сторон находила в себе силы, разум в интересах дела прийти к общему решению, отстаивать его и претворять в жизнь.

Не мешая и нашей самостоятельности как руководителей студенческих общественных организаций, Александр Алексеевич проявлял интерес и внимание к различным сторонам жизни студенческого коллектива: положению дел в общежитиях, организации питания, клуба художественной самодеятельности. А если у нас возникали трудности, мы всегда находили у него помощь и поддержку. Особенно ярко это выражалось по отношению к фронтовикам. Ректора интересовало все: как они устроены в общежитии, нет ли нуждающихся в санаторном лечении, получают ли талоны на дополнительное питание, одежду, обувь, как помогает им касса взаимопомощи. Надо сказать, что в 1944 г. на счете кассы еще с довоенного времени было свыше 100 тыс. руб. Зная об этом, Александр Алексеевич призывал нас в первую очередь взять на учет тех, кто пришел с фронта и нуждается в помощи.

Летом 1944 г. ректор направил нас разведать, что стало с теми дачами, которые в 1940 г. были переданы университету в районе Зеленогорска под дом отдыха. Мы увидели лишь небольшую металлическую дощечку с надписью «Дача Ленгосуниверситета», а уже в следующем году были развернуты работы по созданию базы отдыха.

При всей своей занятости А.А.Вознесенский всегда находил время прийти на профсоюзную конференцию, выслушать, что волнует студенчество, и выступить. На студенческих собраниях и конференциях он говорил: все работы, связанные с восстановлением и обеспечением деятельности коллектива, необходимы, но временны. Главное – овладение знаниями, учеба, вклад в науку. Он всегда призывал продолжать славные традиции университета, сохранять преемственность поколений.

Александр Алексеевич, будучи сам человеком широкой инициативы, любил инициативных людей и активно поддерживал каждое хорошее начинание, даже если оно требовало приложения его личных сил, времени и настойчивости. Но вместе с тем он имел реальный взгляд на то, что может быть претворено сегодня, а что надо отложить до будущего.

А.А.Вознесенский умел превратить, казалось бы, рядовое событие в большой праздник. Одним из таких праздников было, например, вручение только что установленных нагрудных знаков для окончивших университеты. Эти знаки в октябре 1947 г. получила большая группа профессоров и доцентов – воспитанников университета. Мне и сегодня приятно сознавать, что я имею удостоверение о нагрудном знаке за № 6, а знак с № 5 был вручен А. А. Вознесенскому.

Встречи и совместная работа с такими людьми, каким был А.А.Вознесенский, не проходят бесследно, они помогают в дальнейшей работе и жизни. В последующие десятилетия каждый, с кем я учился и трудился в то время, когда А.А.Вознесенский был ректором, подчеркивал, что работать с ним было нелегко, но интересно и поучительно.

И.О.Горбачев, народный артист СССР

МЫ, СТУДЕНТЫ, БЫЛИ В НЕГО ВЛЮБЛЕНЫ

В год окончания Великой Отечественной войны я стал студентом Ленинградского университета. Время было прекрасное и трудное. Оно было прекрасно непередаваемым чувством нашей Победы, завершения войны, возможностью мирно жить, учиться. Но было немало послевоенных трудностей: еще невосстановленные здания, бедная, голодная жизнь. Именно в это время я стал студентом философского факультета университета, ректором которого был Александр Алексеевич Вознесенский.

Атмосфера университета тех лет была проникнута торжеством мысли, поэзии, искусства, духом интересных общений. Мы поднимались над трудностями жизни, над бедным бытом. Гуманитарные факультеты университета блистали созвездием крупных ученых: Михаил Васильевич Серебряков, Александр Алексеевич Вознесенский, Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов, Константин Николаевич Державин, Борис Герасимович Ананьев и многие другие профессора представляли русскую советскую интеллигенцию, обладали прекрасными качествами учителей.

А. А. Вознесенский поддерживал в первую очередь лучшие традиции Петербургского университета, его вольнолюбивый дух, напряженную работу мысли. Он не признавал школярства, поощрял дискуссии, споры. Я слышал, как он говорил: «Сомневайтесь. Чем больше вы сомневаетесь, тем глубже постигаете верность идей. Выстраданные истины станут вашими». Он обладал лучшими качествами учителя: колоссальной эрудицией, широтой кругозора. Он прекрасно знал литературу, искусство.

Александр Алексеевич любил нас, молодежь, студентов, это была любовь к будущему. Охотно, с интересом он общался с нами, и мы не чувствовали той громадной разницы, которая разделяла нас. Он никогда не подчеркивал своей исключительности, разговаривал с нами на равных. После бесед с ним мы получали заряд духовной бодрости, нравственно очищались. Но его любовь к нам сочеталась со строгостью. Он не был мягким человеком. Он умел сказать «да» и «нет» и отвечал за сказанное. Двусмысленности в его словах быть не могло. Он умел верить студенту и умел прощать ошибки. Но если человек не оправдывал доверия, с таким он был крут.

А.А.Вознесенский понимал важность искусства в деле нравственного развития человека и опасность эстетической глухоты. Уже в то время появились ростки мещанства, вещиизма, жажды отъесться, побольше приобрести. Не все это тогда замечали, а Александр Алексеевич видел и понимал опасность распространения этих черт, как видел и понимал значение искусства для полноценного духовного развития человека, молодежи. Лучше других он сознавал, что наше будущее должно быть духовно богатым, великодушным, совестливым и что этому способствует искусство. Оно учит клеймить низменное в человеке и поднимать возвышенное, формировать подлинного человека в человеке. Подобные высказывания я слышал от А. А. Вознесенского неоднократно, когда стал членом университетского театрального коллектива.

Огромным вкладом Александра Алексеевича в университетскую жизнь было всемерное содействие развитию любительского искусства. До войны театральным коллективом университета руководил Ефим Захарович Копелян, после войны – Евгения Владимировна Карпова. Я видел, как помогал им и нам ректор во всем: от помещений до костюмов, что тогда было очень нелегким делом. Именно в то время были организованы танцевальный коллектив и знаменитый хор Ленинградского университета, руководимый Г.М.Сандлером, ныне заслуженным деятелем искусства РСФСР. Соловьем хора в те годы была Катя Шарапова.

А.А.Вознесенский – крупный ученый, организатор, пропагандист науки – всячески покровительствовал искусству в университете, но это было не меценатство, а сознательное эстетическое и этическое воспитание студентов. Какие прекрасные вечера проводились на факультетах, какие капустники! Смелые, веселые университетские вечера. Для них снимались помещения в домах и дворцах культуры. На них царила атмосфера поэзии, чистых, благородных чувств. Наш ректор посещал многие концерты и, сидя в первых рядах, живо реагировал и смеялся, когда я играл Хлестакова в «Ревизоре», внимательно слушал стихи, басни, сказки Андерсена.

Александр Алексеевич опекал университетские творческие коллективы, берег его участников. Когда открылся дом отдыха университета, нам всегда выделялись путевки туда. В доме отдыха мы близко познакомились с сыновьями А. А. Вознесенского. Они жили недалеко и приходили к нам играть в волейбол. Простота общения, присущая их отцу – подлинному интеллигенту, была свойственна и сыновьям, на редкость скромным, никогда не показывавшим, что они – дети ректора.

И хотя, кончив три курса университета, я перешел в Театральный институт, я считаю Ленинградский университет своей Alma mater. Я счастлив, что прошел прекрасную университетскую школу под руководством А. А. Вознесенского, что общался с этим мудрым, светлым, замечательным человеком, в которого все мы, студенты, были влюблены.

В. С. Торканский, профессор

ЖИВОЕ ПРОШЛОЕ

В 20 – 30-е гг. в нашей стране начали широко изучать и преподавать политическую экономию как особую науку о законах общественного развития, имеющую большое теоретическое и важнейшее практическое значе-

ние. Именно в этот период в Коммунистической академии и крупнейших университетах сложилась и выросла плеяда замечательных ученых – политико-экономов, блестящих пропагандистов марксистско-ленинской теории. Это были убежденные ленинцы, способные повести за партией широкие массы народа, пользовавшиеся высоким авторитетом. Для нас, старшего поколения ленинградских преподавателей экономической теории марксизма, примером такого коммуниста-ленинца в годы мира и в годы войны был и остается профессор А. А. Вознесенский.

Мое знакомство с Александром Алексеевичем относится к 1938–1948 гг. Я был его студентом, ассистентом (вел семинарские занятия на юридическом факультете ЛГУ, где он читал лекции), секретарем кафедры, которой он заведовал. Ко многим видам работы Александр Алексеевич привлекал меня как одного из самых молодых учеников и сотрудников, я выполнял различные его поручения. Это был период частого общения с А.А.Вознесенским, особенно после моей демобилизации в 1944 г. из армии и возвращения в университет. Духовную связь с этим человеком, который так много сделал для своих учеников, я ощущал всегда: и в блокадном Ленинграде, и в окопах Сталинграда. Прошло уже почти 40 лет с тех пор, как я последний раз видел своего учителя, слышал его голос, но все связанное с ним всегда будет живо в моей памяти.

Впервые я увидел А. А. Вознесенского у себя дома, на ул. Каляева, где жила наша семья. Его привел к нам С.И.Тюльпанов, который был большим другом моего отца, военного врача, участника Первой мировой и Гражданской войн. С.И.Тюльпанов преподавал политическую экономию в ленинградских вузах, в том числе в Военно-политической академии РККА. В начале 30-х гг. он приобрел известность среди политэкономов: в 1934 г. вышла книга С. И. Тюльпанова «10 лет без В.И.Ленина по ленинскому пути», которая раздавалась делегатам XVII съезда ВКП(б). Число друзей С.И.Тюльпанова непрерывно росло, многие из них бывали у нас дома.

И вот однажды Сергей Иванович пришел с двумя товарищами. Одного из них я давно знал и любил – это был Ф.П.Северов, полковой комиссар, позднее начальник кафедры политической экономии Военно-воздушной академии им. А.Ф.Можайского. Второго я видел впервые: выше среднего роста, худощавый, с резкими чертами лица, одет в морскую форму. Это оказался А. А. Вознесенский. Он был двумя-тремя годами старше Тюльпанова и Северова, неразговорчив, выдержан, только серые напряженные глаза, когда речь шла об острых проблемах, выдавали волновавшие его чувства.

В то время в Ленинграде, в бывшем Мариинском дворце, для подготовки партийных работников создавались Ленинские курсы при ЦК ВКП(б). Заведующим кафедрой политической экономии был назначен С.И.Тюльпанов, а А.А.Вознесенский – ее профессором. Обсуждая свои служебные дела, они с удовольствием пили чай с пирогами, советовались о чем-то с отцом, по-молодому смеялись, получив полезные рекомендации от неспециалиста по политэкономии. Первое впечатление, которое произвел на меня А.А.Вознесенский, – это внутренняя сила, беспредельная преданность своим убеждениям, демократизм без панибратства и какая-то юношеская стеснительность.

Встреча эта скоро забылась бы, но в 1938 г. я закончил школу, и надо было думать о будущем. Впрочем, будущее представлялось достаточно оп-

ределенным: влияние Сергея Ивановича, встречи со слушателями Военно-политической академии не прошли даром, я твердо решил последовать их примеру, стать преподавателем общественно-экономических дисциплин и поступил на исторический факультет ЛГУ. Здесь осенью 1939 г. состоялась моя встреча с А. А. Вознесенским. В этом году по инициативе Александра Алексеевича на историческом факультете было создано экономическое отделение, которое позднее было преобразовано в факультет политической экономии, и первым его деканом стал Александр Алексеевич.

В последние предвоенные годы особенно ярко светился выдающийся талант А.А. Вознесенского – лектора, пропагандиста марксистско-ленинских идей. Дело было не только в том, что лекции он, прекрасный оратор, читал совершенно свободно, вводя слушателей в творческую лабораторию своей мысли, постоянно рождая новые идеи. Главное заключалось в том, что А. А. Вознесенский на каждой лекции делал из нас убежденных марксистов, учил думать по-революционному, причем делал это в самой непринужденной форме, обращаясь и к нашему разуму, и к нашему сердцу. Его логика подводила нас одновременно к признанию основных постулатов марксизма и отрицанию всего того, что противостояло им явно или скрыто. Каждая лекция Александра Алексеевича – важная ступень в нашем познании экономической теории, самой жизни – наполняя студентов мощным зарядом оптимизма, уверенности в торжестве дела трудящихся. Лектор питал высокую любовь к трудящимся и угнетенным классам, как коммунист-интернационалист искренне сочувствовал поработенным народам, горячо ненавидел угнетателей и их приспешников. Человек труда был для него главным и единственным представителем общества, за интересы которого следовало бороться. В этой борьбе все свои надежды он связывал с рабочим классом, Коммунистической партией, своими товарищами-коммунистами.

Много замечательных ученых привлек А.А.Вознесенский к подготовке будущих преподавателей политической экономии. Среди них были академики Б. Д. Греков, В. В. Струве, Е. В. Тарле, профессора и преподаватели В. В. Рейхардт, С. И. Тюльпанов, В. В. Мавродин, В. М. Штейн, А. И. Буковецкий и др. Александр Алексеевич тонко разбирался в людях, не терпел недобросовестности, поэтому плохих лекций нам не читали. Каждый лектор был хорош по-своему. Когда В.В.Рейхардт читал лекции по до-капиталистическим формациям и товарному производству, представлялось, что конца не будет многочисленным дефинициям. Но они учили нас подходить к любой проблеме с многих сторон, видеть связь между категориями, мыслить диалектически. В. М. Штейн, бывший в 20-е гг. экономическим советником в Китае, казалось, знал все: от китайского языка до последних трудов буржуазных экономистов. Лекции его были блестящими, они достигали главного – пробуждали любовь к знанию, доставляли истинное наслаждение от общения с этим энциклопедически образованным человеком. Я уже не говорю о лекциях наших академиков. Воистину счастливы те, кто в молодые годы имел возможность слушать курс русской истории у Б. Д. Грекова, истории Востока у В. В. Струве, спецкурсы по истории XIX в., читаемые Е. В. Тарле. Вспоминая этих ученых, испытываешь чувство горечи от того, что сейчас довольно часто перед студентами в качестве лекторов предстают бесцветные личности.

А. А. Вознесенский отлично понимал: в 30-е гг. нельзя было обходиться только профессорами-коммунистами. Их не хватало, и потому Александр Алексеевич привлекал к преподавательской работе представителей старой интеллигенции, людей всесторонне образованных, хорошо знавших свой предмет. Большинство из них, будучи беспартийными, сочувствовало прогрессивным идеям, честно служило строительству социализма и своей Родине. Среди этих профессоров были не отличавшиеся до революции четкими прогрессивными взглядами А. И. Буковецкий, в прошлом приват-доцент Петербургского университета, и В. М. Штейн. Заслуга А. А. Вознесенского состояла в том, что всех преподавателей факультета он сумел сплотить в единый коллектив. Война показала, что он не ошибся в своих сотрудниках. В сердце каждого из них в годы суровых испытаний лишь укрепился советский патриотизм.

К июню 1941 г. факультет политической экономии набрал большую силу. Шли занятия на четырех курсах, всего обучалось более двухсот студентов, много аспирантов. К чтению лекций были привлечены молодые ученые, среди них – А. Г. Милейковский, будущий академик, Е. Д. Каганов, А. А. Пальцев и др. Приближалось время, когда молодая поросль политико-экономов готовилась выступить со своими научными исследованиями, начало которым было уже положено. Настроение на факультете было оптимистическим, в коллективе существовало полное морально-политическое единство, все были уверены в том, что тяжелые испытания, которые советская общественная наука перенесла в конце 30-х гг., больше не повторятся. Но беда пришла с другой стороны – грянула война с фашизмом.

Днем памятного 22 июня, после выступления В. М. Молотова по радио, в лектории истфака состоялся митинг. На нем выступали профессора В. В. Мавродин, С. Б. Окунь и др. А. А. Вознесенский был взволнован. Речь его была краткой, эмоциональной, мобилизующей. Чувствовалось, что он напряжен до предела, готов к активному действию. План срочных мероприятий, необходимых в случае войны, не был полностью отработан, ректору приходилось самому решать многие сложные задачи, связанные с ее началом. Стало ясно, что Александр Алексеевич не только ученый-теоретик, но и человек, способный к решительным действиям. Вскоре началась мобилизация студентов и сотрудников ЛГУ в армию и на трудовые работы. В эти дни я ректора не видел, но все мы знали: в университете есть лидер, вокруг которого сплочен наш коллектив. Этому лидеру можно было верить, он беспрельдно предан общему делу, является мудрой и светлой личностью. Каждого он напутствует на большой труд, с каждого строго спрашивает за результаты работы, каждого поймет. Главное – он сам среди нас, все делит с нами, никакие личные чувства его не одолевают.

Тучи над Ленинградом сгущались, 8 сентября 1941 г. фашисты окружили город, оборвали его связь с внешним миром. Началась блокада – пора суровой, беспощадной борьбы и страданий. Университет, однако, не прекратил своего существования, он зажил особой, блокадной жизнью. Сражавшиеся у стен Ленинграда студенты старались поддерживать связи с родным университетом. В редкие часы увольнений бывал в нем и я, с волнением входил в аудиторию физического корпуса во дворе университета, где занимались экономисты. Студенты были в пальто, шапках, закутанные в шарфы и платки, профессор А. И. Буковецкий читал лекцию в валенках, шубе с

воротником, поднятым стоя, перепоясанный ремнем, чтобы не продувало. В помещении большинство стекол выбито, температура – ниже нулевой. Лекция была по военной экономике. Никто никогда не читал и не слушал лекций в таких условиях. На свист пролетающих снарядов, их разрывы внимания не обращали. Было очевидным: враг не возьмет город, надо учиться – скоро предстоит преподавать политическую экономию.

Особенно хорошо помню среди студентов той поры Глеба Симонова, позднее он был секретарем парткома Института советской торговли им. Ф. Энгельса. Опухший, голодный, с трясущимся лицом – тяжело больной, он записывал все лекции, а потом, в столовой, низко склонившись над тарелкой, ел суп из неочищенной чечевицы. Казалось невероятным, что такой человек живет, а он еще и работал, и многие километры ежедневно проходил от дома до университета.

Неистощимую веру во всех вселял наш ректор. Все службы университета работали четко. Бережно сохранялись бесценные культурные сокровища. Создавались стационары для лечения ослабевших. Коллектив ученых продолжал свои исследования, читал в осажденном городе лекции, проникнутые патриотизмом, уверенностью в нашей победе. Александр Алексеевич, похудевший, горевший внутренним неистребимым огнем, был повсюду. Он провожал нас в армию, посещал госпитали, добывал хлеб и дрова для ученых и студентов. Стена его кабинета, выходившая в коридор, была теплее других, люди старались постоять возле нее. Несколько раз в день ректор выходил из кабинета и молча, жестом, приглашал их зайти и обогреться.

В конце декабря 1941 г. дистрофия добралась и до меня. Я был демобилизован, вернулся домой. Отец сражался на фронте, мать жила одна. Она стала меня лечить. Через месяц я встал с кровати, начал двигаться. Вскоре я узнал: университет эвакуирует студентов и сотрудников. По льду Невы – такой путь был короче – добрал я до университета. К ректору попал легко, моя просьба взять с собой в эвакуацию мать была им сразу удовлетворена. Такое не забывается.

Позднее, воюя на Сталинградском фронте, наступая с частями 28-й армии из Астрахани на Ростов, Украину, я получал много писем из Саратова, где находился в эвакуации Ленинградский университет. В некоторых письмах были даже стихи: «Просторен наш лекторий, не счесть аудиторий». Когда в окопе, притулившись у орудия, я их читал, то неизменно вспоминал довоенный Ленинград, университет, нашего Александра Алексеевича, его лекции, его облик. Все это было частью того, за что следовало бороться и, если потребуется, умереть.

В августе 1944 г., когда победа над фашизмом была уже очевидной, когда наша армия вышла на государственные границы и скорое окончание войны не вызывало сомнений, Ленинградский университет вернулся из эвакуации в родной город.

В начале этого месяца, будучи вторично демобилизован, я возвратился в Ленинград, который оставил в страшный блокадный февраль 1942 г. С Московского вокзала, с деревянным чемоданчиком в руках, зашел к себе на квартиру и сразу направился в университет. В известной всем нам столовой №8 узнал последние университетские новости. Каждый мой собеседник рассказывал о том, как многим обязан был в тяжелые годы войны и эвакуации коллектив университета своему руководителю. Вскоре я стоял в кабинете

ректора. Александр Алексеевич тепло и заботливо расспросил меня о военной службе, планах на будущее. Сказал, что преподавателей политической экономии не хватает и поэтому я, как студент IV курса, должен помогать кафедре в учебном процессе. Пожелав успехов в труде, ректор выдвинул ящик письменного стола, выдал мне документы на право получения дополнительного питания, «американских подарков», т. е. присланной из-за океана поношенной одежды, и ордер... на галоши. Все это было очень нужно, моя военная форма несла на себе многие следы окопной службы.

Осенью 1944 г. началась моя работа с Александром Алексеевичем на юридическом факультете, где он читал курс политической экономии. Я посещал все его лекции в Актовом зале главного здания университета, старался побыстрее восстановиться то, что забыл на войне. Как и в довоенные времена, Александр Алексеевич читал лекции ярко, четко, убедительно, его лицо всегда было вдохновенным и серьезным. Большинство студентов-юристов было одето еще в военную форму, но без погон, многие только что вышли из госпиталей. Отношение к лектору было восторженным: это был не просто учитель, но и старший товарищ всех, собравшихся в Актовом зале. Все знали, как много сделал А. А. Вознесенский в тяжелые годы войны для сохранения коллектива преподавателей и студентов, видели, как успешно под его руководством восстанавливается наш университет.

Александр Алексеевич был строг и справедлив. Это я испытал на себе. В 1946 г., в канун окончания экономического факультета, мне и еще одному студенту была присуждена первая университетская премия за научную работу. Вручал премию ректор в своем кабинете. Он впервые обратился ко мне не по фамилии, а по имени, сделал это ласково, и я вдруг почувствовал, что стал для него коллегой. Через некоторое время Александр Алексеевич предложил мне остаться на кафедре его ассистентом.

Но вскоре произошло событие, которое, казалось, могло мне дорого обойтись. На юридический факультет подал заявление мой знакомый, прошедший всю войну офицер, и я как-то рассказал об этом ректору. В один из майских дней 1947 г., когда я, как всегда, ожидал начала лекции Александра Алексеевича, студенты группы, в которой я вел семинарские занятия, окружили меня тесным кольцом в большом университетском коридоре, возле широкого окна. Кольцо было таким тесным, а спор столь жарким, что я не заметил, как оказался сидящим на подоконнике. А рядом висели портреты выдающихся русских ученых, стояли их статуи – наш ректор создал в знаменитом коридоре музей! Вдруг слышу, как знакомый властный голос произносит мою фамилию, и вижу разгневанное лицо Александра Алексеевича. Выговор был уничтожающим: сев на подоконник, касаясь подошвами ботинок заново окрашенных стен, я совершал святотатство... Но дело не ограничилось этим. Не сдерживая гнева, ректор сообщил, что мой знакомый пытался обмануть приемную комиссию, представив неизвестно где полученный аттестат зрелости. Круги пошли у меня перед глазами, мне показалось, что меня подозревают. Не помню, как в тот день я слушал лекцию моего любимого учителя.

Прошло несколько дней, я, как обычно, начал семинарское занятие. Вдруг дверь аудитории открылась, на пороге появился ректор, кивнув головой, поздоровался и сел за стол. Как ни странно, меня это не испугало. Студенты-юристы с большим интересом изучали политическую экономию, были

опытными спорщиками, я знал свой предмет – и семинар проходил интересно. На второй час Александр Алексеевич не остался, приказав мне прийти после занятия к нему. С трудом закончив семинар – меня угнетало ожидание разноса, я ни жив ни мертв предстал перед ректорской секретаршей Лидой, бывшей фронтовичкой. Еще мгновение – и я у ректора. Смотрю и вижу: лицо спокойное, взгляд доброжелательный. Александр Алексеевич называет меня по имени и поручает быть секретарем кафедры, вести протоколы ее заседаний, а в конце говорит, что дает это поручение, так как доверяет мне. В тот миг во всем многотысячном коллективе университета не было человека счастливее меня.

В последние месяцы моей работы с Александром Алексеевичем образ дорогого человека, его слова и дела сливаются в незабываемый теплый поток мыслей и чувств, из которого трудно выделить отдельные события. Помню, как в 1947 г. Александр Алексеевич создавал в Ленинграде отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (оно находилось тогда в Доме ученых им. А.М.Горького), был его первым председателем. К чтению лекций по политической экономии был привлечен и я.

А. А. Вознесенский направлял меня, например, читать лекции в университете марксизма-ленинизма в Пскове, совершенно разрушенном фашистами. Особенно запомнилась поездка поздней осенью 1947 г. вместе с Г.В.Ефимовым, ученым-историком. Как всегда, мы встретились на перроне Варшавского вокзала, но на этот раз не спешили зайти в вагон: с нами должен был ехать Александр Алексеевич. Наконец, он появился у поезда, улыбнулся нам, и мы вошли в купе. На нижнем месте лежал какой-то мужчина, рядом висели его зимнее пальто с бобровым воротником и бобровая, с черным бархатным верхом шапка – такую одежду носили тогда многие профессора. Вскоре все в купе спали.

В те годы поездка шла до Пскова часов 10–11. Утром, когда я проснулся, мои спутники тихо беседовали с попутчиком. Разговор велся о годах войны на Псковщине и о ее послевоенном восстановлении. Вскоре речь зашла о старинных псковских церквях и монастырях, которыми особенно интересовался Г. В. Ефимов. Об одном из монастырей наш собеседник рассказывал с большим знанием дела. «А кто в этом монастыре настоятель?» – полюбопытствовал Г. В. Ефимов. «Я, – ответил незнакомец и понимающе улыбнулся. – Что, не так уж часто вам приходится встречаться и беседовать с отцами церкви?» – в свою очередь спросил он, посмотрев на А.А.Вознесенского. Александр Алексеевич на минуту задумался: «Да, не часто, но приходится, в том числе в Славянском комитете, в работе которого я, ректор университета, принимаю участие». Слова «ректор университета» были произнесены без личного тщеславия, но с большой гордостью за прославленный коллектив, который он возглавлял.

Беседа ректора-коммуниста с настоятелем монастыря продолжалась до самого Пскова. Александр Алексеевич посуровел, но говорил уважительно. Речь шла о перенесенных в годы войны и блокады человеческих страданиях, о высоких нравственных принципах советских людей. Оба собеседника, люди высокоинтеллигентные, утверждали прямо противоположные принципы, но любовь к родной земле как бы сближала их. «Александр Алексеевич, – сказал настоятель, – может быть, вы найдете свободное время и при-

едете ко мне в гости? Я живу в монастыре (он назвал его), километрах в десяти от города. Я покажу вам сохранившиеся старинные книги, попьем чайку с липовым медом». Предложение было неожиданным, но не застало Александра Алексеевича врасплох. «Отчего же не приехать, приеду, – ответил он, – вот только времени маловато. Но постараюсь, может быть, и уговорю вас пожертвовать какую-нибудь книгу, имеющую историческое значение, библиотеке университета». «Боюсь, что это будет непросто, – предупредил священник, – ведь мы привыкли, что жертвуют-то нам...»

Когда наш рабочий день во Пскове подошел к концу, Александр Алексеевич вспомнил о монастыре. Тогдашний секретарь Псковского ГК КПСС Михайлов, бывший партизанский командир, решил проблему просто: «Поезжайте, поезжайте, – сказал он, – и возьмите мою машину». Г.В.Ефимов остался читать лекцию, мы отправились вдвоем. Никогда не забуду я этого вечера, скромного чаепития, беседы о роли церкви в восстановлении покрытой руинами области.

В 1948 г. университет торжественно отмечал 50-летие А. А. Вознесенского, который уже был назначен министром просвещения РСФСР. Мы собрались в том же зале, где еще совсем недавно звучали незабываемые лекции Александра Алексеевича, вновь увидели человека, которого все в университете, даже убежденные седины академики и профессора, любовно и уважительно звали «папа». Все мы были обязаны ему главным: он показал нам, каким должен быть руководитель и педагог.

Во время чествования Александр Алексеевич был заметно растроган. «Пишите мне письма в Москву, в министерство. Ставьте обратный адрес: ЛГУ, – сказал он, – эти письма я буду читать первыми. На каждое дам ответ». В тот день казалось, что связь наша с А.А.Вознесенским сохранится навеки и ни время, ни расстояние не смогут ее разрушить... Вскоре мы потеряли нашего учителя, нашего друга, но он остался в наших сердцах, манере жить и трудиться.

Л.Л.Эльяшова, доцент

НАШ ПРОФЕССОР, НАШ РЕКТОР

Осень 1942 г. Ленинградский университет в Саратове. Позади – лютая блокадная зима, эвакуация, для многих – больница, медленное возвращение к жизни. Но уже летом студенты и преподаватели убрали урожай в колхозе. В Саратове нередки тревоги, ведь совсем недалеко идет Сталинградская битва.

У нас начинается новый учебный год. По сравнению с предыдущим он – благополучный, долгожданный. Мы, историки третьего курса, избалованные лекциями академиков В.В.Струве и Е.В.Тарле, многих профессоров, с заинтересованностью ждем новый предмет – политическую экономию, нового лектора – профессора Вознесенского. Он – наш ректор. Впервые мы увидели его осенью 1941 г. в Актовом зале университета, где он вел партийно-комсомольское собрание с повесткой дня «Об обороне нашего участка». Речь шла о баррикадных боях, к которым мы готовились на случай прорыва немцев к университету. Нас удивила спокойная собранность ректора, его строгий костюм, белоснежная рубашка, галстук. Удивила и успокоила.

А теперь мы знакомимся с ним как с профессором. Высокий, прямой, подтянутый. Седые волосы и молодое красивое, властное лицо. Взгляд светлых глаз строго и одновременно дружески обращен к каждому из нас, приглашает к важному разговору. И началось действительно важное и небывало увлекательное. Казалось, что великие открытия К.Маркса об основах человеческого общества происходят у нас на глазах. Лектор рассуждал, думал вслух, посвящал нас в свои мысли. И нам было крайне интересно постигать эти мысли, напряженно думать. Как праздник была эта лекция, как откровение. Мы радостно переглядывались, глаза у нас блестели, лица покраснелись.

Политэкономия мы полюбили с первой лекции. Любовь эта для некоторых из нас стала пожизненной. Мы устремились в деканат с просьбой о переводе на экономический факультет, нас не остановила даже досада десяти экзаменов. Так я стала политэкономом.

В чем же была особенность лекций Александра Алексеевича Вознесенского? Вспоминаются его сильный голос, выразительная речь, ясность, доходчивость, удивительная логика. Но не только это. Лекции Вознесенского были страстным посвящением слушателей в неизвестный, захватывающе интересный мир. Лектор умел совмещать глубину и доходчивость. Самые сложные проблемы у него становились понятными.

По ходу изложения материала Александр Алексеевич допускал отступления, выходил за пределы политической экономики, и это делало нас образованнее, пытливей. Так, говоря о методе «Капитала» К.Маркса, он крайне увлекательно показал нам различие между методологией и методикой. Запомнилось и то, как развивал он у нас внимание к тексту «Капитала», к каждому его слову. «Один студент уверял меня, – говорил Александр Алексеевич, – что товар – это полезная вещь, потребительная стоимость. В ответ на мое несогласие студент горячо доказывал, что так написано в «Капитале». Открыли «Капитал», прочли: «Товар – это прежде всего полезная вещь». Два слова – «прежде всего» – студент не заметил и неправильно понял, что такое товар».

Александр Алексеевич обладал редким методическим даром – умел держать аудиторию все два часа в непрерывном напряжении, превращая своих слушателей в единомышленников. Теоретические положения, высказанные на лекциях, не оставались абстракцией, они объясняли жгучие вопросы современности, как, например, мысль о том, что истинные ценности человеческой жизни и культуры при капитализме определяются прежде всего их товарной стоимостью. Широко использовал он примеры из художественной литературы. Мне запомнилось эмоциональное чтение им отрывка из «Гроздьев гнева» Стейнбека о кризисе.

Услышанное на лекциях А.А.Вознесенского становилось нашими убеждениями на всю жизнь. Вот почему то, что я слышала больше сорока лет назад (а записей лекций не сохранилось – бумаги тогда не было, писали на чем придется), я отчетливо помню сегодня. И, как выяснилось, и Э.Рыжикова, и С.Фирсова, и М.Герасимова, и многие другие тоже помнят. А ведь за свою долгую преподавательскую жизнь мы слышали немало превосходных лекций. Но ни одна из них не заслонила впечатления от лекций нашего первого политэконома, не превзошла их.

Став лектором, я поняла главную особенность А.А.Вознесенского-преподавателя: он страстно любил науку и любил студентов, которых приоб-

щал к ней. С его лекций мы уходили в приподнятом настроении. И могу признаться, что всю свою преподавательскую жизнь я старалась читать лекции так, как читал их наш первый профессор. Он оставался высшим образцом. Александра Алексеевича давно нет с нами, но то, чему он научил своих студентов, продолжает жить.

Помню выступление Александра Алексеевича на научной дискуссии. Декан экономического факультета военных и первых послевоенных лет Виктор Владимирович Рейхардт приглашал студентов на научные обсуждения и побуждал нас выступать рядом с профессорами. На одном из таких заседаний шел диспут о сущности советских денег. Страсти разгорелись, и мы решили узнать мнение Александра Алексеевича. Он пришел из ректорского кабинета усталый (дело было поздно вечером), но быстро переключился с административных дел, выслушал разные мнения и высказал свое. Оно было блестящим методологически, логичным, убедительным.

Любили мы А. А. Вознесенского не только как профессора, но и как ректора. В самое мрачное время, когда «падал ленинградец на желтый снег пустынных площадей» (О.Берггольц), студенты университета не чувствовали себя забытыми в промерзших зданиях и общежитиях. Из комнаты в комнату несло: «Вознесенский приходил к нам в общежитие, расспрашивал. Бодрый, белый воротничок»; «У нас в лаборатории был ректор»; «Ректор говорил, что в главном здании скоро будет кипятик». И действительно, вскоре мы могли выпить кружку драгоценного кипятку, согреться. В конце ноября 1941 г. фугасной бомбой был взорван флигель нашего общежития на 5-й линии, д. 66. Много народу погибло. День и ночь шло спасение заваленных обломками. Вдруг узнаем: ночью приезжал Вознесенский, разговаривал с теми, кого спасли, укрывал их одеялами.

Как-то само собой к имени нашего ректора стало добавляться слово «папа». «Папа Вознесенский переводит нас на филологический факультет!» – разнеслась однажды весть. Это было спасение. В нашем общежитии царил холод и мрак – ледяные батареи, фанера на окнах, а на филфаке – печи, светлые аудитории. «Папа» распорядился топить печи мебелью, и мы получили благодатное тепло. «Папа Вознесенский нас эвакуирует, он добьется, он спасет нас». И он добивался всего, чего можно было добиться; спасал тех, кого можно было спасти, – студентов, профессоров, сотрудников, университет.

Наш ректор был строг, требователен и вместе с тем добр и демократичен. У него были дни приема только студентов, прием в эти дни нередко заканчивался в полночь. Для А. А. Вознесенского студент был личностью, а не просто представителем студенческой массы. Вот что вспоминают его бывшие студенты.

Летом 1942 г., во время жестоких боев под Сталинградом, мои сестры приехали из Казахстана в Саратов поступать в Ленинградский университет. К ним вышел седой человек и подробно расспрашивал об их жизни в Казахстане, о дороге, настроении, сокрушенно поглядывал на самодельные тряпичные туфли. Сестры крайне удивились, узнав потом, что их собеседником был ректор Ленинградского и Саратовского университетов.

Лариса Белан, кончавшая исторический факультет в 1945 г., вспоминает, как на комиссии по распределению Александр Алексеевич спросил, куда бы она хотела поехать работать. «Разве можно выбирать?» – удивилась она.

«Из имеющегося можно», — ответил ректор. Один из членов комиссии предложил ей работу в провинции. Вознесенский возразил: «Пусть Белан посмотрит Европу, есть место в Кенигсберге». Именно это место подходило Ларисе — она и немецкий язык знала.

Как-то в перерыве между лекциями Александр Алексеевич обратился ко мне, назвав по фамилии. Я удивилась, а он, оказывается, знал, что я возглавляла бытсектор комитета комсомола, и пригласил прийти к нему в кабинет по комсомольским делам. Впоследствии А.А.Вознесенский дал мне рекомендацию в партию. Этим я гордилась и горжусь.

Случилось и так, что он меня публично сурово раскритиковал. После возвращения в Ленинград в Актовом зале шло отчетно-выборное комсомольское собрание. На нем присутствовал и занятый множеством важных дел ректор. Я выступила с критикой бытовых трудностей в общежитии, живописала, как студенты мечутся по этажам к единственным часам, сорвала аплодисменты. В своем выступлении Александр Алексеевич сказал, что у нас сейчас многого нет, не только часов. На филологическом факультете стульев нет, и студенты слушают лекции, сидя на столах, потому что стулья сожгли в блокаду, спасая замерзающих людей. Может быть, будем ныть и жаловаться, что нет стульев? Мне было стыдно.

Помню, как удивило нас, двух членов комитета комсомола, отсутствие жилья у нашего ректора в Саратове. Александр Алексеевич заболел, мы пошли навестить его, а заодно решить неотложные дела. Оказалось, что ректор двух университетов жил в кабинете. За шторой стояла кровать; когда жильё превращалось в кабинет, штора задвигалась.

В Ленинградском университете военной и послевоенной поры ощущался особенный дух, было крепкое университетское братство. И этому способствовал ректор.

Возвращаясь из командировок, он обычно собирал сотрудников и студентов, делился результатами своей поездки, доверительно говорил о наших трудностях, перспективах, как бы советовался со всеми. Так, в 1944 г., после снятия блокады, Александр Алексеевич вернулся из Ленинграда и, радостно говоря о скором возвращении в родной город, высказал мысль о восстановлении университетских зданий собственными силами, об организации курсов штукатуров, маляров, стекольщиков. Хорошо помню, как высмеивал наш ректор тех немногих, кто боялся возвращения в Ленинград потому, по его выражению, что в Саратове больше пшени. Мы вместе с ним предвкушали радость возвращения.

К нашему «папе» мы обращались за помощью во все трудные минуты жизни. Например, мы на последние медяки послали ему отчаянную телеграмму из Москвы, куда нас отправили на курсы и где не выдали стипендию. Чаще же он сам узнавал о наших бедах и всегда приходил на выручку.

С ректором мы были связаны и во всех самых важных, самых радостных событиях. Так, в ночь на 2-е мая 1945 г., услышав о взятии Берлина, почти все студенты, жившие в общежитии на пр. Добролюбова, устремились к университету. Возник митинг, выступал Александр Алексеевич, и мы, в буйном порыве, качали его. В университет, к «папе», ринулись мы и в День Победы.

В июле, после защиты дипломов, мы, выпускники экономического факультета, также пришли в кабинет ректора. Усталый, он вышел с нами на

набережную и, поздравляя, обнял сразу весь выпуск – пять человек. Потом посмотрел на нас и сказал: «Если бы вы знали, как изменились ваши лица за время учебы. Совсем другими стали глаза. Что значит работа души!» Он каждого из нас видел в лицо.

Прошло три года, мы стали преподавателями, Александр Алексеевич переехал работать в Москву. И грустно нам было за наш университет, оставшийся без своего любимого ректора...

Любовь к замечательному человеку, профессору, ректору Ленинградского университета самых трудных – военных и послевоенных – лет живет в сердцах всех, кто его знал. Проходя по длинному коридору главного здания, я останавливаюсь у портрета Александра Алексеевича Вознесенского с чувством восхищения и благодарности и мысленно кланяюсь ему.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Н. А. ВОЗНЕСЕНСКОМ

Ю. И. Боксерман¹

ОН ВСЕГДА СМОТРЕЛ В СТОРОНУ НОВОЙ ТЕХНИКИ

Николай Алексеевич Вознесенский вошел в историю нашей страны не только как крупный советский работник и ученый, но и как руководитель, внесший немалый вклад в определение путей развития важнейшей составляющей всего народного хозяйства – его топливно-энергетического комплекса.

Помнится, в 1945 г. из США вернулась группа специалистов Главгазтоппрома, которую я возглавлял. В США в то время высокими темпами развивалось использование природного газа – в отличие от нашей страны, где упор делался на развитие угольной промышленности. На одной из встреч у Н. А. Вознесенского, на которой присутствовали его первый заместитель А. Д. Панов и я, завязался горячий спор. Панов отстаивал развитие только угольной промышленности, я со своей стороны доказывал преимущества развития газовой отрасли.

Николай Алексеевич внимательно выслушал наши аргументы и с интересом отнесся к моим рассказам об американском опыте использования природного газа в промышленности. Он поддержал мое предложение закупить в США завод по производству из природного газа сжиженного метана и гелия, в ту пору важного стратегического сырья. Вознесенский доложил вопрос И. В. Сталину, и завод был закуплен.

В эксплуатацию он был пущен в 1951 г., уже после гибели Николая Алексеевича. И хотя многие маловеры предрекали печальную судьбу этому предприятию (Берия, например, был против сооружения такого завода и грозился уничтожить меня, если там случится хоть одна авария), производство успешно работает до настоящего времени.

Вспоминая эту и другие встречи с Николаем Алексеевичем Вознесенским, замечу, что он был экономистом, как говорится, с большой буквы, и с моей, инженерной точки зрения это было прежде всего потому, что при решении производственных и многих социальных задач он всегда ставил во главу угла широкое применение в народном хозяйстве новейших достижений науки и техники, поддерживал тех, кто вносил в связи с этим перспективные предложения и открывал дорогу всему передовому, прогрессивному. Таким подходом пронизаны и те народно-хозяйственные планы, которые разрабатывались под его руководством. Думаю, что, проживи он хотя

¹ Юлий Ильич Боксерман (1912 г. р.) – доктор технических наук, почетный академик Академии горных наук Российской Федерации, заместитель министра газовой промышленности СССР, заместитель председателя Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, вице-президент Международной топливно-энергетической ассоциации. Воспоминания написаны к 100-летию со дня рождения Н. А. Вознесенского. Публикуются впервые.

бы лет на десять – двадцать дольше, у нас давно был бы создан эффективный экономический механизм постоянного научно-технического перевооружения всех отраслей материального производства. И сейчас, в XXI в., подход, за который ратовал Н.А.Вознесенский, как никогда является важнейшим условием всестороннего оздоровления и развития производства и решения на этой основе экономических и социальных задач современной России.

10.11.03

Л. М. Володарский¹

В «ШКОЛЕ» ВОЗНЕСЕНСКОГО

Всю жизнь меня окружали хорошие люди. Люди, для которых правилом был труд, стремление к знаниям, потребность постоянно идти вперед и совершенствоваться. Среди таких людей, оказавших на меня большое влияние, в известной мере воспитавших меня своим примером, я хотел бы выделить Николая Алексеевича Вознесенского. То, что жизненный путь Николая Алексеевича несколько раз прямо и косвенно пересекался с моей судьбой, считаю для себя великой удачей.

Беспредельно преданный своей стране, народу и партии, человек огромных знаний, фантастической работоспособности, он был прекрасным руководителем, организатором, требовательным и внимательным, всегда готовым прийти на помощь.

Прямое его влияние на меня началось в те времена, когда я работал Уполномоченным Госплана, продолжалось в дни, когда я был переведен из Ленинграда в Москву, в Госплан. А если взять отрезок времени с тех пор, когда я познакомился с первыми трудами известного экономиста Н.А.Вознесенского, и учесть, что навыки, выработанные во мне совместной работой с ним, полезны для меня по сей день, срок его влияния распространится почти на всю мою практическую деятельность.

В 15 лет – комсомольский вожак, в 16 – член партии большевиков, в 32 года – признанный ученый-экономист, в 34 – руководитель экономического штаба страны – Госплана СССР, в 37 – первый заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, в 39 лет – академик, в 43 года – член Политбюро ЦК ВКП(б) – таковы вехи яркой биографии Н. А. Вознесенского.

Я понимаю, что судить о человеке по его жизненной позиции и вкладу в жизнь страны, которая выдвинула его на ключевой рубеж, это, в сущности, больше, чем давать характеристику его личности как таковой. Здесь сопррикасаешься с проблемой более сложной и более ответственной. Поэтому я ограничусь только выношенным и многократно подтвержденным практикой убеждением, что истинная роль дальновидного государственного деятеля должна оцениваться в диапазоне человеческих достоинств, выходящем за должностные рамки.

Мерилом личной честности для меня был и остается общественный интерес человека. Глубоко убежден: тому, кто соизмеряет любые поступки

¹ Из книги автора (1911–1989) – доктора экономических наук, профессора, начальника ЦСУ СССР в 1975–1985 гг. – «Счёт памяти. Записки члена Правительства». М., 1983 (на английском языке). На русском языке глава публикуется впервые (сокращенный вариант).

повседневной жизни с интересами общества и народа, совсем не обязательно совершать громкие подвиги: его отношение к жизни само по себе явление, достойное уважения. Именно таким человеком был Н.А.Вознесенский.

Помнится, в самом начале 1941 г. в Москве собрали Уполномоченных Госплана СССР. Группе товарищей, в том числе мне, было поручено подготовить решение совещания, четко сформулировать в нем основные направления работы аппарата Уполномоченных Госплана СССР на перспективу.

Мы старательно готовили проект решения и полагали его совершенным. Но через день Николай Алексеевич, разбирая проект, убедительно показал, что до совершенства ему далеко: определяя функции и задачи Уполномоченных, мы не проработали вариантов, учитывающих специфику различных районов страны. Вознесенского огорчило, что мы недостаточно четко продумали организационные вопросы транспортных связей между различными регионами (насколько он был прав, мы убедились через несколько месяцев, когда обрушившаяся на страну Вторая мировая война потребовала немедленной массовой эвакуации граждан и оборудования).

Во время обсуждения проекта Николай Алексеевич обратился ко мне:

– Ну, хорошо, товарищи недосмотрели, недопоняли, но Вы, товарищ Володарский, кандидат экономических наук, как Вы могли упустить это из виду?

Поскольку в то время я не был кандидатом наук, я ответил:

– Я, Николай Алексеевич, не кандидат наук, что, конечно, не снижает спроса с меня за проделанную работу.

Вознесенский тут же отреагировал:

– Не кандидат, так будете им. И доктором наук будете. Если правильно поймете меру своей ответственности перед народом. Экзаменуйте себя каждой работой по самой высокой шкале.

Уточненный и переработанный проект решения совещания Уполномоченных Госплана СССР был принят Н.А.Вознесенским без замечаний.

О Н.А.Вознесенском я много знал и слышал еще в Ленинграде. После злодейского убийства С.М.Кирова ленинградскую партийную организацию возглавил А.А.Жданов. В начале 1935 г. он попросил направить Вознесенского в Ленинград для руководства городской плановой комиссией. Просьба Жданова была удовлетворена, об этом быстро стало известно в кругах ленинградских экономистов.

Вскоре руководящих работников Ленгорплана трудно было застать в кабинетах – они были в цехах, на предприятиях бытового обслуживания, стройках, в трамвайных парках, на заводах, в магазинах – каждый по своей отрасли. Многие из сотрудников Ленгорплана впервые по-настоящему окунулись в хозяйственную жизнь города, ощутили ее не только через колонки цифр, строчки директив и документов, а во всех тонкостях и противоречиях. Именно этого и добивался от своих подчиненных Вознесенский.

Возглавив Государственный плановый комитет СССР, Н. А. Вознесенский начал все с того же тонкого, сложного дела – подбора и воспитания кадров. Он искал специалистов с инициативным, гибким и оперативным мышлением. Причем эти требования предъявлял работнику любого ранга.

«В плановых органах еще крайне сильна бюрократическая короста, – писал Н. А. Вознесенский. – Планирование народного хозяйства плановые работники сплошь и рядом превращают в бюрократическую игру в цифирь.

Вместо проверки и активного воздействия на дело народнохозяйственного плана они занимаются механическим подсчетом цифр... Дело чести плановых работников – превратить органы социалистического планирования народного хозяйства в боевые штабы проверки выполнения народнохозяйственных планов».

Чтобы достичь этой цели, наладить реальный контроль за выполнением планов, во главе отделов Госплана Вознесенский поставил специалистов столь высокой квалификации, что они могли, как говорят, на равных вести дела с руководителями министерств – наркоматов, как их тогда называли. К началу Второй мировой войны Госплан СССР располагал кадрами, способными решать любые задачи развития народного хозяйства. Директивы Госплана отличались хозяйским подходом к возможностям как отдельного региона, так и всего государства в целом. Начали устраниваться диспропорции, возникшие в народном хозяйстве и внутри отдельных отраслей промышленности. Экономисты заговорили о «школе Вознесенского».

Перевод экономики огромной страны за короткий срок на военные рельсы подтвердил жизнеспособность «школы».

К концу блокады Ленинграда меня перевели на работу в Москву.

Работая в центральном аппарате Госплана СССР в непосредственном контакте с Н. А. Вознесенским, я, как и другие, прошел его строгую «школу», где главной дисциплиной была требовательность.

Сам он работал очень много и от нас, своих подчиненных, требовал тщательности, полной отдачи. Зная в совершенстве экономические пропорции, соотношения отраслей и видов продукции, он требовал от нас, чтобы в любом деле мы смотрели на вещи широко и, решая частные проблемы, непременно увязывали их с общими задачами развития экономики страны, учитывали межрайонные и межотраслевые интересы.

Он не принимал проект, если автор не мог убедительно, с конкретными выкладками и расчетами, доказать не только частную, но и общую выгоду предлагаемого мероприятия. Мне проходить такую проверку приходилось довольно часто, поскольку первое время я занимался проблемами топлива. Докладывая Вознесенскому возможное решение Госплана по тому или иному вопросу, я всегда имел с собой листок с расчетами, выходящими за рамки сути вопроса.

В оценке людей Вознесенский любил пользоваться, как он говорил, «формулой Толстого». Лев Николаевич утверждал, что человек подобен дроби. Числитель есть то, что он есть, а знаменатель то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь.

У самого Вознесенского отнюдь не было показной скромности. Но еще в большей мере не было у него желания подавлять своим авторитетом, навязывать свое мнение. Поручения он давал в форме условия четкой задачи. Решение задачи и выбор метода оставлял за подчиненными. Успешную работу одобрял спокойно, но не равнодушно. Он как бы хотел дать понять, что хорошо выполненная подчиненными работа – честь для руководителя.

На вопрос, не утомляют ли его цифры, он однажды ответил, что если слова позволяют людям общаться друг с другом, то цифры позволяют общаться со временем. Предвидеть, воплотить идею в расчет, а затем сделать его явью – в этом, по мнению Вознесенского, была увлекательная сила цифр.

В 1943 г. Госплан разработал план восстановления народного хозяйства в районах, освобожденных от оккупации.

Часть наших товарищей полагала, что силы и средства надо сосредоточить на подъеме промышленности, а с жильем можно подождать и до конца войны. Когда Вознесенский услышал подобное мнение, он сухо и жестко возразил:

– Война навязала советским людям невообразимые трудности. Да, они могли бы выдержать и больше. Но – хватит. Мы должны думать о завтрашнем дне. А завтра советский человек должен и работать, и жить в нормальных условиях.

По настоянию Вознесенского Госплан выделил максимум средств на восстановление жилья. Была введена специальная оперативная отчетность: Уполномоченные Госплана каждую пятidineвку докладывали, сколько людей в той или иной области осталось в землянках и сколько переселены в новые или отремонтированные дома.

Н.А.Вознесенский непостижимо успевал все делать в срок, какой бы объем работ на него ни свалился. Не любил «молчаливого большинства» и всегда, когда принималось решение, спрашивал мнение каждого персонально. Тех, у кого была иная точка зрения, просил выступить, обосновать свою позицию. Потом, если доводы ему не казались вескими, говорил сам. Спокойно, аргументированно разъяснял те моменты, где, по его мнению, оппонент допустил ошибку.

Сами по себе факты, подчеркивал он, как бы значительны и глубоки они ни казались, это ноль, ничто без осознания их во взаимосвязи и понимания, что от перемены порядка фактов и связанных с ними действий результат, как правило, меняется. И меняется существенно.

Вознесенским были заложены основы научного прогнозирования, предвидения, основанного не на интуиции, а на знании объективных законов развития народного хозяйства как с научной и производственной, так и социальной стороны. Конкретные черты Единой энергетической и транспортной систем страны, значение кредита и хозяйственного расчета, как рычагов и стимулов роста производительности труда в социалистическом государстве – по этим и другим крупнейшим проблемам Вознесенский имел твердую точку зрения. Несмотря на свою молодость, он заметно выделялся среди коллег знаниями, общей культурой экономического мышления и глубокой партийностью подхода к рассмотрению любого теоретического или практического вопроса.

Считая хозяйственный расчет важнейшим инструментом планового социалистического хозяйства, Вознесенский подчеркивал роль хозрасчета как наиболее удачной формы контроля и учета в производстве, обмене и распределении продуктов.

Актуальны до сих пор мысли Н.А.Вознесенского о революционной, преобразующей роли социалистического планирования. Он постоянно подчеркивал, что борьба за выполнение планов есть борьба за превращение возможности в действительность. Выражая объективные возможности социалистического способа производства, научно-обоснованный и сбалансированный план переделывает мир, изменяет его общественную природу.

Исходя из ленинских указаний о плане, который «каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться и видоизменяться», Вознесенский был сторонником гибкого планирования, максимально учитывающего позицию тех, кому предстоит наполнить план материальным содержанием.

Ему принадлежала мысль о необходимости разработки общегосударственного плана освоения и внедрения новой техники.

И наконец, Госпланом СССР была разработана программа – плод коллективного труда и большой аналитической работы, – позволяющая заглянуть в перспективу, далеко выходящую за рамки задач пятилетнего плана. В ней ставились, например, такие крупнейшие вопросы развития народного хозяйства СССР, как строительство новых центров черной и цветной металлургии, реконструкция железнодорожного транспорта, строительство Байкало-Амурской магистрали, создание топливной базы в северных районах европейской части СССР. Реализацию этой программы надолго отодвинула война.

Стремительный, не терпящий равнодушия и «золотой середины», Вознесенский, конечно, не мог всем прийтись по душе. «Природа справедлива, – говорил Николай Алексеевич. – Она редко делает исключения, одаряя, как правило, всех в равной степени. И дело каждого – сделать себя, используя представленные природой способности и возможности». Ему хотелось досконально знать меру и направленность способностей своих сотрудников, деловые и нравственные качества каждого из них – без этого он не мыслил продуктивной работы.

В силу своего характера, а скорее, в силу собственного понимания ответственности за порученную работу Вознесенский совершенно нетерпим был к неточностям, к некачественной подготовке документов. Зато знающих и аккуратных работников ценил и поддерживал. Думаю, что его требовательность и даже порой резкость вызывались лишь большим человеческим беспокойством за дело, которому он себя посвятил, и высочайшим чувством профессионализма.

При своем крутом нраве Николай Алексеевич был на редкость отходчив, обладал исключительно важным для руководителя качеством – не помнил, никогда не таил зла. Как говорят, не держал камня за пазухой, был открыт, прям, честен, и эти черты подкупали близко знавших его людей.

Вольно или невольно он преподавал мне важные уроки ответственного отношения к статистическим материалам, понимания того, что для точного, реалистичного и научно обоснованного планирования народного хозяйства необходима не только своевременная отчетность, но и высокое качество ее.

Однажды Председатель Госплана СССР позвонил начальнику Центрального управления народно-хозяйственного учета:

– У Вас есть под рукою сочинения Ленина?

– Есть, – ответил тот.

– Тогда, – сказал Вознесенский, – возьмите переписку Владимира Ильича с Центральным статистическим управлением и прочтите мне вслух письмо от 16 августа 1921 года.

Озадаченный начальник Центрального управления народно-хозяйственного учета начал читать вслух:

– «...председатель или заведующий ЦСУ должен работать в более тесном контакте с Госпланом, по непосредственным указаниям и заданиям председателя Госплана или президиума его... Для практической работы мы должны иметь цифры, и ЦСУ должно иметь их раньше всех...».

– Ну и как, Вы согласны? – спросил Вознесенский.

– С чем?

– С ленинским письмом. С тем, что нельзя давать Госплану запоздалую отчетность. Приезжайте немедленно для серьезного разговора.

...Вознесенский добился того, что статистики стали представлять Госплану оперативную пятидневную отчетность по основным показателям производства продукции. В годы войны, по настоянию Вознесенского, такая отчетность поступала ежесуточно. После войны оперативная отчетность была унифицирована, и сейчас ЦСУ дает в директивные органы ежедневные отчеты о положении дел в стране.

Николай Алексеевич почти круглые сутки проводил в Госплане, Совете Министров или Центральном Комитете партии. Казалось просто чудом, как он умел находить время, чтобы беседовать с нами, сотрудниками аппарата, помогать ориентироваться в стратегических вопросах порученного нам дела. Помню, в одну из ночей февраля 1943 г. он вызвал меня и сказал:

– У меня вдруг оказались пара часов свободных. А нам практически не удалось спокойно побеседовать с Вами после Вашего переезда из Ленинграда. Если не возражаете...

Я, разумеется, не возражал.

Беседа затянулась более чем на три часа – до тех пор, пока не раздался ожидаемый Вознесенским звонок из Центрального Комитета партии. Николай Алексеевич рассказывал мне о тонкостях планирования в условиях военного времени, советовал любое рациональное зерно, из которого может произрасти явление, отвечающее общегосударственным интересам, поддерживать, отстаивать вопреки возможному сопротивлению, проводить в жизнь.

– Мы с Вами здесь для того, чтобы защищать общегосударственные интересы. В наших руках мощное оружие – планирование экономики. С ним надо обращаться умело, осторожно и, главное, помнить о его дальнбойности. Я хочу, чтобы Вы знали его досконально.

Слова Вознесенского, как вы уже успели заметить, я вспоминаю часто. Особенно – «о дальнбойности» наших планов.

Он любил литературу, следил за ней. В те годы, как я уже говорил, мы работали по ночам. Как-то ночью, после рассмотрения одного важного документа, Вознесенский вдруг спросил у меня:

– Вы читали книгу Ажаева «Далеко от Москвы»?

– Читал, Николай Алексеевич. И остался очень доволен.

Наши оценки произведения совпали. Завязавшийся разговор перешел на публицистику Эренбурга, стихи Тихонова. Мы говорили о том, что тема войны даст много прекрасных произведений, что осознание ее трудностей, невзгод и потерь не может не послужить творческим импульсом для писателей и поэтов. Взглянув на часы, Вознесенский сказал:

– Не только для писателей и поэтов, но и для нас, экономистов. После войны наш с Вами творческий импульс должен создать такую экономику,

которая заставит призадуматься любого агрессора. И тем самым сделать войну невозможной.

О строгости Вознесенского я уже говорил. Мне тоже не раз от него «попадало». Иногда, с моей точки зрения, не совсем справедливо. В то же время я не мог не видеть, не понимать, что неуравновешенные реакции Председателя Госплана были почти неизбежным следствием его сверхчеловеческой перегруженности работой и бремени колоссальной ответственности, лежавшей на нем. Быть может поэтому моменты уязвленного самолюбия память сохранила лишь в самом размытом виде. А вот такие сцены не забудутся никогда.

Я получил орден «Красной звезды». Вернувшись в Госплан после вручения ордена, я узнал, что меня вызывал Вознесенский. Тотчас пошел к нему. Секретарь доложил о моем приходе, и, несмотря на то что у Вознесенского были люди, он попросил меня войти. Извинившись перед товарищами, он взял меня за плечо, подвел к окну и с каким-то неподдельным юношеским восхищением, сказал:

– Какой у тебя красивый орден! Я очень рад.

Из приведенных примеров у читателя может сложиться мнение, что Вознесенский ко мне проявлял особое внимание, чуть ли не благоволил. На самом деле он никогда меня не выделял из числа других сотрудников. А помогал он многим. Одним – материально, другим – морально. И всегда был неподдельно счастлив, когда труд работников Госплана СССР отмечали.

Н. П. Лебединский¹

КОМПЕТЕНТНОСТЬ – САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Николая Алексеевича Вознесенского я впервые увидел примерно через полгода после поступления на работу в Госплан СССР, в самый разгар войны – в августе 1942 г.

Первое, что меня поразило при этой встрече, – его отношение к подбору кадров, явно выходившее за рамки традиционного для того времени. Испытал я это на себе, когда в середине мая 1943 г. неожиданно был вызван к Николаю Алексеевичу. В его большом кабинете, который в основном был занят рабочим столом для заседаний, стояли два человека. Одному из них было 26 лет – это был я, а другому немногим больше, хотя разница в служебном положении была огромная. Я не знал, зачем меня вызвали. Но Вознесенский без дальних слов сказал:

– У меня есть к Вам предложение. Сейчас созревает сложная обстановка на Дальнем Востоке и там нужен наш человек. Я предлагаю Вам долж-

¹ Николай Павлович Лебединский (1916 г.р.) – кандидат экономических наук, профессор. Работал в Госплане с 1942 по 1987 г., прошел путь от старшего инженера до начальника Главного вычислительного центра – заместителя председателя Госплана СССР, участвовал в разработке военных и послевоенных народно-хозяйственных планов. Воспоминания написаны к 100-летию со дня рождения Н.А.Вознесенского. Публикуются впервые.

ность заместителя Уполномоченного Госплана по Дальнему Востоку, включая Хабаровский и Приморские края, Сахалинскую область и остальные его территории. Японцы сейчас проявляют очень большую активность в том районе. Они с нетерпением ждут результата военных действий в центре России и полностью готовы к нападению на наш Дальний Восток. По Сахалину они ходят, будто у себя дома, хотя, как известно, он принадлежит им только наполовину. А с хребтов Сихотэ-Алиня через сильную оптику они даже просматривают район Хабаровска, граничащий с Маньчжурией. И нам важно знать буквально каждый день, что там происходит. Согласны ли Вы с моим предложением?

Я ответил, что готов принять его, хотя никак не думал, что вместо Западного фронта, где я хотел бы сейчас быть, меня отошлют на Дальний Восток.

На это Николай Алексеевич заметил:

– Неизвестно еще, какой район будет ближе к военным действиям – западный или восточный. Все зависит от того, как пойдут дальше дела на фронте. Так что задание дается Вам очень ответственное. Когда мы Вам пришлем начальника – Уполномоченного, пока сказать не могу.

Вот так состоялась моя первая встреча с Н.А.Вознесенским.

Действительно, учитывая тогдашнюю обстановку, понятно, что это было очень ответственное поручение. И удивительно, что он дал его, впервые встретившись со мной, с человеком по существу юношеского возраста.

С этих дней начались мои практически ежедневные контакты с Вознесенским по специальному телефонному аппарату, который был установлен в Хабаровске и обеспечивал связь с Москвой.

По молодости лет я решил в первый же ответственный момент обратиться к председателю Госплана за советом – как быть? И был обескуражен его реакцией:

– Какой Вам нужен еще совет? Я Вам не советчик – вы у меня советчики! И вы обязаны давать предложения, предварительно разобравшись в существе дела на месте. Вот завтра и позвоните мне и скажите, как Вы считаете необходимым поступить в данном случае.

А речь шла ни много ни мало о стратегической обстановке на границе Советского Союза, о позиции, которую фактически занимала Япония. Я точно выполнил указание Вознесенского. Он внимательно, не перебивая, выслушал меня и согласился с предложением. С этого дня я почувствовал себя твердо стоящим на ногах и действовал уверенно, иногда даже вопреки мнению опытных хозяйственников, которые прибыли на Дальний Восток в порядке эвакуации из районов Украины и Белоруссии.

Это лишь отдельные штрихи, характерные для стиля работы Н.А.Вознесенского с кадрами, – доверять сотрудникам и при этом учить их принимать взвешенные самостоятельные решения. Он высоко ценил компетентность своих подчиненных независимо от их служебного положения, внимательно и уважительно относился к их соображениям и предложениям. Пожалуй, с такой чертой в общении крупных политических деятелей с их сотрудниками я потом ни разу не сталкивался. Мы иногда встречались с ним напрямую – когда требовалось обсудить какой-то наиболее острый вопрос, он, приглашая нас к себе или просто заходя в наши кабинеты, зачастую обращался не к руководителям, а к исполнителям, непосредственно знакомым с существом дела. И это была не случайная, а довольно частая практика.

Еще один штрих стиля работы Н. А. Вознесенского – его принципиальность, твердость в отстаивании позиций Госплана, своих позиций. Он мог в краткой форме, опираясь на факты, доказывать ту или иную мысль и чаще всего оказывался прав. Это не означало, что он был упрямым вопреки доводам, которые ему предлагались. Нет, при весомых аргументах его, конечно, можно было переубедить. Но принципиальность, твердость были крайне важны, поскольку у него были не только соратники, а и враги в полном смысле этого слова. Особенно это касалось Лазаря Кагановича. Спор между ними иногда переходил просто в грубую ругань со стороны Кагановича, что вовсе не смущало Вознесенского, он продолжал доказывать правильность предлагаемого им решения того или иного вопроса. Об этих спорах, разумеется, знал Сталин, но он, как известно, привык анализировать со своих позиций обстановку, и в подавляющем большинстве случаев мнение Вознесенского представлялось ему более обоснованным.

Кстати, обоснованность эта во многом опиралась на работу не только центрального аппарата Госплана, но и его Уполномоченных на местах. Их институт придавал Госплану огромную силу воздействия на хозяйственные процессы в стране, так как опирался на конкретные факты и оценивал их не с местнических, а прежде всего с общегосударственных позиций. Вместе с тем это вооружало и самого Н. А. Вознесенского в его борьбе со своими оппонентами. В первое время был назначен 21 Уполномоченный Госплана, потом их количество росло очень быстро и в конце концов стало соответствовать числу административных единиц – областей, краев и союзных республик. Уполномоченные Госплана по союзным республикам были основными «оппонентами» местных партийных и советских органов. Очень часто Уполномоченным давались поручения особой государственной важности за подписью Сталина. Отчеты по этим заданиям печатались в двух экземплярах, один из которых шел в Госплан и просматривался Н. А. Вознесенским, а другой после этого – адресатам: Сталину, Молотову и другим высшим руководителям.

Что же касается меня, то еще в конце нашей первой встречи Николай Алексеевич заявил:

– Будете хорошо выполнять наши задания, мы Вас в этом районе долго не задержим.

И действительно, уже в 1944 г. меня вызвали в Москву и предложили стать Уполномоченным Госплана по Владимирской области, а позднее я вернулся на работу в его центральный аппарат.

Как я уже сказал, Госплан располагал сильнейшими рычагами управления экономикой страны. Но это налагало на каждого из нас, его работников, и величайшую ответственность за свои решения. Н.А.Вознесенский требовал от сотрудников полной самоотдачи в работе и абсолютной честности. Мы не имели представления о том, что такое взятка или использование своих служебных возможностей не в интересах дела, интересах государства. Сам он, бесспорно, был для коллектива живым примером во всех этих отношениях.

Работать с Николаем Алексеевичем было всегда интересно, но не всегда легко. Он был непримирим к недостаткам в деятельности тех или иных звеньев Госплана и его сотрудников. Обладая сильной логикой и чрезвычайно быстрой и точной реакцией, он доводил до крайней степени напряжения

своих подчиненных. Бывали случаи, когда дело доходило до их слез, но через короткое время его вспыльчивость проходила, и он вызывал к себе сотрудника, которого только что сильно распекал, и уже в мирной, можно сказать, товарищеской форме, за чашкой чая продолжал с ним прерванное обсуждение вопроса. И не было случая, чтобы он прошел мимо какой-нибудь трудности или беды у своих подчиненных. Любой из нас всегда мог рассчитывать на его помощь и поддержку.

Хорошая теоретическая подготовка, обширные и глубокие представления о реальном положении дел в народном хозяйстве, организаторский талант Николая Алексеевича создавали ему огромный авторитет, который был до такой степени велик, что Сталин, как я слышал, в одной из бесед назвал Вознесенского своим преемником в управлении страной. К сожалению, этого не произошло. Жизнь Николая Алексеевича окончилась трагически. И это стало невосполнимой потерей не только для его родных и близких, друзей и соратников, но и для самого государства, которому он служил с полной отдачей своих сил и способностей.

12.11.03

СОДЕРЖАНИЕ

Вот смысл книги сей

4

Стертые ступени

5

Глава 1

«И БРОСИЛ ТО СЛОВО НА ВЕТЕР...»

9

Что делать новому руководству страны? – Ускорение без... ускорения. – Из авангарда человечества в арьергард «мировой цивилизации». – Статистика как служанка политики.

Глава 2

НА ТЕПЛОМ МЕСТЕ

26

Лагерь: первые уроки. – Ученый-историк Л. Н. Гумилев. – «Золотая рыбка» А. И. Лукьянов. – Тотальная ложь – оружие несправедливой власти.

Глава 3

«ГДЕ ТЕПЕРЬ ЭТИ КРЕПКИЕ РУКИ, ЭТИ ДУШИ ГОРЯЩИЕ – ГДЕ?»

46

Семейные корни и ветви. – А. А. Вознесенский: человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель. – «Нас всех могут физически уничтожить».

Глава 4

«ГДЕ ТЕПЕРЬ ЭТИ КРЕПКИЕ РУКИ, ЭТИ ДУШИ ГОРЯЩИЕ – ГДЕ?» (Окончание)

79

Н. А. Вознесенский в жизни, на работе, в политике. – 11 лет во главе Госплана страны. – Сталин – редактор «Военной экономики СССР...». – История «Политической экономики коммунизма».

Глава 5

«ЭТОТ ПОВАР БУДЕТ ГОТОВИТЬ ТОЛЬКО ОСТРЫЕ БЛЮДА»

118

Почему возникло «ленинградское дело». – Идеологическая подготовка новых преступных акций Сталина. – Репрессии? Нет – государственный террор! – Технология и хронология фабрикации «дела». – Что означали сталинские пометки на документах.

Глава 6 **«НАИВЫСШЕЕ НАСЛАЖДЕНИЕ ДЛЯ МУЖЧИНЫ»**

149

Психология Сталина. – Убийства по спискам, лимитам и личным указаниям «вождя». – Талантливый режиссер-постановщик кровавых спектаклей. – Как добывались «признания» обвиняемых. – Кого и за что уничтожал «Хозяин». – Сталинизм и сталинщина

Глава 7 **НЕВОЛЬНИКИ ЧЕСТИ**

193

Генералиссимус лично разрабатывал не только стратегию, но и тактику фабрикации «ленинградского дела». – Аресты и допросы. – Следственная техника получения «признаний» в преступлениях, которых не было и быть не могло.

Глава 8 **НЕВОЛЬНИКИ ЧЕСТИ (Окончание)**

224

Где и как стряпались «признания» арестованных. – Сталин лично отобрал главных кандидатов на расстрел и продиктовал обвинительное заключение по «ленинградскому делу». – Пьеса «Процесс» в театре абсурда. – Расстрелы в Москве. – Новые аресты и преследования в Ленинграде.

Глава 9 **«СОЦИАЛИЗМ НЕВОЗМОЖЕН БЕЗ ДЕМОКРАТИИ»**

262

Предложения о коренном изменении всей советской системы. – Политическая цель и средства ее достижения. – Общациональный лидер и общациональная идея.

Глава 10 **БУМЕРАНГ ИСТОРИИ**

286

Историческая необходимость коренной перестройки всей идеологической работы партии. – Политика или совесть. – Первая попытка ресталинизации общества. – Фальсификация мемуаров Г. К. Жукова и других военачальников.

Глава 11 **«ТВОЙ ОТЕЦ БОЛЬШЕ ГОДА СМЕЯЛСЯ НАМ В ЛИЦО...»**

304

Лубянка. – Лефортово. – «Живым ты от нас не выйдешь». – Этап в лагерь. – Все по закону.

Глава 12 ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО № У-279

320

Спецзадания Сталина Микояну. – «Граждане начальники» и товарищи заключенные. – Смертельная опасность. – «Берия сгорел!».

Глава 13 «НАС МОГУТ НЕ ПОНЯТЬ!..»

349

Журнал «Коммунист» и его читатели. – Спасение нефтегазового богатства Тюмени. – Внутриредакционная борьба против заскорузлого мышления. – Питомник кадров для ЦК КПСС. – За и против «развитого социализма».

Глава 14 «ЗА НЕПЕНИЕ ПЕСЕН В СТРОЮ...»

368

Из Отдела информации – в Отдел пропаганды ЦК КПСС. – Некоторые приемы частичного преодоления устаревших традиций. – Кто и как тормозил движение мысли и дела. – «Бег на месте – общепримирующий».

ГЛАВА 15 «А КОРНИ ВЕЩЕЙ НАМ НЕ НУЖНЫ!»

394

Общество задает тяжелые и острые вопросы. – Из ЦК на ЦТ. – Первые шаги на Телевидении. – Что же такое политика? – Борьба за право выполнять... обязанности. – Общественные и личные последствия выступлений в телеэфире.

Глава 16 «ПРИХОДИТЕ НА ПЕРЕДАЧУ С ПАРТИЙНЫМ БИЛЕТОМ!»

428

Зарубежный опыт прямого политического теле- и радиовещания. – «День X» Советского телевидения. – Массовая поддержка новой формы передач. – «Прямой разговор о прямых передачах». – Профессионал-царедворец. – Письма людские. – Работа министерств и ведомств по вопросам телезрителей, их предложениям и просьбам. – Кадровые и деловые сдвиги после прямого эфира. – Зарубежная реакция на открытое вещание в СССР. – Свобода слова и ответственность журналиста.

Глава 17 ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

464

Кремлевская стена становится прозрачной. – Реакция телезрителей. – «Правительственный Вестник» и другие новые формы информационной работы Совета Министров СССР. – Всеобщее недовольство ухудшением экономического положения населения. – Атрофия власти ЦК партии и Президента страны. – Антиправительственная кампания как средство

разрушения союзного Центра. – К вопросу о фатальном всемирно-историческом провале сталинского и послесталинского руководства партией, государством, обществом.

Глава 18 ОТ НАУКИ К ПОЛИТИКЕ И ОБРАТНО

491

Идеологические шаблоны и научное творчество. – Сбывшееся предсказание. – Автор и редакторы. – Трудовой, коллективистский, гуманистический. – Лектор и слушатели. – «К нам едет Мистер Гласность!» – Сергей Михайлович Крылов и его Академия. – Ошибки прошлого – ориентиры для будущего.

Глава 19 «ПРАВЫЕ» НЕ ПРАВЫ!

508

Октябрьская революция и отечественные «демократы». – В чем не правы российские «правые». – Что должен был бы пообещать народу в 1991 г. честный «демократический» претендент на пост Президента. – Откровения З. Бжезинского. – Нужно ли России быть великой?

Глава 20 ИЛИ СТАЛИН, ИЛИ СОЦИАЛИЗМ

539

«О Сталине мудром...» – Великая советская эпоха. – Почему Сталин объективно стал величайшим предателем идеалов революции и могильщиком социализма. – Главная причина гибели СССР и его общественного строя. – Социализма мы не знали. – Проблемы движения страны к Правде, Порядку и Справедливости.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Некоторые служебные записки автора (1968–1990 гг.)	567
Л. В. Судакова. Былое (Из истории жизни В. М. Судакова и его семьи)	599
Из книги Э. А. Вознесенского «Вхождение в жизнь» (Ленинград, 1990)... ..	633
Из воспоминаний об А. А. Вознесенском	691
С. М. Фирсова. Мой главный учитель	–
Н. М. Волынкин. Превосходный ректор	696
И. О. Горбачев. Мы, студенты, были в него влюблены	700
В. С. Торканский. Живое прошлое	701
Л. Л. Эльяшова. Наш профессор, наш ректор	708
Из воспоминаний о Н. А. Вознесенском	713
Ю. И. Боксерман. Он всегда смотрел в сторону новой техники	–
Л. М. Володарский. В «школе» Вознесенского	714
Н. П. Лебединский. Компетентность – самостоятельность – ответственность	720

Л. А. Вознесенский

ИСТИНЫ РАДИ...

Текст печатается в авторской редакции

Заведующий редакцией

М. М. Беляев

Художественный редактор

Е. А. Андрусенко

Технические редакторы

А. Ю. Ефимова, С. А. Голодко

Корректоры

Т. И. Андрианова, Т. Ю. Коновалова

ЛР № 010273 от 10.12.97.

Сдано в набор 03.11.03. Подписано в печать 09.12.03.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 47,25. Уч.-изд. л. 56,82.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Издательство «Республика»

Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

ГП издательство «Республика».

Миусская пл., 7, Москва. А-47, ГСП-3 125993.